
Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 17. № 4

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д. филос. н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д. филос. н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д. филос. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д. и. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор К. А. Сулимов

© Редакционная коллегия, 2023

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравляем коллег!

Кирьянов И. К. Отделу по исследованию политических институтов и процессов – 20 лет..... 5

Политические институты, процессы и технологии

Субботина А. А. Должность в обмен на голоса: влияние политической лояльности на политическую выживаемость муниципальных глав в условиях конкурсной модели избрания 9

Бурмистрова Е. С. От маргиналов к мейнстриму: смена имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистов 22

Гилёв М. И., Пешина Н. Н. Выбор места: какие факторы влияют на открытие отделений политических партий в регионах 32

Юзбекова К. Ш., Стародубцев А. В. Риторика поддержания особого статуса республик Российской Федерации в условиях централизации 50

Отинов Д. А. Особенности секьюритизации водного вопроса в Эфиопии в рамках критических подходов к исследованию безопасности 68

Сакаева М. М. Роль экологических НКО в борьбе с нефтяными разливами: случай Усинской катастрофы 81

Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Ответственность как фактор гражданского активизма молодежи 89

Маленков В. В. Профили гражданской активности молодежи: опыт участия, вовлеченность, ценности 102

Международные отношения

Дмитриева В. Д. Городу (Риму) и миру: к вопросу о роли *Urbi et Orbi* в глобализации католицизма 115

Золотарев Ф. Е. Арктическое направление международной деятельности Санкт-Петербурга: наблюдения из сетевого анализа 128

Галушко Д. В. Великобритания и брекзит: некоторые последствия «возврата контроля» 137

К сведению авторов 148

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Kuban State University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg State University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

Congratulations to our colleagues!

Kiryakov I. K. The department for research of political institutions and processes is 20 years old 5

Political institutions, precesses, technologies

Subbotina A. A. Position in exchange for votes: the impact of political loyalty on the political survival of municipal heads within competitive model 9

Burmistrova E. S. From marginal to mainstream: the changing image of European radical right populist leaders 22

Gilev M. I., Peshina N. N. Site selection: factors influencing the establishment of political party branches in the regions 32

Yuzbekova K. Sh., Starodubtsev A. V. The rhetoric of maintaining the special status of the republics of the Russian Federation in the context of centralization 50

Otinov D. A. Features of securitization of the water issue in Ethiopia within the framework of critical approaches to security studies 68

Sakaeva M. M. The role of environmental NGOs in combating oil spills: case of the Usinsk disaster 81

Abramova S. B., Antonova N. L. Responsibility as a factor of youth civic activism 89

Malenkov V. V. Youth civic activity profiles: practices, engagement modes, values 102

International relationships

Dmitrieva V. D. To the city (of Rome) and to the world: on the role of *Urbi et Orbi* in the globalization of Catholicism 115

Zolotarev F. E. Arctic direction in St. Petersburg's international activity: observations from social network analysis 128

Galushko D. V. The UK and Brexit: some consequences of "taking back control" 137

Information for the authors 152

Поздравляем коллег!

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-5-8

ОТДЕЛУ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПРОЦЕССОВ – 20 ЛЕТ

И. К. Кирьянов

Кирьянов Игорь Константинович, доктор исторических наук, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов,

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

E-mail: ikiryaynov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2866-877x. ResearcherID: AАН-5458-2020).

Аннотация

Посвящена двадцатилетию отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН – первой академической политологической институции за пределами Москвы. Приводятся данные, связанные с историей создания отдела, а также характеризующие основные направления научной деятельности его сотрудников.

Ключевые слова: академическая политическая наука; отдел по исследованию политических институтов и процессов; Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН; О. Б. Подвинцев.

Созданный по инициативе О. Б. Подвинцева отдел по исследованию политических институтов и процессов – первый специализированный центр академической политической науки за пределами Москвы – отмечает свое двадцатилетие. Его официальное открытие в статусе Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН состоялось 11 ноября 2003 г. на площадке Пермского государственного университета в присутствии представителей научной общественности, политических партий и движений, гражданских объединений. С приветственными речами к собранию обратились директор головного института В. Н. Руденко, председатель Президиума Пермского научного центра УрО РАН академик В. П. Матвеев, ректор Пермского университета В. В. Маланин. Последний, в частности, отметил, что вуз стал «колыбелью для академического подразделения» данного профиля, подразумевая и выделение университетских площадей для размещения институции, и университетскую социализацию ее первых научных сотрудников¹.

Решение о создании подразделения Института философии и права политологического профиля в Перми нашло место в Постановлении Президиума УрО РАН от 29 марта 2003 г. «О состоянии и перспективах развития Пермского научного центра УрО РАН». Первоначально предполагалось, что идея будет реализована в форме отдела, но к середине сентября заинтересованным сторонам удалось согласовать вариант филиала, что предполагало большую самостоятельность новой структуры. 15 сентября директором академического института В. Н. Руденко был подписан приказ «О создании Пермского филиала и утверждении Положения о нем». Штатный состав, сформированный к концу 2003 г., включал шестерых научных сотрудников: О. Б. Подвинцев (директор), Я. Г. Ашихмина, Ю. В. Василенко, *А. В. Михалева*, *С. В. Рязанова* и *А. В. Теленков* (курсивом выделены фамилии тех, кто работает в отделе и сегодня).

«Политические трансформации в России в сравнительном измерении» – стартовая тема научной деятельности филиала, объединявшая такие исследовательские направления, как политические аспекты межнациональных и межконфессиональных отношений и конфликтов в Российской Федерации в сравнительном контексте; модернизация партийной системы и электоральные процессы в Российской Федерации, трансформации региональных избирательных систем в современной России; региональное измерение политической культуры в условиях «глокализации» (Подвинцев, 2004: 139).

© Кирьянов И. К., 2023

¹ Семченко, О. (2003) Гуманитарное начало: [О презентации Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН], *Наука Урала*, 27 (855), нояб. С. 1, 2.

То, что первые публикации в авторитетных политологических журналах, в которых приводилась аффилиация авторов с новой институцией, были посвящены электоральным сюжетам, объяснялось погруженностью в данную проблематику самого О. Б. Подвинцева и в качестве академического исследователя, и в качестве практикующего политтехнолога (Ашихмина, Панов, Подвинцев, 2004а; Ашихмина, Панов, Подвинцев, 2004б). Вместе с тем всероссийские конференции, инициатором и организатором проведения которых в начале своей истории выступил филиал, напрямую не касались электоральных исследований – «Политические процессы и локальные сообщества в малых городах России: современный этап развития» (сентябрь 2006 г.) и «Новые религии: традиции или модернизация» (ноябрь 2007 г.). В целом результаты деятельности научного коллектива за первое десятилетие получили высокую оценку в академическом сообществе (Витковская, Бедерсон, 2013; Зырянов, 2013; Макаров, 2015; Филипова, 2013; Фишман, 2019).

В 2013 г. Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права был преобразован в отдел в составе Пермского научного центра УрО РАН (с 2017 г. – Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН), ставший в 2022 г. структурным подразделением Института гуманитарных исследований УрО РАН ПФИЦ УрО РАН.

Тема «Политические институты и процессы в современном территориальном и социокультурном контексте» определяла содержание академической деятельности отдела во второе десятилетие его существования. В ее рамках сформировались следующие приоритетные направления: методология анализа политических процессов; многоуровневая политика; электоральные исследования; политика идентичности и политизация этничности; актуализация прошлого и политика памяти; профессиональные сообщества; региональная политическая история. По всем направлениям получены значимые результаты, высоко оцененные экспертами и нашедшие отражение в семи монографиях и более чем в 200 публикациях в рецензируемых отечественных и зарубежных журналах, а также в тематических сборниках.

Инициативные проекты сотрудников отдела регулярно получают финансовую поддержку из различных источников: «Формирование интегральной идентичности арктического макрорегиона России» (Программа фундаментальных исследований «Арктика» УрО РАН, рук. О. Б. Подвинцев, 2012–2014), «Главы самоуправления и модели власти в муниципалитетах РФ» (РГНФ, рук. Т. Б. Витковская, 2013), «Соотношение уровней территориальной идентичности: Пермский край на фоне России» (РГНФ, рук. М. В. Назукина, 2015–2016); «Представительные органы МСУ Пермского края: качественный состав и лоббистский потенциал» (РГНФ, рук. Т. Б. Витковская, 2016), «Депутатский корпус локальных legislatures в Пермском крае: основные характеристики и типологические образы» (РФФИ, рук. Т. Б. Витковская, 2016–2017), «Институциональные модели рекрутирования глав муниципальных образований и трансформация межэлитных взаимоотношений (Пермский край в сравнительной перспективе)» (РФФИ, рук. П. В. Панов, 2017–2018), «Представительный орган местного самоуправления в малом российском городе: пространство влияния и политический потенциал» (РФФИ, рук. Т. Б. Витковская, 2018–2019), «Политическое пространство промышленных городов Урала: институты, идентичности, практики» (Программа фундаментальных исследований УрО РАН, рук. П. В. Панов, 2018–2019), «Субнациональная институционализация этничности в политике идентичности российских республик: комплексный сравнительный анализ» (РФФИ, рук. М. В. Назукина, 2019–2021), «Регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)» (РНФ, рук. П. В. Панов, 2019–2021), «История местного и муниципального управления в Пермском крае» (Бюджет Пермского края, рук. И. К. Кирьянов, 2020–2021), «Патриотическое воспитание в общественно-политических процессах Пермского края: социальные практики, субъекты и потенциал развития» (Бюджет Пермского края, рук. И. К. Кирьянов, 2020–2021), «Место без времени и время без места: хронотоп Пермь-36 в контексте конструирования культурной травмы» (РНФ, рук. С. В. Рязанова, 2022–2023), «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства» (РНФ, рук. П. В. Панов, 2023–2025).

Отдел неоднократно инициировал участие ПНИЦ / ПФИЦ УрО РАН в числе организаторов различных научных форумов, в частности Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы» (март–ноябрь 2013 г., совместно с Экспертной сетью по исследованию идентичности, Исследовательским комитетом по политической идентичности, ИНИОН РАН); Первого и Второго пермских форумов «Визуализация выбора» (16–22 апреля 2015 г. и 15 мая – 5 июня 2018 г., совместно с Фондом культурных проектов «Новая коллекция» и Центром городской культуры); научного семинара

«Электоральная математика. Пермский край» (10 декабря 2020 г., совместно с ПГНИУ); Всероссийской научной конференции «30 лет электоральной политики в России» (17–18 декабря 2021 г., совместно с РАПН, ПГНИУ); Всероссийской научной конференции «Этнокультурное разнообразие и этническая политика: российские и зарубежные импликации» (15–16 декабря 2022 г., совместно с ПГНИУ).

В третье десятилетие своей истории отдел по исследованию политических институтов и процессов вступает с новой темой государственного задания – «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения».

Список литературы / References

- Ашихмина, Я. Г., Панов, П. В., Подвинцев, О. Б. (2004а) 'Губернаторские выборы как индикатор политических тенденций в регионах-донорах', *Россия и современный мир*, 2, сс. 52–76. [Ashikhmina, Ya. G., Panov, P. V., Podvintsev, O. B. (2004a) 'Gubernatorial elections as an indicator of political trends in donor regions' [Gubernatorskie vybory kak indikator politicheskikh tendentsii v regionakh-donorakh], *Rossiya i sovremenniy mir*, 2, pp. 52–76. (In Russ.)].
- Ашихмина, Я. Г., Панов, П. В., Подвинцев, О. Б. (2004б) 'О критериях оценки выборов', *Полис: политические исследования*, 4, сс. 139–146. [Ashikhmina, Ya. G., Panov, P. V., Podvintsev, O. B. (2004a) 'About the criteria for evaluating elections' [O kriteriyakh otsenki vyborov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 139–146. (In Russ.)].
- Витковская, Т. Б., Бедерсон, В. Д. (2013) 'Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН: 10 лет со дня основания', *Вестник Пермского научного центра*, 2, сс. 63–74. [Vitkovskaya, T. B., Bederson, V. D. (2013) 'Perm branch for research of political institutions and processes of the Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian academy of sciences: 10 years since establishment' [Permskii filial po issledovaniyu politicheskikh institutov i protsessov Instituta filosofii i prava UrO RAN: 10 let so dnya osnovaniya], *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, 2, pp. 63–74. (In Russ.)].
- Зырянов, С. Г. (2013) 'Академической политической науке на Урале – 25 лет', *Социум и власть*, 3, сс. 5–14. [Zyryanov, S. G. (2013) 'Academic political science in the Urals is 25 years old' [Akademicheskoi politicheskoi nauke na Urале – 25 let], *Sotsium i vlast'*, 3, pp. 5–14. (In Russ.)].
- Макаров, А. Б. (2015) 'Академическая политическая наука на Урале. Обзор результатов важнейших философско-политических исследований Института философии и права УрО РАН', *Политическая наука*, 3, сс. 161–174 [Makarov, A. B. (2015) 'Academic political science in the Urals. A review of the most important results and achievements of the Institute of the philosophy and law, Ural branch of the Russian academy of sciences in philosophy and political studies' [Akademicheskaya politicheskaya nauka na Urале. Obzor rezul'tatov vazhneishikh filosofsko-politicheskikh issledovaniy Instituta filosofii i prava UrO RAN], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 161–174. (In Russ.)].
- Подвинцев, О. Б. (2004) 'Пермский филиал по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН', в: *Панорама политических исследований Прикамья: альманах*, вып. 2. Пермь: Перм. кн. изд-во, сс. 139–141. ['Perm branch for research of political institutions and processes of the Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian academy of sciences' [Permskii filial po issledovaniyu politicheskikh institutov i protsessov Instituta filosofii i prava UrO RAN] in: *Panorama politicheskikh issledovaniy Prikam'ya: al'manakh*, vyp. 2. Perm': Perm. kn. izd-vo, pp. 139–141. (In Russ.)].
- Филиппова, Н. А. (2013) 'Академическая политическая наука Урала: обзор ключевых результатов за четверть века', *Политекс*, 3, сс. 291–305. [Filippova, N. A. (2013) 'Academic political science of the Urals: review of key results over a quarter of a century' [Akademicheskaya politicheskaya nauka Urала: obzor klyuchevykh rezul'tatov za chetvert' veka], *Politex*, 3, pp. 291–305. (In Russ.)].
- Фишман, Л. Г. (2019) 'Академическая политическая наука Урала в российском и

глобальном контекстах', *Политекс*, 1, сс. 59–76. [Fishman, L. G. (2019) 'Ural Academic Political Science in Russian and Global Contexts' [Akademicheskaya

politicheskaya nauka Urala v rossiiskom i global'nom kontekstakh], *Politex*, 1, pp. 59–76. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 25.09.2023

Статья принята к печати: 23.10.2023

THE DEPARTMENT FOR RESEARCH OF POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES IS 20 YEARS OLD

I. K. Kiryanov

I. K. Kiryanov, Dr. Sci. (History),

Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.

E-mail: ikiryanov@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-2866-877x. ResearcherID: AAH-5458-2020).

Abstract

The submitted text is dedicated to the twentieth anniversary of the Department for the Research of Political Institutions and Processes of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences – the first academic political science institution outside of Moscow. Data on the history of the Department's establishment are presented, as well as the characterisation of the main directions of scientific activity of its employees.

Keywords: academic political science; Department for the research of political institutions and processes; Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; O. B. Podvintsev.

Политические институты, процессы и технологии

УДК: 323:352(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-9-21

ДОЛЖНОСТЬ В ОБМЕН НА ГОЛОСА: ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВЫЖИВАЕМОСТЬ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ГЛАВ В УСЛОВИЯХ КОНКУРСНОЙ МОДЕЛИ ИЗБРАНИЯ

А. А. Субботина

Субботина Анна Александровна, студентка IV курса, историко-политологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: annasubbotina1000@gmail.com (ORCID: 0009-0009-8164-1574).

Аннотация

Проблема политической выживаемости субнациональных лидеров в условиях авторитаризма достаточно подробно изучена. Среди множества факторов ключевым исследователи называют политическую лояльность. Однако политическая выживаемость мэров на локальном уровне в России менее изучена по сравнению с «выживаемостью» губернаторов, особенно в контексте избрания глав по конкурсу. Как политическая лояльность главы влияет на его политическую выживаемость в условиях конкурсной модели избрания? Отношения между мэром и губернатором представлены в логике теории принципал-агентских отношений. В качестве факторов политической выживаемости мэров рассмотрены электоральная лояльность, экономическая эффективность и персональные характеристики глав (происхождение, возраст, опыт работы в исполнительных органах МСУ, опыт участия в электоральных кампаниях). Исследование проведено на примере муниципалитетов Пермского края и Свердловской области. Всего проанализировано 208 конкурсов с 2015 по 2022 г. В результате регрессионного анализа установлено, что успешная электоральная мобилизация и достижение высоких результатов голосования за партию власти / инкумбента повышают шансы мэра сохранить пост, а социально-экономические успехи главы не оказывают существенного влияния на его «выживаемость». Однако электоральная лояльность является не единственным значимым фактором «выживаемости» глав. На сохранение мэром должности влияют его возраст, «варяжскость». Данное исследование расширяет представление о факторах политической выживаемости местных глав в условиях конкурсной модели избрания и актуализирует поиск иных объяснительных моделей «выживаемости» мэров.

Ключевые слова: главы местного самоуправления; политическая выживаемость; электоральная лояльность; экономическая эффективность; конкурсная модель; региональная власть; принципал-агентские отношения.

Почему одни региональные и муниципальные руководители сохраняют должности, а другие нет? Проблема выживаемости субнациональных лидеров в условиях авторитаризма достаточно подробно изучена как на примере зарубежных стран, так и на примере российских регионов. В качестве ключевого фактора выживаемости исследователи отмечают политическую лояльность: автократы более склонны поддерживать преданные элиты, чем эффективных управленцев (Egorov & Sonin, 2011). Данный тезис находит подтверждение и на российском локальном уровне (Beazer & Reuter, 2022). Однако введение в 2015 г. конкурсной модели избрания местных глав создает новый институциональный контекст взаимодействия губернатора и мэров, в рамках которого «выживаемости» местных глав еще не уделялось исследовательского внимания. Это актуализирует возвращение к проблеме выживаемости элит на локальном уровне в России.

Переход к избранию глав по конкурсу рассматривается как одно из действий по встраиванию органов МСУ в вертикаль власти. Согласно этой модели, кандидаты сначала проходят отбор конкурсной комиссией. Она наполовину формируется представительным органом муниципалитета; другая же половина ее членов назначается губернатором. Затем депутаты представительного органа из

отобранных конкурсной комиссией кандидатов выбирают главу¹. При такой модели региональные элиты получают формальную возможность влиять на избрание местного главы: через контроль над комиссией губернатор может продвигать на должность мэра одобряемого им кандидата (Гилёв & Шевцова, 2021; Кросстон & Сельцер, 2015). Следовательно, сохранением мэром должности, дальнейшее продолжение политической карьеры на более статусном посту в структуре власти зависит от одобрения его деятельности региональной властью. По каким параметрам губернатор в первую очередь оценивает работу главы? Как политическая лояльность местных глав влияет на их политическую выживаемость в условиях конкурсной модели избрания? Этому вопросу посвящено исследование.

Рассматривая факторы «выживаемости» субнациональных лидеров в условиях авторитаризма, исследователи фокусируют внимание на дилемме «лояльные VS экономически эффективные элиты», с которой сталкивается автократ, оценивая своих подчиненных. Предполагается, что в авторитарных режимах лидеры скорее сделают выбор в пользу лояльных, чем экономически эффективных элит (Egorov & Sonin, 2011). Магалони на примере Мексики также отмечает практику вознаграждения постами политиков, способных мобилизовать граждан на выборы и обеспечить голоса за правящую партию (Magaloni, 2006).

Применительно к российскому кейсу в научной литературе возникла дискуссия по поводу факторов политической выживаемости субнациональных руководителей. Ряд исследователей на примере изучения «выживаемости» российских губернаторов отмечают, что в условиях электорального авторитаризма национальные лидеры заинтересованы в мобилизации избирателей и в уверенной победе действующей власти на выборах, поэтому они поддерживают лояльных губернаторов, то есть способных обеспечивать высокие результаты голосования за партию власти / инкумбента. В таком случае фактор экономической эффективности становится менее значимым на фоне важности достижения электорального успеха (Reuter & Robertson, 2012; Gel'man & Ryzhenkov, 2011; Reisinge & Moraski, 2013; Rochlitz, 2016). Однако другие исследования опровергают этот тезис и при этом не находят подтверждение значимости экономической эффективности (Golosov & Tkacheva, 2018; Мухаметов, 2020). В исследованиях российского локального уровня также отмечается значимость результатов голосования за «Единую Россию» на региональных и федеральных выборах для переизбрания местных глав (Beazer & Reuter, 2022; Reuter, et al., 2016). Но «выживаемость» мэров менее изучена по сравнению с «выживаемостью» губернаторов. Кроме того, представленные работы рассматривают политическую выживаемость без привязки к модели избрания или фокусируются на институте сити-менеджера. Политическая выживаемость мэров в условиях функционирования конкурсной модели еще не рассматривалась систематически. Это исследование преследует цель как рассмотреть влияние лояльности на политическую выживаемость глав в условиях функционирования конкурсной модели избрания, так и в целом эмпирически проверить тезис об электоральной лояльности как основном факторе «выживаемости» мэров на современном этапе развития политического режима в России.

Вслед за другими авторами в работе политическая выживаемость мэра рассматривается как сохранение им должности (Reuter & Robertson, 2012; Rochlitz, 2016; Мухаметов, 2020) или продолжение политической карьеры на более статусной должности на уровне региона (Rochlitz, 2016). Под политической лояльностью понимается способность элит эффективно принимать меры для обеспечения стабильности режима; следование элит политическим и партийным целям лидеров более высокого уровня (национальных, региональных) (Reuter & Robertson, 2012). Она может выражаться в поддержке политики режима, длительном членстве в партии власти, электоральной лояльности (Reuter & Robertson, 2012). Под электоральной лояльностью подразумеваются действия элит с целью помочь режиму выиграть выборы: мобилизация избирателей (достижение высокой явки) и обеспечение голосов за правящую партию / инкумбента (Reuter & Robertson, 2012; Rochlitz, 2016; Golosov & Tkacheva, 2018).

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: Федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 17.05.2022).

Губернатор и мэр как принципал и агент

Отношения между региональной властью и местным главой можно моделировать по типу взаимоотношений «принципал – агент» (Gel'man & Ryzhenkov, 2011; Туровский, 2013; Панов, 2018). В логике данной теории губернатор выступает в роли принципала – актора, делегирующего выполнение обязанностей агенту, а мэр является агентом – актором, на которого возлагается выполнение обязанностей за вознаграждение. Предполагается, что принципал-агентские отношения реализуются на основании контракта: между губернатором и мэром заключается неформальный договор об условиях делегирования полномочий и порядке вознаграждения (Горохов, 2011).

Обе стороны отношений рассматриваются как самостоятельные и рациональные акторы. Однако они неравноправны. Принципал обладает большими материальными ресурсами и ресурсами принуждения по сравнению с агентом. Но при этом он сталкивается с дефицитом информации, что выступает одним из мотивов делегирования полномочий от принципала к агенту (Горохов, 2011; Туровский, 2013). Но недостаток информации осложняет контроль принципала за поведением агента (Laffont & Martimort, 2001), что может привести к оппортунистическому поведению со стороны последнего. Вероятность возникновения этой проблемы повышает несовпадение интересов участников, поэтому принципал заинтересован в таком агенте, который будет разделять его интересы (Панов, 2018). Избрание мэров по конкурсу предоставляет возможности региональной власти свести оппортунизм агента к минимуму.

В условиях функционирования конкурсной модели губернатор располагает формальными институциональными механизмами влияния на избрание мэра через участие в формировании конкурсной комиссии, то есть он обладает возможностью и ресурсами для поддержки определенного кандидата. Иными словами, новые правила позволяют губернатору частично решать проблему оппортунизма агента: через контроль над конкурсной комиссией он может продвинуть на пост главы наиболее выгодную для себя кандидатуру (Панов, 2018). При каких условиях региональная власть готова продлить контракт с действующим мэром, а при каких условиях решает его расторгнуть? На выбор губернатором кандидатуры, которую он будет поддерживать на конкурсе, влияет несколько факторов. Среди них ключевое значение для данного исследования имеет электоральная лояльность. Кроме того, будет рассмотрен и ряд других факторов «выживаемости» мэров: экономическая эффективность и персональные характеристики главы.

Электоральная лояльность. В условиях электорального авторитаризма выборы служат для легитимации власти, но при этом выполняют и другие функции: они предоставляют информацию автократам о лояльности и компетентности элит (Gandhi & Lust-Okar, 2009), выступают механизмом отбора кадров (Magaloni, 2006) и кооптации оппозиции (Gandhi & Lust-Okar, 2009), инструментом для демонстрации мощи режима при поддержке правящей партии подавляющим большинством избирателей (Magaloni, 2006). Высокие результаты и явка свидетельствуют о стабильности режима, предотвращают дезертирство элит, которым бессмысленно поддерживать оппозицию в условиях сильного консолидированного режима. Ввиду этого авторитарные лидеры заинтересованы в высокой явке и голосах за правящую партию, ожидают и поощряют действия по мобилизации электората со стороны субнациональных руководителей.

Применительно к российскому случаю режим возлагает ответственность за электоральную мобилизацию на губернаторов, а губернаторы – на мэров. Достижение мобилизации избирателей осуществляется посредством электорального клиентелизма и практического инструмента его реализации – политических машин (Scott, 1969; Hale, 2007; Golosov, 2013). В России единая «политическая машина» опирается на региональные «политические машины» (Golosov, 2013). Центральная власть как главный патрон ожидает от губернаторов мобилизации избирателей и высоких электоральных результатов «Единой России» (Reuter & Robertson, 2012; Reisinge & Moraski, 2013; Rochlitz, et al., 2015; Rochlitz, 2016). Губернатор осуществляет мобилизацию посредством региональной политической машины, состоящей из разветвленной сети брокеров, ключевым из которых является глава муниципалитета. Он организует и координирует работу остальных брокеров, договаривается с ними путем клиентелистского обмена (Mares & Muntean, 2015). Одним из методов поощрения мэра-брокера за работу выступает патронаж – предоставление государственного поста в обмен на электоральную поддержку (Scott, 1969).

Таким образом, губернатор-принципал выполняет роль патрона в региональной политической машине: может способствовать избранию того или иного кандидата на пост мэра посредством контроля над конкурсной комиссией. При этом губернатор заинтересован в политически лояльном мэре,

способном мобилизовать избирателей и обеспечить голоса за партию власти, так как мобилизация избирателей ожидается центральной властью от самого губернатора. Выполнение этих обязанностей он делегирует мэрам как ключевым брокерам, непосредственно взаимодействующим с населением в муниципалитетах и / или координирующим работу нижестоящих брокеров. В обмен на электоральную лояльность местного главы губернатор способствует сохранению им должности или продолжению его политической карьеры на более высоком уровне. Следовательно, политическая выживаемость мэров будет зависеть от явки на выборы и голосов избирателей за «Единую Россию» / инкумбента.

H1a: Чем выше явка избирателей в муниципалитете, тем больше у мэра шансов сохранить пост.

H1b: Чем выше процент голосов за партию «Единая Россия» / инкумбента (на президентских выборах) в муниципалитете, тем больше у мэра шансов сохранить пост.

Наряду с этим необходимо учитывать и другие возможные факторы, влияющие на выживаемость местных глав.

Управленческая эффективность. Альтернативным лояльности фактором «выживаемости» субнациональных лидеров выступает управленческая эффективность (Egorov & Sonin, 2011). Под ней понимается достижение субнациональными руководителями экономического роста на управляемой территории, качество предоставления публичных благ. Теоретически можно ожидать, что принципал будет заинтересован в экономическом развитии территории, экономическом росте, а значит, будет оценивать деятельность агента по экономическим показателям. В отношении российских губернаторов этот фактор преимущественно оказывается незначимым (Reuter & Robertson, 2012; Reisinge & Moraski, 2013; Rochlitz, et al., 2015; Rochlitz, 2016; Мухаметов, 2020). При исследовании муниципалитетов также отмечается, что экономическое развитие не оказывает ожидаемого влияния на сохранение мэром своего поста (Beazer & Reuter, 2022). Однако ряд исследователей указывают, что региональная власть ожидает проведения политики по достижению «стабильного экономического порядка» и экономического роста от местных глав (Gel'man & Ryzhenkov, 2011: 454; Тев, 2006). Данная дискуссия демонстрирует неоднозначные оценки управленческой эффективности как фактора политической выживаемости мэров. В данном исследовании мы проверяем гипотезу о потенциальной заинтересованности губернатора в эффективном управлении муниципалитетами и ожидании от мэров действий, направленных на экономический рост.

H2: Чем эффективнее мэр управляет экономикой муниципалитета, тем больше у него шансов сохранить пост.

Характеристики местного главы. Личные характеристики мэра потенциально могут влиять на его взаимоотношения с региональной властью, на работу политической машины на локальном уровне, что, исходя из представленной теории, может быть значимо при принятии решения региональной элитой о поддержке мэра на следующем конкурсе. В данной работе учитывается несколько персональных характеристик местных глав.

Во-первых, «происхождение». В исследовательской литературе, посвященной губернаторам-«варягам», отмечается, что «варяги» склонны опираться на поддержку назначившей / способствующей их избранию политической силы, так как не обладают социальным капиталом на данной территории, что повышает их зависимость от центральной власти (Кынев, 2019). Можно ожидать, что мэры-«варяги», как не имеющие социальных связей и социальной опоры в муниципалитете, тоже будут опираться на поддержку способствующего их избранию губернатора. Такие мэры в большей степени готовы следовать региональному политическому курсу, более подконтрольны и управляемы, чем местные мэры, в чем заинтересована региональная власть.

Однако по сравнению с местным мэром взаимодействие мэра-«варяга» с локальной элитой характеризуется большей конфликтогенностью (Кросстон & Сельцер, 2015). Кроме того, можно ожидать что глава-«варяг», не обладающий разветвленной сетью социальных связей, будет менее эффективен как брокер политической машины, чем местный мэр. Конфликты с локальной элитой и неэффективность главы как брокера могут стать препятствием для переизбрания мэра на второй срок. Следовательно, мы выдвигаем конкурирующие гипотезы:

H3a: В условиях конкурсной модели «варяжское происхождение» повышает шансы мэра сохранить пост.

H3b: Мэр-«варяг» с меньшей вероятностью сохраняет свой пост, чем местный мэр.

Во-вторых, возраст главы. При изучении регионального уровня исследователи предполагают, что более возрастные губернаторы более подвержены замене, так как менее динамичны и гибки,

а значит, медленней адаптируются к новым условиям и требованиям центра, чем более молодые руководители регионов (Reisinge & Moraski, 2013). Эти теоретические ожидания можно перенести на локальный уровень. Кроме того, можно ожидать, что губернатор, заинтересованный в контроле над муниципалитетами, через влияние на конкурсную комиссию предпримет попытку вывести с местной политической арены укоренившихся глав-«местных князей», обладающих сильной локальной поддержкой и связями. Эти ресурсы предоставляют местному главе некоторую политическую самостоятельность и возможность для вступления в противоборство с региональной властью, что последняя пытается предотвратить. Также можно предположить неполитическое объяснение влияния возраста на выживаемость мэров. Глава в силу возраста может быть не заинтересован в продолжении политической карьеры и добровольно отказаться от участия в следующем конкурсе.

Однако более возрастной мэр обладает большим политическим опытом, чем молодой. С точки зрения теории электорального клиентелизма более возрастной, а значит, более опытный глава способен качественно выполнять роль брокера, успешно осуществлять мобилизацию электората, так как у него уже есть опыт подобной деятельности, он располагает разветвленной системой социальных связей с местным населением и другими брокерами.

Приведенные аргументы выступают основанием выдвинуть конкурирующие гипотезы:

H4a: Чем старше глава, тем меньше у него шансов сохранить пост.

H4b: Чем старше мэр, тем больше у него шансов сохранить пост.

В-третьих, политико-административный опыт. В исследованиях функционирования политических машин на локальном уровне в России отмечается, что наиболее успешными брокерами являются мэры, ранее работавшие в структурах исполнительной власти в данном муниципалитете (Гилёв и др., 2017). Включенность в систему исполнительной власти позволяет мэру более эффективно осуществлять мобилизацию и обеспечивать голоса за партию власти, что потенциально может влиять на его политическую выживаемость.

H5: Наличие опыта работы в исполнительных органах МСУ повышает шансы мэра сохранить пост.

Можно также ожидать, что мэр, ранее сам участвовавший в избирательных кампаниях как кандидат, лучше знает механизмы взаимодействия с разными категориями электората, способен мобилизовать население на выборы и убедить проголосовать за конкретного кандидата / партию. Эти навыки он может применять будучи брокером политической машины. С точки зрения электорального клиентелизма региональная власть заинтересована в эффективных брокерах, поэтому предполагается, что мэр с опытом избирательных кампаний с большей вероятностью сохранит пост, чем глава, ранее сам не участвовавший в выборах.

H6: Наличие опыта участия в избирательных кампаниях повышает шансы мэра сохранить пост.

Эмпирические индикаторы, данные, выборка

Выборка. В качестве эмпирической базы исследования выбраны муниципалитеты Пермского края и Свердловской области, так как во всех муниципальных образованиях верхнего уровня этих регионов в 2015–2016 гг. введена конкурсная модель избрания местных глав. Кроме того, данные субъекты схожи по социально-экономическим характеристикам, что позволяет сравнивать между собой входящие в их состав муниципалитеты.

В выборку включены все муниципалитеты верхнего уровня, за исключением г. Перми и г. Екатеринбурга, так как эти муниципальные образования по политическим и социально-экономическим характеристикам значительно выделяются среди других муниципалитетов. Из анализа также исключены закрытые административно-территориальные образования. Единица наблюдения – конкурс на должность местного главы. С 2015 по 2022 г. в рассматриваемых муниципалитетах прошло 219 конкурсов. Однако из анализа пришлось исключить 11 конкурсов, так как за период работы рассматриваемых глав не проводились федеральные выборы, по результатам которых можно было бы оценить работу данных мэров¹. Таким образом, всего в выборку включено 208 конкурсов.

Эмпирические индикаторы. Эмпирически политическая выживаемость фиксируется как факт сохранения / несхранения мэром должности. Бинарный способ операционализации активно

¹ Исключенные конкурсы: Ачитский ГО 2015, ГО Красноуфимск 2016, Рефтинский ГО 2016, ГО Среднеуральский 2016, Шалинский ГО 2016, ГО Богданович декабрь 2017, ГО Среднеуральский 2021, Бардымский МО 2020, Куединский МО 2020, Кунгурский МО 2021, Чагинский МО 2020.

применяется при изучении «выживаемости» губернаторов (Reuter & Robertson, 2012; Rochlitz, 2016; Мухаметов, 2020) и отвечает задачам данного исследования. Следует отметить, что в ряде рассматриваемых случаев мэры не участвовали в конкурсе, но затем продолжали политическую деятельность на другом посту. Продолжение карьеры на более статусной должности можно рассматривать как «вознаграждение» мэру от региональной власти, поэтому получение более статусной должности тоже понимается как «политическая выживаемость». В исследовании к повышению относятся случаи получения главами постов губернаторов, региональных министров, депутатов регионального парламента, управляющих округов (в Свердловской области).

В табл. 1 представлена информация о политической выживаемости мэров в динамике: с 2015 по 2022 г. В табл. 2 приведено соотношение сохранивших и не сохранивших пост глав по каждому региону за весь рассматриваемый период.

Таблица 1

Распределение сохранивших и не сохранивших пост мэров по годам с 2015 по 2022 г.*

Год	Сохранили пост	Не сохранили пост	Всего конкурсов
2015	7	6	13
2016	21	11	32
2017	19	23	42
2018	7	13	20
2019	13	7	20
2020	12	15	27
2021	13	9	22
2022	22	10	32
Всего	114	94	208

*Составлено автором.

Таблица 2

Соотношение сохранивших и не сохранивших пост глав в каждом регионе (2015–2022 гг.)*

Регион	Сохранили пост	Не сохранили пост	Всего
Свердловская область	61	54	115
Пермский край	53	40	93
Всего	114	94	208

*Составлено автором.

Можно отметить, что по результатам более чем половины всех конкурсов местные главы переизбирались на второй срок или переходили на более статусную должность на уровне региона. При этом разрыв между двумя рассматриваемыми группами глав небольшой, главы распределены по категориям примерно одинаково, что исключает проблемы исследования, возникающие из-за неравномерного распределения случаев.

Основная независимая переменная – электоральная лояльность – в соответствии с приведенным ранее определением измеряется как явка на выборы и процент голосов, отданных за партию «Единая Россия» / инкумента в муниципалитете на национальных выборах 2012, 2016, 2018 и 2021 гг.: для каждого конкурса подбираются результаты ближайших выборов, предшествующих рассматриваемому конкурсу. Для достижения сравнимости показателей во времени и между муниципалитетами разных регионов явка и процент голосов за партию власти / инкумента взвешиваются средним показателем по региону.

В исследовании управленческая эффективность рассматривается в ее социально-экономическом аспекте. Предполагается, что одной из задач мэров является организация локальной инфраструктуры, сохранение ее надлежащего состояния (Казанцев и др., 2020; Zavadskaya & Shilov, 2021). Можно ожидать, что региональная власть будет оценивать мэра по его способности решать местные инфраструктурные проблемы. Для операционализации управленческой эффективности мэра

использованы следующие индикаторы: доля протяженности автодорог местного значения, не отвечающих нормативным требованиям; доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия. Эти индикаторы конвенциональны, они достаточно активно используются для измерения социально-экономических успехов мэров другими исследователями (Zavadskaya & Shilov, 2021; Beazer & Reuter, 2022). Все социально-экономические показатели берутся за год, предшествующий году конкурса.

Происхождение местных глав кодируется в соответствии с типологией «варягов», предложенной А. Кыневым. «Полностью местные» – мэры, родившиеся и всю жизнь проработавшие в данном муниципалитете; «натурализовавшиеся варяги» – главы, неместные по происхождению, однако проработавшие в муниципальном образовании не менее пяти лет до назначения; «возвращенцы» – главы, имевшие некоторое отношение к данному МО в прошлом, но затем покинувшие его; «чистые варяги» – главы, никогда не работавшие в данном МО (Кынев, 2019). Следует отметить, что А. Кынев выделяет еще несколько групп варягов, но среди рассматриваемых глав такие случаи зафиксированы не были.

Возраст главы измеряется как количество лет на момент конкурса. Опыт участия в избирательных кампаниях кодируется бинарно (есть электоральный опыт / нет опыта). Опыт работы в исполнительных органах МСУ измеряется как количество лет работы в структурах исполнительной власти на местном уровне на момент текущего конкурса. Эту переменную также можно измерять дихотомически (работал / не работал), но в рассматриваемой выборке большинство мэров ранее работали в исполнительных органах МСУ, поэтому измерение этой переменной как количество лет более точно отражает различия между главами.

Все переменные, их эмпирические индикаторы и источники данных приведены в табл. 3.

Таблица 3

Описание переменных

Переменная	Операционализация	Источник данных
Зависимая переменная		
Политическая выживаемость	0 – не сохранил пост; 1 – сохранил пост или был повышен в должности	Сайты МО Пермского края и Свердловской области. Региональные и местные СМИ
Независимая переменная – электоральная лояльность		
Явка на выборы	Явка (%) по данному МО на ближайших национальных выборах, предшествующих конкурсу, взвешенная средним показателем явки по региону. Показатель умножен на 10	ЦИК РФ ¹
Электоральная поддержка партии «Единая Россия» / инкумбента (на президентских выборах)	Процент голосов за партию «Единая Россия» / инкумбента по данному МО на ближайших национальных выборах, предшествующих конкурсу, взвешенный средним показателем по региону. Показатель умножен на 10	ЦИК РФ

¹ ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/?source=subscribe> (дата обращения: июль 2023).

Переменная	Операционализация	Источник данных
Контрольные переменные		
1. Управленческая эффективность	1. Доля протяженности автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения. 2. Доля населения, получившего жилые помещения и улучшившего жилищные условия в отчетном году, в общей численности населения, состоящего на учете в качестве нуждающегося в жилых помещениях	База данных муниципальных образований, Росстат ¹
2. Характеристики местного главы		
Возраст	Количество лет на момент конкурса	Сайты МО Пермского края и Свердловской области. Единый портал территориальных избирательных комиссий Пермского края ² . Региональные и местные СМИ
Происхождение («варяжскость»)	Типология «варягов» А. Кынева (Кынев, 2019): 0 – полностью местный; 1 – «натурализовавшийся»; 2 – «возвращенец»; 3 – полностью неместный	
Опыт работы в исполнительных органах МСУ	Количество лет работы в исполнительных органах власти МСУ на момент текущего конкурса	
Опыт участия в избирательных кампаниях	0 – не участвовал как кандидат; 1 – участвовал как кандидат	

Методом исследования выбрана логистическая регрессия, так как зависимая переменная измеряется бинарно.

Результаты

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 4. Модели 1 и 3 содержат только электоральные переменные (1 – с явкой, 3 – с голосованием за партию власти / президента). В модели 2 и 4 включены все рассматриваемые переменные (2 – с явкой, 4 – с голосованием за партию власти / президента). Обе электоральные переменные не включаются сразу в одну модель, так как они коррелируют друг с другом.

¹ База данных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: март 2023).

² Единый портал территориальных избирательных комиссий Пермского края. URL: <https://59tik.permkrai.ru/> (дата обращения: декабрь 2021).

Результаты регрессионного анализа¹

Зависимая переменная: политическая выживаемость				
Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Константа	-3,2 ** (1,50) 0,04	-1,75 (2,11) 0,17	-4,9 *** (1,49) 0,01	-3,05 *** (2,08) 0,05
Явка	0,33 ** (0,15) 1,39	0,41 ** (0,17) 1,51		
Голосование за «Единую Россию» / инкумбента			0,49 *** (0,14) 1,64	0,56 *** (0,17) 1,74
Доля неотремонтированных дорог		0,01 (0,01) 1,01		0,01 (0,01) 1,01
Доля населения, получившая жилье		-0,004 (0,02) 1,00		-0,004 (0,02) 1,00
«Натурализовавшийся варяг»		-0,07 (0,36) 0,93		-0,07 (0,36) 0,93
«Возвращенец»		-0,03 (0,68) 0,97		-0,08 (0,69) 0,92
«Чистый варяг»		-1,64 * (0,86) 0,19		-1,66 * (0,88) 0,19
Возраст		-0,06 ** (0,02) 0,94		-0,05 ** (0,02) 0,95
Работа в исполнительных органах МСУ		0,05 (0,03) 1,05		0,04 (0,03) 1,04
Участие в избирательных кампаниях		0,04 (0,43) 1,04		-0,19 (0,44) 0,83
N	208	201	208	201
Pseudo-R ² McFadden	0,019	0,12	0,05	0,14

Примечание: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$. В первой строчке представлены регрессионные коэффициенты, во второй – в скобках указаны стандартные ошибки, в третьей – соотношение шансов.

Коэффициенты явки и голосования за партию власти / инкумбента статистически значимы во всех моделях и оказывают положительное влияние на зависимую переменную: повышение явки на 10 % относительно среднего показателя по региону повышает шансы мэра сохранить пост в 1,5 раза по сравнению с шансами потерять должность; аналогично повышение голосования за партию власти / инкумбента на 10 % относительно среднего по региону повышает шансы мэра сохранить пост в 1,74 раза по сравнению с шансами потерять должность (модель 2 и 4 с включением контрольных пере-

¹ Помимо представленных переменных в исследовании также проверялось влияние региональных различий (Пермский край, Свердловская область) на политическую выживаемость мэров. Однако этот фактор оказался статистически не значим и существенно не повлиял на коэффициенты других переменных, поэтому он не был включён в итоговую модель.

менных). Полученные результаты доказывают, что электоральная лояльность является значимым фактором выживаемости местных глав при конкурсной модели избрания, что соответствует ранее проведенным исследованиям о связи лояльности и выживаемости субнациональных лидеров в России (Reuter & Robertson, 2012; Reisinge & Moraski, 2013; Rochlitz, 2016). При этом, сравнивая явку и голосование как индикаторы электоральной лояльности, мы можем сделать вывод, что регион в первую очередь ожидает от муниципалитетов и их глав высоких результатов голосования за «Единую Россию» / президента, а обеспечение явки избирателей уходит на второй план: на это указывают более высокие значения отношения шансов и псевдо- R^2 во всех моделях с голосованием по сравнению моделями, включающими переменные явки.

В отличие от электоральных переменных социально-экономические показатели не оказывают статистически значимого влияния на «выживаемость» мэров. Следовательно, управленческая эффективность главы не является существенным критерием его оценки регионом при принятии решения о переизбрании по конкурсу. Вероятно, губернатор в какой-то степени учитывает социально-экономические успехи мэра. Однако если исходить из полученных результатов, то можно сказать, что этот критерий по важности уступает электоральной лояльности. Данный вывод согласуется с другими исследованиями, демонстрирующими слабую значимость социально-экономических достижений назначаемого мэра для сохранения им должности (Beazer & Reuter, 2022). Представленные результаты подтверждают тезис о склонности авторитарных лидеров выбирать преданных управленцев и жертвовать экономической эффективностью в пользу лояльности (Egorov & Sonin, 2011).

Среди персональных характеристик главы стоит обратить внимание на «варяжскость» и возраст мэров, так как именно у этих переменных коэффициенты статистически значимы. Относительно происхождения глав ограничено подтвердилась конкурирующая гипотеза о меньшей вероятности политической выживаемости варягов по сравнению с местными: принадлежность главы к категории «чистых варягов» снижает его шансы сохранить пост по сравнению с местным мэром (значимость на уровне 0,1). Низкую способность варягов переизбираться по конкурсу можно обосновать не только их неэффективностью как брокеров политической машины, но и конфликтным потенциалом в отношениях с локальной элитой (Кросстон & Сельцер, 2015). Это заставляет усомниться в абсолютной роли региональной власти в принятии решения об избрании глав и задуматься о влиянии лояльных акторов на конкурсный процесс.

Относительно показателя возраста главы нашла подтверждение конкурирующая гипотеза о меньшей вероятности «выживаемости» более возрастных мэров по сравнению с более молодыми. Этот результат можно объяснить как личными мотивами глав завершить политическую карьеру в силу возраста, так и заинтересованностью региона в обновлении локальной элиты с целью не допустить формирование неподконтрольных региону территорий с сильными локальными лидерами.

Заключение

С введением конкурсной модели избрания способность главы обеспечивать явку и голосование за партию власти / президента продолжает оставаться значимым фактором его политической выживаемости. На примере муниципалитетов Пермского края и Свердловской области подтверждается, что на современном этапе развития политического режима в России предпочтение отдается скорее лояльным, а не экономически эффективным управленцам. При этом несколько более значимым при демонстрации лояльности на текущий момент оказывается достижение высоких электоральных результатов партии власти / президента, а не обеспечение явки.

Стоит отметить, что показатели псевдо- R^2 достаточно низкие во всех моделях, следовательно, электоральная лояльность является значимым, но далеко не единственным фактором политической выживаемости мэров при избрании по конкурсу. В условиях незначимости управленческой эффективности это актуализирует поиск иных факторов «выживаемости» местных глав. Исследования регионального уровня демонстрируют, что в современных условиях таковым фактором выступает поддержание политической стабильности (Tkacheva, 2022), однако эту гипотезу не удалось проверить в данном исследовании ввиду сложности подбора эмпирического индикатора. Кроме того, теория «принципал – агент» фокусирует внимание на региональной власти как главном субъекте принятия решения о переизбрании мэра, что является методологическим ограничением: в конкурсный процесс также вовлекаются локальные акторы, которые, хоть и обладают меньшими ресурсами и влиянием, чем губернатор, тоже институционально могут повлиять на избрание главы.

Данное исследование расширяет представления о «выживаемости» руководителей на российском локальном уровне, который остается менее изученным по сравнению с региональным. Кроме того, полученные результаты дополняют работы о функционировании конкурсной модели избрания мэров. Однако электоральная лояльность не является исчерпывающим фактором «выживаемости» местных глав в условиях конкурсного избрания. Локальная политика более многообразна и вариативна. Другие факторы «выживаемости» мэров, связанные как с меняющимися запросами региональной власти, так и с самим форматом конкурса, выходят за рамки данной работы и открывают пространство для новых исследований.

Список литературы / References

- Гилёв, А. В., Шевцова, И. К. (2021) 'Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России', *Политическая наука*, 2, сс. 260–281, DOI:10.31249/poln/2021.02.10. [Gilev, A. V., Shevtsova, I. K. (2021) 'The conflict free arena? Effects of procedure of selecting local heads in large Russian cities' [Beskonfliktnaya arena? Effekty vvedeniya procedury konkursnog o otbora glav mestnoj vlasti v krupnyh gorodah Rossii], *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 260–281. (In Russ.)].
- Гилёв, А. В., Семёнов, А. В., Шевцова, И. К. (2017) '«Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 3 (86), сс. 62–80. [Gilev, A. V., Semenov, A. V., Shevtsova, I. K. (2017) '«Political machines» and their «drivers»: electoral administration at the local level' [«Politicheskie mashiny» i ih «voditeli»: elektoral'noe administrirovanie na mestnom urovne], *ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz»*, 3 (86), pp. 62–80. (In Russ.)].
- Горохов, В. А. (2011) *Факторы сохранения должностей главами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, 2005–2009 гг.: кроссрегиональный сравнительный анализ: дисс. ... к.полит.н., Санкт-Петербург.* [Gorokhov, V. A. (2011) *Factors of retention of positions by the heads of executive power of the regions of the Russian Federation, 2005–2009: cross-regional comparative analysis* [Fakторы sohraneniya dolzhnostej glavami ispolnitel'noj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii, 2005–2009 gg.: krossregional'nyj sravnitel'nyj analiz].
- Cand. Diss. (Politics). St.Petersburg (In Russ.)].
- Казанцев, К., Румянцева, А., Комин, М. О. (2020) 'От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России', *Исследования по вопросам государственного управления*, 5(5), сс. 4–66. [Kazantsev, K., Rumyantseva, A., Komin, M. O. (2020) 'From election to appointment. Assessment of the effect of changing the model of municipal governance in Russia' [Ot izbraniya k naznacheniyu. Ocenka effekta smeny modeli upravleniya municipalitetami v Rossii], *Issledovaniya po voprosam gosudarstvennogo upravleniya*, 5(5), pp. 4–66. (In Russ.)].
- Кросстон, М., Сельцер, Д. Г. (2015) '«Свои» vs.«Чужие»,«Местные» vs «Варяги»: политические конфликты в России на локальном уровне', *Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право*, 3 (3), сс. 5–15. [Cross-ton, M., Seltser, D. (2015) '«Friendly» vs. «Strangers», «Local» vs. «Varangian»: political conflicts in Russia at local level' [«Svoi» vs.«Chuzhie», «Mestnye» vs.«Varyagi»: politicheskie konflikty v Rossii na lokal'nom urovne], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie nauki i pravo*, 3 (3), pp. 5–15. (In Russ.)].
- Кынев, А. В. (2019) 'Феномен губернаторов-"варягов" как индикатор рецентрализации (опыт 1991–2018 гг)', *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 2 (93), сс. 125–150, DOI: 10.30570/2078-5089-2019-93-2-125-15. [Kynev, A. V. (2019) 'Phenomenon of governors-"outsiders" as indicator of recentralization experience of 1991–2018 years' [Fenomen gubernatorov-"varyagov" kak indikator recentralizacii (opyt 1991–2018 gg)], *ZHurnal politicheskoy*

- filosofii i sociologii politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz», 2 (93), pp. 125–150. (In Russ.)].*
- Мухаметов, Р. С. (2020) ‘Кремль и переизбрание губернаторов: факторы поддержки’, *Журнал политической философии и социологии политики «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz», 4 (99), сс. 137–152, DOI:10.30570/2078-5089-2020-99-4-137-152. [Mukhame-tov, R. S. (2020) ‘Kremlin and governors’ re-election: support factors’ [Kreml’ i pereizbranie gubernatorov: faktory podderzhki], *ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki «Politiya. Analiz. Hronika. Prognoz», 4 (99), pp. 137–152. (In Russ.)]**
- Панов, П. В. (2018) ‘Рекрутирование глав муниципальных образований: кроссрегиональная вариативность в выборе институциональных моделей’, *Вестник Пермского федерального исследовательского центра, 2, сс. 39–47, DOI:10.7242/1998-2097/2018.2.7. [Panov, P. V. (2018) ‘Recruiting the heads of municipalities: cross-regional variability in the choice of institutional design’ [Rekrutirovanie glav municipal’nyh obrazovaniy: krossregional’naya variativnost’ v vybore institucional’nyh modelej], *Vestnik Permskogo federal’nogo issledovatel’skogo centra, 2, pp. 39–47. (In Russ.)].**
- Тев, Д. Б. (2006) ‘Политэкономический подход в анализе местной власти. К вопросу о коалиции, правящей в Санкт-Петербурге’, *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2 (2), сс. 99–121. [Tev, D. B. (2006) ‘The political economic approach in the analysis of local government. On the question of the coalition ruling in St. Petersburg’ [Politekonomicheski j podhod v analize mestnoj vlasti. K voprosu o koalicii, pravuyashchej v Sankt-Peterburge], *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS, 2 (2), pp. 99–121. (In Russ.)].**
- Туровский, Р. Ф. (2013) ‘Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью’, *Социально-экономические явления и процессы, 12 (058), сс. 159–167. [Turovsky, R. F. (2013) ‘Local government in Russia as the agent in principal-agent relations with the government’ [Mestnoe samoupravlenie v Rossii kak agent v principal-agentskih otnosheniyah s gosudarstvennoj vlast’yu], *Social’no-ekonomicheskie yavleniya i processy, 12 (058), pp. 159–167. (In Russ.)].**
- Beazer, Q., Reuter, O. J. (2022) ‘Do Authoritarian Elections Help the Poor? Evidence from Russian Cities’, *The Journal of Politics, 84 (1).*
- Egorov, G., Sonin, K. (2011) ‘Dictators and their viziers: Endogenizing the loyalty–competence trade-off’, *Journal of the European Economic Association, 9(5), pp. 903–930, DOI:10.1111/j.1542-4774.2011.01033.x.*
- Gandhi, J., Lust-Okar, E. (2009) ‘Elections under authoritarianism’, *Annual review of political science, 12, pp. 403–422, DOI: 10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434.*
- Gel'man, V., Ryzhenkov, S. (2011) ‘Local regimes, sub-national governance and the ‘power vertical’ in contemporary Russia’, *Europe-Asia Studies, 63(3), pp. 449–465.*
- Golosov, G. V. (2013) ‘Machine politics: The concept and its implications for Post-Soviet studies’, *Demokratizatsiya, 21(4), p. 459.*
- Golosov, G. V., Tkacheva, T. (2018) ‘Let my people run: Pre-election resignations of Russia’s governors’, *Problems of Post-Communism, 65(4), pp. 243–252, DOI: 10.1080/10758216.2017.1351305.*
- Hale, H. (2007) ‘Correlates of clientelism: political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition’ in: Kitschelt, H., Wilkinson, S. (eds.) *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition.* Cambridge: Cambridge University Press, pp. 227–250.
- Laffont, J.-J., Martimort, D. (2001) *The Theory of Incentives: the Principal-Agent Model.* Princeton: Princeton university press.
- Magaloni, B. (2006) *Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Mares, I., Muntean, A. (2015) ‘Mayors, ethnic intermediaries and party brokers: examining variation in clientelistic strategies in rural settings’, *The 22nd International Conference of Europeanists.* Paris.
- Reisinge, W. M., Moraski, B. J. (2013) *Russia’s governors under presidential control, 2005–2012: A survival analysis of gubernatorial tenures.* University of Iowa.
- Reuter, O. J., Robertson, G. (2012) ‘Subnational appointments in authoritarian regimes:

- Evidence from Russian gubernatorial appointments', *The Journal of politics*, 74(4), pp. 1023–1037.
- Reuter, O. J., Buckley, N., Shubenkova, A., Garifullina, G. (2016) 'Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections', *Comparative political studies*, 49(5), pp. 662–697, DOI: 10.1177/0010414015626439.
- Rochlitz, M. (2016) *Political loyalty vs economic performance: evidence from machine politics in Russian's regions*. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP, 34.
- Rochlitz, M., Kulpina, V., Remington, T., & Yakovlev, A. (2015) 'Performance incentives and economic growth: regional officials in Russia and China', *Eurasian Geography and Economics*, 56(4), pp. 421–445, DOI:10.1080/15387216.2015.1089411.
- Scott, J. (1969) 'Corruption, machine politics, and political change', *American political science review*, 3(4), pp. 1142–1158, DOI: 10.2307/1955076.
- Tkacheva, T. (2022) *Regional Governors and Political Regime Dynamics in Russia: Resources, Strategies, and Electoral Outcomes*. PhD thesis. Helsinki.
- Zavadskaya, M., Shilov, L. (2021) 'Providing goods and votes? federal elections and the quality of local governance in Russia', *Europe-Asia Studies*, 73(6), pp. 1037–1059, DOI: 10.1080/09668136.2021.1932760.

Статья поступила в редакцию: 17.09.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

POSITION IN EXCHANGE FOR VOTES: THE IMPACT OF POLITICAL LOYALTY ON THE POLITICAL SURVIVAL OF MUNICIPAL HEADS WITHIN COMPETITIVE MODEL

A. A. Subbotina

A. A. Subbotina, IV year student, Faculty of History and Political Science, Perm State University.
E-mail: annasubbotina1000@gmail.com (ORCID: 0009-0009-8164-1574).

Abstract

The article explores the research problem associated with the political survival of local heads amidst the conditions of competitive mayoral elections. It probes questions like: Does political loyalty remain a significant factor for retaining a position? How does a mayor's political loyalty influence their political survival within a competitive framework? Employing the principal-agent theory, we examine factors such as electoral loyalty, economic efficiency, and personal characteristics of mayors (such as origin, age, work experience in local self-government executive branch, and electoral experience) as determinants of mayoral political survival. Our study encompasses 208 contests held in the Perm region and Sverdlovsk region from 2015 to 2022. Our regression analysis shows that successful electoral mobilization and high voting results for the "United Russia" party or the incumbent enhance a mayor's chances of retaining their position. However, a mayor's socio-economic success does not significantly impact their political "survival". Moreover, electoral loyalty is not the sole significant determinant of a mayor's "survival". Factors such as the local head's age and origin also play a role in their retention of position. This article broadens the understanding of the political survival of Russian local mayors and underscores the need to explore other explanatory models of mayoral "survival".

Keywords: heads of local self-government; political survival; electoral loyalty; economic efficiency; competitive model; region government; principal-agent relationship.

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-22-31

ОТ МАРГИНАЛОВ К МЕЙНСТРИМУ: СМЕНА ИМИДЖА ЛИДЕРОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПОПУЛИСТОВ

Е. С. Бурмистрова

Бурмистрова Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры истории и археологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: burmi-k@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-4418-8557. ResearcherID: HKV-3155-2023).

Аннотация

Рассматривается персонализация политики и ее влияние на смену имиджа лидеров западноевропейских праворадикальных популистских партий. По мере того как эти партии стремятся получить признание в политическом мейнстриме, характеристики, ассоциируемые с их лидерами, претерпевают заметные трансформации. Анализ и фиксация этих изменений позволяет получить более полное представление об идеологических сдвигах в рамках правого популизма. Использован комплекс данных, собранных из различных источников, таких как СМИ, сайты партий, официальные страницы в сети Интернет, профили в социальных сетях и личные сайты. В качестве методологического инструментария используется концепция гендерного дисплея, позволяющая проанализировать тенденции развития лидерства. Особое внимание в исследовании уделено случаям нетрадиционного лидерства, примером которых могут служить Том Ван Грикен и Марин Ле Пен, чье обновление имиджа неразрывно связано с вхождением их партий в политический мейнстрим. Анализ выявил несколько основных тенденций в изменении портретов лидеров, в том числе расширение женского представительства, тенденцию к более молодому лидерству, высокий акцент на образовании (отмечены строгие критерии для женщин-лидеров, включая высшее образование и научные степени), значительный профессиональный опыт, олицетворение института семьи и связи с партийными структурами с юности. Кроме того, Том Ван Грикен является представителем новой когорты лидеров правых сил, которые стратегически позиционируют себя, принимая более позитивный, доступный образ, чтобы дистанцироваться от прежних стереотипов. В то же время стиль руководства Марин Ле Пен бросает вызов традиционным гендерным ролям в политике, пересматривая представления о силе и эффективности путем умелого сочетания мужских и женских качеств.

Ключевые слова: правый радикализм; популизм; гендер; гендерный дисплей; персонализация политики; Западная Европа.

Введение

В современном политическом ландшафте имидж политических лидеров стал одним из важнейших элементов, влияющих на успех, охват аудитории и резонанс активности политических партий. Такой тренд связан с персонализацией политики, под которой понимается возрастающая значимость отдельного политика при снижающейся значимости политических групп, таких как политические партии (Rahar & Sheaffer, 2007). Д. Гарсия, проверяя гипотезу о том, что в настоящее время политические лидеры олицетворяют собой политические платформы соответствующих партий, пришел к заключению о том, что «партийные лидеры, похоже, стали наиболее мощным предиктором партийной ориентации электората на индивидуальном уровне» (Garzia, 2014: 40). Это утверждение особенно справедливо в отношении праворадикальных популистских партий, лидеры которых играют важную роль в формировании идентичности и повестки дня партии в силу харизматического и персонифицированного характера их кампаний (Eatwell, 2002), усилия лидеров становятся важным шагом на пути к успешной «мейнстримизации» партии (Красикова, 2022). Образ, поддерживаемый этими лидерами, служит материальным воплощением принципов партии, отражаясь в общественном восприятии и определяя способность партии привлекать к себе внимание и обеспечивать поддержку различных групп населения.

Борьба праворадикальных популистов за включение в политический мейнстриминг обуславливает значительные изменения в образе лидеров партий. Конструирование социального портрета и фиксация изменений в образе лидеров партий может дополнить понимание ценностных ориентиров праворадикальных популистов. В центре исследования – лидеры праворадикальных популистских партий стран Западной Европы в период с 2008 г. Исследователи отмечали влияние Великой рецессии как на общий всплеск популистских движений, отмеченный Евгенией Пассари (Passari, 2020), так и на растущую привлекательность праворадикальных популистских партий, отмеченную Касом Мюдде (Mudde, 2019), Мануэлем Функе и Кристофом Требешем¹, что обуславливает нижнюю хронологическую границу исследования, 2008 г. Критерием отбора партий служил факт прохождения ее представителей в национальный парламент в рассматриваемый период. Таким образом, для исследования были отобраны следующие партии: бельгийский «Фламандский интерес», немецкая «Альтернатива для Германии», австрийская Партия свободы, люксембургская Партия альтернативных демократических реформ, голландская Партия за свободу, Швейцарская народная партия, французское «Национальное объединение». Особое внимание в исследовании также уделено кейсам «нестандартного» для правопопулистских партий лидерства на примере Тома Ван Грикена и Марин Ле Пен, обновление образа которых напрямую связывается с включениями их партий в политический мейнстриминг.

В качестве инструмента, помогающего углубить понимание тенденций изменения портрета лидеров праворадикальных популистских партий, в исследовании используется концепция гендерного дисплея. В рамках этой концепции под гендером понимается не просто фиксированная биологическая или социальная категория, а то, что люди активно «воспроизводят» через свое поведение и взаимодействие с другими, в том числе через использование языка, одежды и других невербальных сигналов (Goffman, 1979; West & Zimmerman, 2018). Концепция гендерного дисплея позволяет смотреть на визуальные и лингвокультурные образы, презентуемые политиками, как на постоянный процесс «создания гендера», в котором соединяются требования и ожидания общества, которым необходимо соответствовать для электорального успеха.

Необходимость уделять внимание гендерной проблематике в изучении праворадикальных популистов неоднократно подчеркивалась исследователями. К. Кламмер и Дж. Гоец говорили о фундаментальном значении категории гендера для анализа праворадикальных партий и переформулирования их политики и идеологии. По их мнению, современный правый экстремизм часто опирается на «ренатурализацию», под которой понимается «"восстановление" якобы "естественного" гендерного порядка». В силу этого анализ гендерной проблематики оказывается важным, так как «бинарная гендерная модель выполняет важные функции в рамках правого экстремизма, например, удерживает предполагаемое влияние "женственности" вне сферы политики, мужских связей или общества, а преобладание гендерной бинарности в современном обществе может рассматриваться как общее основание между ним и крайне правыми» (Klammer & Goetz, 2017). К. Бли также отмечала, что гендер занимает центральное место в сложном ландшафте крайне правых, сочетающем в себе «мужское доминирование, обещающее гомосоциальное братство мужской принадлежности» с «гегемонистскими маскулинными выражениями гнева и бунта» и «женщин, являющихся лидерами, представителями, влиятельными лицами и важными участниками различных форм ультраправой политики» (Vlee, 2020). Т. Аккерман также обращала внимание на то, что фокус на гендерной проблематике может помочь понять, какое место занимают праворадикальные популисты в более широком консервативном спектре. Популистские праворадикальные партии придерживаются консервативного взгляда на гендерные роли и семью, но некоторые из этих партий выбирают более гибкую современную версию этих взглядов, постепенно начиная отстаивать либеральные позиции (Akkerman, 2015).

Как правило, правые популистские партии придерживаются принципов «общепринятой» гендерной иерархии, выступая за сохранение традиционных гендерных ролей и ценностей. Это часто включает в себя акцент на мужском доминировании и подчиненном положении женщин в обществе. Некоторые партии, например, выступают за политику, ограничивающую репродуктивные права женщин, или одобряют традиционные гендерные роли в сфере работы и семьи. Правые популисты могут позиционировать себя как защитники традиционных ценностей или института семьи, чтобы апеллировать к более консервативным или традиционно настроенным избирателям. Более того, они часто используют риторику, характеризующуюся мачизмом, превозносятся мужественность и принижая женственность.

¹ Funke, M., Trebesch, C. (2017). Financial crises and the populist right. *ifo DICE Report*, 15(4), pp. 6–9.

Такая склонность праворадикальных популистов к поддержке традиционного гендерного порядка неоднократно отмечается исследователями. Так, Пирсон, Уинтерботэм и Браун в своем исследовании 2020 г. говорили о том, что многие правые радикалы «разделяют традиционный и консервативный взгляд на гендерные отношения, где естественное место женщины закреплено выполнением роли заботливой матери в доме, а мужчины выступают в роли кормильцев и защитников. Такие перформативные и структурные гендерные установки представляют собой иерархии, которые поддерживают другие расистские и экстремистские иерархии» (Pearson et al., 2020: 315).

На схожих позициях стоят австралийские исследовательницы Люси Николас и Кристин Адьо. Исследуя маскулинистские дискурсы, они пришли к выводу о том, что «наиболее яростной и явной попыткой защитить маскулинное мировоззрение является современная свободная коалиция социальных и политических движений вокруг прав мужчин и прав отца, имеющих общие корни с альтернативными правами, в англосфере и Европе» (Nicholas & Agius, 2018).

Тем не менее меняющийся западноевропейский политический ландшафт заставляет правых популистов приспосабливаться к меняющимся нормам и ценностям. Так, результаты опроса Евробарометра за 2023 г. демонстрируют, что ценности защиты прав человека и гендерного равенства сохраняют свои позиции в первой пятёрке приоритетов для европейцев¹. Данные опроса также свидетельствуют о том, что для французов и бельгийцев равенство между мужчинами и женщинами является главным приоритетом, который нуждается в защите со стороны Европарламента. Как отмечают А. В. Алексеев и И. В. Фомин, «праворадикальные популисты сегодня выступают одними из наиболее активных участников интерпретативной борьбы за переосмысление» европейских прав и свобод (Алексеев & Фомин, 2020). По мере того как европейское общество все больше осознает значимость таких понятий, как толерантность, политкорректность и равенство, некоторые правые популисты начинают позиционировать себя как хранителей этих «обновленных» европейских ценностей. Для улучшения общественного мнения они постепенно смягчают свою позицию, касающуюся гендерных стереотипов, меняют подход к гендерному дисплею. Эта трансформация также находит отражение в меняющихся образах лидеров политических партий с появлением женщин-лидеров и изменением образа лидеров-мужчин.

Для проведения исследования и конструирования портрета лидера была подготовлена сводная таблица, включающая в себя 24 лидера рассматриваемых партий (три лидера «Фламандского интереса», семь лидеров «Альтернативы для Германии», три лидера Партии свободы, четыре лидера Партии альтернативных демократических реформ, один лидер Партии за свободу, три лидера Швейцарской народной партии, три лидера «Национального объединения»). Информация по 24 лидерам политических партий собиралась в источниках открытого типа: СМИ, официальные сайты политических партий, сайты представительных органов власти рассматриваемых стран, персональные страницы лидеров в социальных сетях и персональные сайты в сети Интернет. В таблицу были включены следующие характеристики, необходимые для построения комплексного портрета партийных лидеров: пол, возраст, этничность (рассматриваемая в рамках (не)принадлежности к национальному большинству в стране самого политика или его ближайших родственников), год вступления в должность партийного лидера, возраст на момент вступления в должность, уровень и направление образования, профессиональный опыт, семейное положение (брак и количество детей). На выбор этих характеристик повлияли идеи К. Мюдде о портрете типичного лидера правых радикалов. Кроме того, с учетом гендерного дисплея стиля лидерства была введена дополнительная колонка, содержащая ключевые слова, связанные с презентацией каждого лидера. Эти ключевые слова выделялись на основании того, как сам лидер характеризует себя (в своих аккаунтах в социальных сетях, на официальных сайтах своих партий, в своих речах и выступлениях), а также на основании того, какие клише, связанные с политическим имиджем, используются в отношении этого лидера в СМИ.

Тенденции в изменении социального портрета лидеров

В своей работе 2019 г. «Крайне правые сегодня» Кас Мюдде рисовал следующий портрет типичного лидера партии, приводя в пример Жан-Мари Ле Пена из французского «Национального фронта»: «белый (или представитель этнической / расовой принадлежности большинства), мужчина, натурал, пожилой, авторитарный, харизматичный, грубый, жестокий и с военным прошлым» (Mudde, 2019: 65). Лидеры праворадикальных партий все больше копируют лидеров мейнстримных партий:

¹ Eurobarometer. (2023) EP Spring 2023 Survey: Democracy in action – One year before the European elections. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/3093> (accessed: 6 September 2023).

они не только белые мужчины-натуралы старшего поколения, но еще и «профессиональные политики с высшим образованием, прошедшие через партийные организации». При этом Мюдде отмечал и основные тенденции отклонения от стереотипного образа лидера правой партии: это растущее количество женщин-лидеров партий, наличие партийных лидеров, в той или иной степени открыто относящих себя к сексуальным меньшинствам, а также появление лидеров, не являющихся представителями этнического или расового большинства (Mudde, 2019: 67).

При изучении этнической принадлежности лидеров правых партий в выборке наблюдается ограниченное представительство расовых и этнических меньшинств. Исключением является Марко Кьеза, нынешний лидер Швейцарской народной партии. Большинство политиков родом из Швейцарии, страны с тремя государственными языками, как правило, принадлежат к немецкоязычному населению. Однако Кьеза родом из кантона Тичино, где итальянский язык признан единственным официальным языком, что делает его представителем италоязычного меньшинства Швейцарии. В этом контексте также стоит упомянуть Герта Вилдерса, мать которого родилась в колониальной Индонезии, и Жордана Барделлу, родители которого имеют итальянские корни. Однако эти случаи относительно немногочисленны по сравнению с общей выборкой. Кроме того, некоторые лидеры правых партий состоят в браке или отношениях с мигрантами или потомками мигрантов, что отражает определенное разнообразие в их личной жизни. Например, третья жена Йорга Мойтена родом из России, партнерша Алисы Вайдель – цветная женщина, а жена Герта Вилдерса – бывший венгерский дипломат турецкого происхождения. Несмотря на то, что представительство этнических меньшинств среди лидеров правых партий весьма ограничено, наличие таких лидеров, как Марко Кьеза, Герт Вилдерс и Жордан Барделла, указывает на определенную степень разнообразия внутри этих партий. Изучение динамики этнической принадлежности, культурного фона и личных отношений лидеров может пролить свет на то, как эти факторы могут влиять на позицию их партий по вопросам миграции и многообразия.

Подавляющее большинство лидеров – мужчины, что свидетельствует о гендерном дисбалансе на руководящих постах в правых популистских партиях. Так, из 24 лидеров за рассматриваемый период лишь три женщины. Наличие женщин-лидеров может свидетельствовать о потенциальном сдвиге в сторону большего гендерного разнообразия, однако их небольшая представленность указывает на необходимость дальнейшего изучения участия женщин в этих партиях.

В последние годы в Европе отмечается тренд на снижение возраста избираемых политиков: хотя средний возраст мировых лидеров во всем мире увеличился с 1950-х гг., для Европы характерна противоположная тенденция¹. Медианный возраст лидеров партий при их вступлении на должность (48 лет для мужчин, 43 года для женщин) вписывается в этот тренд:

Возраст	21–35	36–45	46–55	56–65	66–76
Количество	3	8	11	0	2
Доля (%)	12,5	33,3	45,8	0	8,3

При этом самые возрастные лидеры представлены в «Альтернативе для Германии» (Александр Гауланд, Конрад Адам), Национальном объединении (Жан-Мари Ле Пен). Самые молодые лидеры – Жордан Барделла из Национального объединения 1995 г.р., Том Ван Грикен из «Фламандского интереса» 1986 г.р., занявшие лидерские позиции в своих партиях до достижения тридцатилетия. Такое разнообразие возрастной представленности лидеров правых партий может иметь значение для их стиля руководства и способов взаимодействия с молодыми и пожилыми сегментами электората.

При анализе сексуальной ориентации и семейного положения лидеров правых партий становится очевидным заметное отсутствие многообразия в этом аспекте. Из 24 исследуемых лидеров только Алис Вайдель идентифицирует себя как открытая лесбиянка и состоит в зарегистрированных отношениях со своей партнершей. Остальные две женщины-лидера, представленные в выборке, пережили развод. Такая характеристика также вписывает лидерство правопопулистских партий в общий тренд, согласно которому женщины-лидеры партий чаще разводятся, чем их коллеги-мужчины (O'Neill & Stewart, 2009). Марин Ле Пен дважды разводилась и публично состояла в отношениях, которые впоследствии прекратились. Фрауке Петри, напротив, после развода снова вышла замуж за коллегу по партии. Среди мужчин-лидеров больше половины (17 из 21) состоят в браке, что свиде-

¹ Bershidsky, L. (2019). 'Europe's Millennial Leaders Are Bucking Politics as Usual', *Bloomberg*, 11 December. URL: www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-12-11/europe-s-millennial-leaders-are-bucking-politics-as-usual?smid=opinion-politics-and-policy (accessed: 6 September 2023).

тельствует о предпочтении традиционных семейных ценностей. Три лидера официально сожительствуют со своими партнершами, что свидетельствует о сдвиге общественных норм в сторону признания альтернативных форм отношений. При этом четыре лидера пережили развод, причем двое из них – дважды.

Полученные результаты свидетельствуют об ограниченном представительстве ЛГБТК+ среди лидеров правых партий: только одна из них открыто назвала себя лесбиянкой. Кроме того, большее число женатых лидеров соответствует традиционным семейным идеалам, что может найти отклик у их консервативной избирательной базы. Распространенность разводов среди некоторых лидеров может свидетельствовать о сложностях в их личной жизни, потенциально влияющих на их публичный имидж. Присутствие лидеров, состоящих в гражданском браке, может свидетельствовать о растущем признании нетрадиционных союзов в правых партиях.

Лидеры праворадикальных популистских партий имеют различный уровень образования, причем большинство из них (16 из 24) имеют высшее образование. Примечательно, что пятеро из них получили ученую степень, что свидетельствует о приверженности научным изысканиям и компетентности в соответствующих областях.

Направление образования	Количество	Доля (%)
Экономика и менеджмент	7	29,2
Юриспруденция	5	20,8
Профессиональное образование	5	20,8
Гуманитарные науки	3	12,5
Естественно-научное образование	2	8,3
Нет образования	2	8,3

Что касается специализации образования, лидеры имеют различную профессиональную подготовку. Некоторые лидеры имеют среднее образование именно в той профессиональной области, в которой они работают в настоящее время, например агрономия, столярное дело, стоматология, инженерное дело. Среди направлений высшего образования наиболее распространенными являются экономика и юриспруденция. Семь лидеров имеют экономическое образование, а пять лидеров изучали юриспруденцию. Вероятно, эти области знаний способствуют пониманию экономических и правовых вопросов, которые часто занимают центральное место в программах правых популистов.

Все женщины-лидеры имеют высшее образование, причем одна из них – обладательница ученой степени. Здесь стоит принять во внимание отмеченную А. Шафером (Schäfer, 2013) тенденцию к высокому уровню образования, характерную для представителей немецкого бундестага, что распространяется и на двух представительниц «Альтернативы для Германии». Кроме того, женщины – лидеры правых партий обладают богатым профессиональным опытом в различных областях, включая науку, бизнес и юриспруденцию. Это свидетельствует об их способности участвовать в решении сложных политических вопросов и вносить вклад в развитие своих партий. Другой тенденцией является раннее вовлечение нынешних лидеров в партийные институты. За исключением Вайдель, многие из них были связаны со своими партиями с юности. Вовлеченность в молодежные организации партии предполагает глубоко укоренившуюся приверженность идеологии и принципам, еще больше укрепляя их позиции внутри партии и способствуя их росту в качестве партийных лидеров.

В заключение следует отметить, что лидеры праворадикальных популистских партий отличаются разнообразием образования и профессионального опыта. Их высшее образование, в том числе в ряде случаев докторская степень, свидетельствует об их компетентности в различных областях. Преобладание среди их специализаций экономики и юриспруденции отражает важность экономических и правовых аспектов в их политических программах. Кроме того, сильная академическая подготовка и богатый профессиональный опыт женщин-лидеров способствуют их выдвижению на первый план в своих партиях. Наконец, раннее участие многих лидеров в работе партийных институтов отражает их многолетнюю приверженность делу партии и позиционирует их как влиятельных фигур в своих политических движениях.

Обновление образа лидеров как часть ребрендинга правопопулистских партий

Две партии открыто говорят о своем ребрендинге, что затрагивает и образ лидера партии: это «Фламандский интерес» и французское «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»). В обеих партиях лидеры нетипичные для традиционной праворадикальной партии. Сквозь призму их образа и маскулильных / феминных «фреймов», связанных с ними, можно посмотреть, как в контексте включения партий в политический мейнстриминг они меняют подачу образа лидера партии.

Том Ван Грикен, лидер правой партии «Фламандский интерес», в последние годы стал объектом пристального внимания СМИ. Будучи заметной фигурой в бельгийской политике, он привлекает к себе пристальное внимание как основных, так и альтернативных СМИ. Образ Ван Грикена в СМИ сложен и многогранен, он формируется под влиянием различных факторов. С одной стороны, его часто изображают как молодого и харизматичного лидера, который стремится модернизировать и провести ребрендинг партии, дистанцируя партию от ее неоднозначных связей в прошлом. В прессе часто отмечается его стремление «любой ценой поддерживать имидж "нормального" президента "нормальной" политической партии»¹. В то время, как многие правые политики в Европе склонны придерживаться традиционного мужественного образа «крутого парня», лишённого всяческих эмоций, как правило, ассоциируемых с феминностью, Ван Грикен часто предстает более молодым и доступным, с несколько «мальчишеской» внешностью. Он обычно носит костюмы или рубашки с расстегнутыми воротниками и часто появляется на публике с широкой улыбкой или демонстрируя жест «большой палец вверх». Кас Мюдде отмечает, что Том Ван Грикен, в отличие от старых лидеров правых, «больше похож на вечного студента или стереотипного идеального зятя, терпеливого и улыбающегося во время интервью» (Mudde, 2019: 126). Эта характеристика основана на сочетании внешнего вида Ван Грикена и его политического стиля, который, по мнению Мюдде, является более умеренным и стратегическим, чем у некоторых других традиционных лидеров правых. Образ этот подчеркивается и в СМИ (например: «Изображая из себя идеального зятя, он предпочитает ухоженные костюмы и аккуратную причёску боксерским перчаткам старшего поколения»²), отмечается пользователями интернета (так, в комментариях к большому интервью с Ван Грикеном в рубрике #BelRiadh на Youtube-канале VRT NWS многими пользователями отмечалась его сдержанность, необычная для политиков правого спектра³). СМИ часто отмечают его усилия по смягчению имиджа партии и обращению к более широкой аудитории, особенно к молодому поколению (как отмечает пресса, его видео становятся вирусными в Тик Токе⁴). Не лишен образ Ван Грикена и эмоциональности, которую и он сам отмечает в интервью («Мне нужен стресс, эмоции, страсть, чтобы написать речь. Я не могу написать речь только в уме, она должна исходить и от сердца»⁵). С другой стороны, критики в СМИ часто характеризуют Ван Грикена как правого популиста, используя для описания его политики и позиций такие термины, как «националист» и «ультраправый». Кроме того, его позиция по вопросам иммиграции и фламандского национализма также является предметом пристального внимания и обсуждения в СМИ. Как и большинство лидеров праворадикальных популистских партий, Ван Грикен также отметился в СМИ несколькими скандальными акциями. Так, в юности он раздавал в школе сосиски Zwan в знак протеста против проведения халляльного барбекю, организовал акцию, заключающуюся в забрасывании туалетной бумагой нелегальных мигрантов. С тех пор, как он стал лидером партии, его образ стал более сдержанным, однако необходимость поддерживать столь умеренный образ не вызывает у Ван Грикена энтузиазма: «Часто говорят, что мне нравится быть социально приемлемым, что я хотел бы быть принятым системой. Ничто не может быть дальше от истины. Я нена-

¹ Azar, J. (2020) 'Tom Van Grieken et la discrète "normalisation" du Vlaams Belang', *RTBF*, 2 December. URL: <https://www.rtf.be/article/tom-van-grieken-et-la-discrete-normalisation-du-vlaams-belang-10644440> (accessed: 6 September 2023).

² Touriel, A. (2023) 'Tom Van Grieken (VB): «Notre programme n'a pas changé, il fallait juste le présenter différemment»', *DaarDaar*, 28 June. URL: <https://daardaar.be/presidents-de-parti/notre-programme-na-pas-change-il-fallait-juste-le-pre-senter-differemment/> (accessed: 6 September 2023).

³ VRT NWS (2023) *Tom Van Grieken beantwoordt jouw vragen over politiek, Reuzegom en LGBTQIA+*. 7 June. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rhgApRf7154> (accessed: 6 September 2023).

⁴ Baert, D. and Vandeputte, B. (2020) 'Vlaams Belang-voorzitter Tom Van Grieken ontdekt TikTok (en hij is niet de enige Vlaamse politicus op de populaire app)', *VRT*, 13 February. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2020/02/13/vlaams-belang-voorzitter-tom-van-grieken-ontdekt-tiktok-en-is-me/> (accessed: 6 September 2023).

⁵ Touriel, A. (2023) 'Tom Van Grieken (VB): «Notre programme n'a pas changé, il fallait juste le présenter différemment»', *DaarDaar*, 28 June. URL: <https://daardaar.be/presidents-de-parti/notre-programme-na-pas-change-il-fallait-juste-le-pre-senter-differemment/> (accessed: 6 September 2023).

вижу посредственность и быть принятым»¹. Не избавлен Ван Грикен и от скандалов, связанных с участниками партии, полную ответственность за которые Ван Грикен на себя брать не намерен: «У меня 45 депутатов и 23 тысячи членов партии: иногда случаются не слишком удобные вещи. Но это не наша партийная программа. Я председатель партии, а не воспитатель детского сада»².

Барт Мадденс, бельгийский политолог и профессор Лёвенского католического университета, утверждает, что лидерство Тома Ван Грикена в «Фламандском интересе» представляет собой продолжение крайне правой националистической и антимигрантской идеологии партии в сочетании с более умеренным и отшлифованным имиджем. Он отмечает, что Ван Грикен работал над тем, чтобы смягчить имидж партии и дистанцировать ее от экстремистского прошлого, сохраняя при этом ее основной посыл – защиту фламандской идентичности и ценностей, что особенно ярко проявляется при сравнении образа Ван Грикена с Филипом Девинтером, одним из самых видных в прошлом лидеров партии³. Стиль руководства Ван Грикена заметно отличается от стиля руководства Девинтера: большое внимание уделяется включению партии в политический мейнстриминг и представлению ее как более уважаемой политической силы. Однако Мадденс также предполагает, что усилия Ван Грикена по смягчению имиджа и тона партии не следует переоценивать, поскольку основной посыл и идеология партии по-прежнему уходят корнями в правый национализм и антииммигрантские настроения. Проследив эволюцию политического стиля Ван Грикена, Мадденс вновь обращается к сравнению Ван Грикена и Девинтера, отмечая, что если вначале Тома Ван Грикена все еще называли «мальшом Девинтером»⁴, то впоследствии лидерство Ван Грикена сыграло ключевую роль в ребрендинге «Фламандского интереса» как более умеренной и мейнстримной политической силы, и что электоральные успехи партии отчасти объясняются ее способностью апеллировать к более широкой базе избирателей, включая тех, кто ранее мог не поддерживать партию. Однако несмотря на электоральные успехи, руководство Ван Грикена не изменило коренным образом идеологическую ориентацию партии, и Фламандский интерес продолжает пользоваться поддержкой в основном однородной базы правых националистов и противников иммиграции.

Марин Ле Пен, до недавнего времени бывшая лидером партии «Национальное объединение» во Франции, является заметной политической фигурой в СМИ как на внутреннем, так и на международном уровне. Будучи дочерью Жан-Мари Ле Пена, скандально известного основателя «Национального фронта» (ныне переименованного в «Национальное объединение»), Марин Ле Пен фактически унаследовала партию, известную своей ультраправой и националистической идеологией.

Лидерство Марин Ле Пен повлияло на образ женщины, пропагандируемый ее партией. Женщина в понимании французских правых радикалов теперь прежде всего не домохозяйка, а работающая мать. Сам образ Марин Ле Пен этому соответствует: активную политическую карьеру она сочетает с воспитанием троих детей. «Дважды разведенная, эффективная мать-одиночка, живущая с партнером, с которым она не состоит в официальном браке, – она может представить себя как кого-то, кто понимает дилеммы женщин, оказавшихся в такой ситуации»⁵. Н. С. Григорьева и А. А. Жохова отмечают, что «характерной чертой женского лидерства во Франции можно считать высокий интерес женщин к политике гендерного равенства и продвижению прав женщин» (Григорьева & Жохова, 2022), и в этом отношении Ле Пен является типичной для Франции женщиной-политиком. В ролике, записанном в рамках предвыборной кампании 2017 г., Марин Ле Пен прямо обращает внимание на свой пол: «Я женщина, и как женщина я чувствую, как крайнее насилие и ограничение свобод распространяются по всей нашей стране через исламистский фундаментализм. Я – мать, и, как

¹ Touriel, A. (2023) 'Tom Van Grieken (VB): «Notre programme n'a pas changé, il fallait juste le présenter différemment»', *DaarDaar*, 28 June. URL: <https://daardaar.be/presidents-de-parti/notre-programme-na-pas-change-il-fallait-juste-le-prenter-differemment/> (accessed: 6 September 2023).

² Grommen, S. (2021) 'Tom Van Grieken (Vlaams Belang): "Als de N-VA in 2024 haar principes nog eens verloochent, kom ik die partij leegeten"', VRT, 9 October. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2021/10/09/vlaams-belang-voorzitter-tom-van-grieken-als-de-n-va-in-2024-h/> (accessed: 6 September 2023).

³ Maddens, B. (2016) 'Wat Filip Dewinter van Donald Trump heeft geleerd', *De Morgen*, 24 November. URL: <https://www.demorgen.be/meningen/wat-filip-dewinter-van-donald-trump-heeft-geleerd~b0c8a58f/> (accessed: 6 September 2023).

⁴ Bulte, A. and Liekens, R. (2019) 'In de tang van Vlaams Belang: 'Tom Van Grieken heeft in deze campagne geen enkele fout gemaakt'', *De Morgen*, 12 June. URL: <https://www.demorgen.be/nieuws/in-de-tang-van-vlaams-belang-tom-van-grieken-heeft-in-deze-campagne-geen-enkele-fout-gemaakt~b91308d0/> (accessed: 6 September 2023).

⁵ Serhan, Y. (2017) 'How Being a Woman Helped Marine Le Pen', *The Atlantic*, 19 April. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/04/how-being-a-woman-helped-marine-le-pen/522456/> (accessed: 6 September 2023).

миллионы родителей, я каждое мгновение чувствую беспокойство о состоянии моей страны и мира»¹. Такой дискурс позволяет привлечь к партии новый электорат: прежде всего белых француженок из верхней прослойки среднего класса, на которых и ориентирован «феминизм» Марин Ле Пен и чьи права она призывает защищать. А тот факт, что к защите женщин от ислама призывает женщина, не позволяет упрекнуть партию в патриархальности.

Следует отметить, что пол сыграл значительную роль не только в самопрезентации Марин Ле Пен, но и в освещении ее деятельности в СМИ и восприятии общественностью ее лидерства. На протяжении всей политической карьеры Марин Ле Пен ее гендерная принадлежность была предметом пристального внимания СМИ: от акцентирования внимания на ее женственной внешности и одежде до обсуждения ее напористости и стиля руководства.

Исследуя отношение СМИ к Марин Ле Пен, А. Снайпс и К. Мюдде, проанализировав материалы, опубликованные в отдельных газетах США и Франции, сделали вывод о том, что Ле Пен, по сравнению с другими женщинами-политиками, изображается относительно сбалансированно, поскольку она в большей степени представляет собой популистского лидера правых радикалов, чем женщину (Snipes & Mudde, 2020). Прежде всего это связано с тем, что Ле Пен в своей риторике часто опирается на «жесткие» вопросы, такие как иммиграция и безопасность, а не на «мягкие» вопросы, такие как социальное обеспечение. Кроме того, ее внешность и семья меньше комментируются по сравнению с освещением других женщин-лидеров. Кроме того, исследователи отметили, что освещение событий в двух разных СМИ несколько отличается: Le Monde склонна рисовать Ле Пен в негативном свете, связывая ее с экстремистскими идеологиями, в то время как Le Figaro дает от нейтрального до позитивного освещения, делая акцент на ее практической политике. Американские газеты, такие как New York Times и Wall Street Journal, напротив, избегают упоминания о предполагаемых экстремистских связях и концентрируются на ее политических достижениях.

Размышляя о том, почему женщины-лидеры особенно популярны в правых популистских партиях по сравнению с «рационально-бюрократическим» типом женщин-политиков, которые продолжают бороться за достижение политической легитимности в левой и центристской политике, Д. Гева акцентирует свое внимание на способности Марин Ле Пен воплощать в себе одновременно политическую маскулинность и феминность. В то время как гегемонная маскулинность обычно наказывает женщин, воплощающих в себе мужские черты, сторонники Марин Ле Пен видели в ней неординарную женщину, сочетающую в себе как мужские, так и женские достоинства. Эта двойственность *caritas* (женская добродетель заботы и любви) и *virility* (мужская черта силы и власти) в стиле руководства Ле Пен противоречит теории гегемонной маскулинности (Geva, 2020). Интересно, что даже в рамках одной и той же публикации в СМИ можно встретить акцент одновременно как на феминных, так и на маскулинных чертах образа Марин Ле Пен: «*Марин Ле Пен в эти дни весела и напориста*»², «"Прагматичная" Ле Пен вновь становится главным претендентом на победу... она все так же сохраняет неутомимую жизнерадостность»³. Таким образом, изображение Ле Пен в СМИ усложняет ее публичный образ, отражая многогранное восприятие ее гендерного дисплея в контексте правопопулистской политики. Стиль лидерства Ле Пен бросает вызов традиционным гендерным ролям в политике, переосмысливая, что значит быть сильным и эффективным лидером, сочетая в себе как маскулинные, так и феминные черты.

Выводы

Меняющийся портрет лидеров правых популистов представляет собой динамичное взаимодействие различных факторов, отражающих эволюционирующий ландшафт современной политики. Расширение представительства женщин в этих партиях свидетельствует о сознательном стремлении устранить гендерное неравенство и создать более инклюзивный образ. Кроме того, тенденция к омоложению лидеров совпадает со стратегическим использованием социальных сетей для установления контактов с молодыми поколениями при сохранении традиционных ценностей. Примером такой

¹ Le Pen, M. (2017) *Clip de campagne officiel | Marine 2017*, 5 February. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FYWnuQc5mYA> (accessed: 6 September 2023).

² Marlowe, L. (2019) 'Marine Le Pen: 'The EU is dead. Long live Europe'', *Irish Times*, 23 February. URL: <https://www.irishtimes.com/news/world/europe/marine-le-pen-the-eu-is-dead-long-live-europe-1.3801809> (accessed: 6 September 2023).

³ Mallet, V. and Abboud, L. (2022) 'Pragmatic' Le Pen re-emerges as main challenger to Macron in French election', *Financial Times*, 13 March. URL: <https://www.ft.com/content/fcec87bd-c010-4744-b282-4ce34627b1a6> (accessed: 6 September 2023).

трансформации может служить такая фигура, как Ван Грикен, который стремится дистанцировать свою партию от противоречивых ассоциаций прошлого и создать более позитивный и современный имидж.

Однако нельзя не учитывать сложную взаимосвязь между этими изменениями и основными идеологическими установками этих партий. Попытка Ван Грикена изменить имидж партии иллюстрирует противоречие между ребрендингом и сохраняющимися идейными установками партии. Аналогичным образом гендерный дисплей Ле Пен демонстрирует одновременно как соответствие, так и вызов традиционным гендерным ролям, при акценте на феминности ее лидерские качества пересекаются как с мужскими, так и с женскими чертами.

В конечном счете изменение имиджа лидеров правых популистов – это не только реакция на современную политическую динамику, но и отражение более широких общественных сдвигов. Сопоставление традиционно консервативных ценностей с современными коммуникационными стратегиями подчеркивает изменчивость политического брендинга. По мере того как партии, подобные «Фламандскому интересу» и «Национальному объединению», добиваются успехов, несмотря на свое прошлое, становится очевидным, что стратегический баланс между изменением имиджа и сохранением основных идеологических постулатов может привести к успеху на современной политической арене. Тенденция создания привлекательных и узнаваемых образов лидеров не ограничивается отдельными регионами, а становится все более глобальной, что свидетельствует о растущей роли восприятия лидера в формировании политических результатов в разных странах.

Список литературы / References

- Алексеев, А. В., Фомин, И. В. (2020) «Мы, защитники наций и свобод». Как европейские правые популисты конструируют идентичности (случай «Национального объединения»)', *Политическая наука*, (4), сс. 128–156. [Alekseev, A. V., Fomin, I. V. (2020) "We, the defenders of nations and liberties". How the EU populist radical right discursively constructs identities: the case of the Rassemblement National' [«Мы, zashchitniki natsii i svobod». Kak evropeiskie pravye populisty konstruiruyut identichnosti (sluchai «Natsional'nogo ob"edineniya»)], *Political science*, 4, pp. 128–156. (In Russ.)], DOI: 10.31249/poln/2020.04.07.
- Григорьева, Н. С., Жохова, А. А. (2022) «Политическая риторика женщин-лидеров в избирательной кампании по выборам президента Франции 2022 г.», *Женщина в российском обществе*, 4, сс. 48–58. [Grigorieva, N. S., Zhokhova, A. A. (2022) 'Political rhetoric of women leaders in the French presidential election campaign 2022' [Politicheskaya ritorika zhenshchin-liderov v izbiratel'noi kampaanii po vyboram prezidenta Frantsii 2022 g.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 4, pp. 48–58. (In Russ.)], DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.5.
- Красикова, Л. В. (2022) «Трансформация евроскептицизма партии “Национальное объединение” (2017–2022)», *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 3, сс. 91–103. [Krasikova, L. V. (2022) 'The transformation of the euroscepticism of the National Rally party (2017–2022)' [Transformatsiya evroskeptitsizma partii "Natsional'noeob"edinenie"(2017–2022)], *Analysis and forecasting. IMEMO Journal*, 3, pp. 91–103. (In Russ.)], DOI: 10.20542/afij-2022-3-91-103.
- Akkerman, T. (2015) 'Gender and the radical right in Western Europe: A comparative analysis of policy agendas', *Patterns of Prejudice*, 49(1–2), pp. 37–60. DOI: 10.1080/0031322X.2015.1023655.
- Blee, K. M. (2020) 'Where do we go from here? Positioning gender in studies of the far right', *Politics, Religion & Ideology*, 21(4), pp. 416–431. DOI: 10.1080/21567689.2020.1851870.
- Eatwell, R. (2002) 'The rebirth of right-wing charisma? The cases of Jean-Marie Le Pen and Vladimir Zhirinovsky', *Totalitarian Movements and Political Religions*, 3(3), pp. 1–23. DOI: 10.1080/714005489.
- Garzia, D. (2019) *Personalization of politics and electoral change*. Springer. DOI: 10.1007/978-1-349-66993-6_2.
- Geva, D. (2020) 'A double-headed hydra: Marine Le Pen's charisma, between political masculinity and political femininity', *Norma*, 15(1), pp. 26–42. DOI: 10.1080/18902138.2019.1701787.
- Goffman, E. (1979) *Gender advertisements*. Red Globe Press London. DOI: 10.1007/978-1-349-16079-2.

- Klammer, C., & Goetz, J. (2017) 'Between German nationalism and anti-Muslim racism: Representations of gender in the Freedom Party of Austria', in Michaela Köttig, Renate Bitzan and Andrea Petö, (Eds.), *Gender and far right politics in Europe*. London: Palgrave Macmillan, pp. 79–94. DOI: 10.1007/978-3-319-43533-6_6.
- Mudde, C. (2019) *The far right today*. John Wiley & Sons.
- Nicholas, L., & Agius, C. (2018) *The Persistence of Global Masculinism: Discourse, Gender and Neo-colonial Re-articulations of Violence*. Palgrave Macmillan.
- O'Neill, B., & Stewart, D. K. (2009) 'Gender and political party leadership in Canada', *Party Politics*, 15(6), pp. 737–757. DOI: 10.1177/1354068809342526.
- Passari, E. (2020) 'The great recession and the rise of populism', *Intereconomics*, 55(1), pp. 17–21. DOI: 10.1007/s10272-020-0863-7.
- Pearson, E., Winterbotham, E., & Brown, K. (2020) *Countering Violent Extremism: Making Gender Matter*. Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-21962-8.
- Rahat, G., & Sheafer, T. (2007) 'The personalization (s) of politics: Israel, 1949–2003', *Political communication*, 24(1), pp. 65–80. DOI: 10.1080/10584600601128739.
- Schäfer, A. (2013) 'Die Akademikerrepublik: Kein Platz für Arbeiter und Geringgebildete im Bundestag?', *Gesellschaftsforschung*, 2, pp. 8–13.
- Snipes, A., & Mudde, C. (2020) "'France's (Kinder, Gentler) Extremist": Marine Le Pen, Intersectionality, and Media Framing of Female Populist Radical Right Leaders', *Politics & Gender*, 16(2), pp. 438–470. DOI: 10.1017/S1743923X19000370.
- West, C., & Zimmerman, D. H. (2018) 'Doing Gender', in: *Doing Gender Diversity: Readings in Theory and Real-World Experience*. Taylor and Francis, pp. 3–12. Web. DOI: 10.4324/9780429500930.

Статья поступила в редакцию: 12.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 15.10.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

FROM MARGINAL TO MAINSTREAM: THE CHANGING IMAGE OF EUROPEAN RADICAL RIGHT POPULIST LEADERS

E. S. Burmistrova

E. S. Burmistrova, Assistant at the Department of History and Archeology,
Perm State University.

E-mail: burmi-k@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-4418-8557. ResearcherID: HKV-3155-2023).

Abstract

This article examines the personalisation of politics and its impact on the changing image of leaders of Western European right-wing populist parties. As these parties strive to gain recognition in the political mainstream, the characteristics associated with their leaders undergo notable transformations. Analysing these changes provides a fuller picture of ideological shifts within far-right populism. The study uses data from various sources including media, party websites, official websites, social media and personal websites. The concept of gender display is used as a methodological toolkit to analyse leadership trends. Cases of non-traditional leaders whose image revival is inextricably linked to their parties' entry into the political mainstream, such as Tom Van Grieken and Marine Le Pen, are given particular attention. The analysis revealed several major trends in changing leadership portraits, including increased female representation, a trend towards younger leadership, a high emphasis on education, significant professional experience, personification of the family institution, and long-standing ties to party structures from their youth. Moreover, whilst Tom Van Grieken strategically adopts a more positive, approachable image to distance himself from past stereotypes, Marine Le Pen's leadership challenges traditional gender roles in politics, redefining power and effectiveness by skilfully combining masculine and feminine qualities.

Keywords: radical right; populism; gender; gender display; personalisation of politics; Western Europe.

УДК: 329:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-32-49

ВЫБОР МЕСТА: КАКИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯЮТ НА ОТКРЫТИЕ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕГИОНАХ

М. И. Гилёв, Н. Н. Пешина

Гилёв Максим Игоревич, магистр политологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: maxgilev98@mail.ru (ORCID: 0009-0002-0679-1475).

Пешина Наталья Николаевна, магистр политологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: ms.npeshina@mail.ru (ORCID: 0009-0002-1037-8798).

Аннотация

Региональные отделения политических партий играют важную роль в их деятельности и взаимодействии с избирателями. В России законодательством установлено, что количество региональных отделений и необходимость наличия их не менее чем в 50 % регионов страны является одним из институциональных условий для работы партий. Однако статистические данные о представленности политических партий в регионах РФ свидетельствуют о том, что не все регионы одинаково привлекательны для открытия отделений политических партий. Были выделены и рассмотрены различные факторы: политические, экономические, социальные и географические, которые могут определять привлекательность регионов для открытия отделений политических партий. Авторы опираются на предположение, что цель каждой политической партии – максимизировать свой электоральный результат. Политические партии действуют как рациональные акторы, применяя различные критерии при принятии решения о выборе места для открытия отделений. Анализ, проведенный в данном исследовании, позволил сделать следующие выводы: привлекательность региона для открытия отделений политических партий в России зависит от таких показателей, как количество населения региона, этнический состав региона, результаты федеральных выборов в регионе, расстояние от регионального центра до Москвы и количество мест в региональном парламенте. Тем не менее авторы исследования предполагают, что добавление и расширение списка факторов в будущем может усовершенствовать исследование.

Ключевые слова: регион; политические партии; региональные отделения; партийное строительство.

Введение

Партийное строительство в России началось в 1990-х гг. после распада СССР. В это время в стране начало появляться большое количество новых партий, в том числе КПРФ и ЛДПР. В 2000-х гг. партийное строительство в России стало менее динамичным и разнообразным – был принят новый закон «О политических партиях», который ужесточил процедуру регистрации партий и увеличил требования к количеству членов партии. Как результат – количество зарегистрированных партий в России существенно снизилось. Именно в этот период сформировалась «основная четверка» политических партий России («Единая Россия», «Справедливая Россия», КПРФ и ЛДПР), которые стали доминирующими партиями в политической жизни страны. В конце 2011 г. РФ захлестнула волна протестов, в связи с чем в 2011–2012 гг. в российском партийном законодательстве были произведены изменения, направленные на его либерализацию и упрощение процедуры регистрации политических партий.

Вследствие этого в России стали активно регистрироваться новые политические партии – в определенный период в 2017 г. количество зарегистрированных партий в ЦИК достигло 70. В янва-

ре 2019 г. Министерство юстиции РФ приняло решение¹ начать проверку соблюдения политическими партиями требований действующего законодательства об участии в выборах с июня 2019 г. – в соответствии со вступившими в силу 4 апреля 2012 г. поправками в закон «О политических партиях», партии, игнорировавшие в течение семи лет проводившиеся в стране выборы, подлежали ликвидации. Проведенное в 2020 г. исследование (Борисенко и Чернышева, 2020) показало, что в период с мая 2019 г. по июль 2020 г. количество политических партий, имеющих право участвовать в выборах, сократилось с 61 до 41. На июнь 2022 г. нами было отмечено, что список политических партий, зарегистрированных на территории РФ в соответствии с ФЗ от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»², насчитывает 30 единиц.

Проанализировав список (прил., табл. П.1) с количеством региональных отделений политических партий, зарегистрированных на июнь 2022 г. (то есть 30 партий), можно отметить, что число таких отделений находится в диапазоне между 42 и 85. Только у четырех партий – «Единой России», КПРФ, ЛДПР и СР – имеется 85 региональных отделений, иначе говоря, они представлены во всех субъектах РФ (рис. 1). Остальные партии, вероятно, не обладают достаточными ресурсами для открытия отделений во всех регионах РФ и выбирают регионы, основываясь на различных политических, экономических, социальных и географических возможностях и ограничениях ведения деятельности партии в регионе.

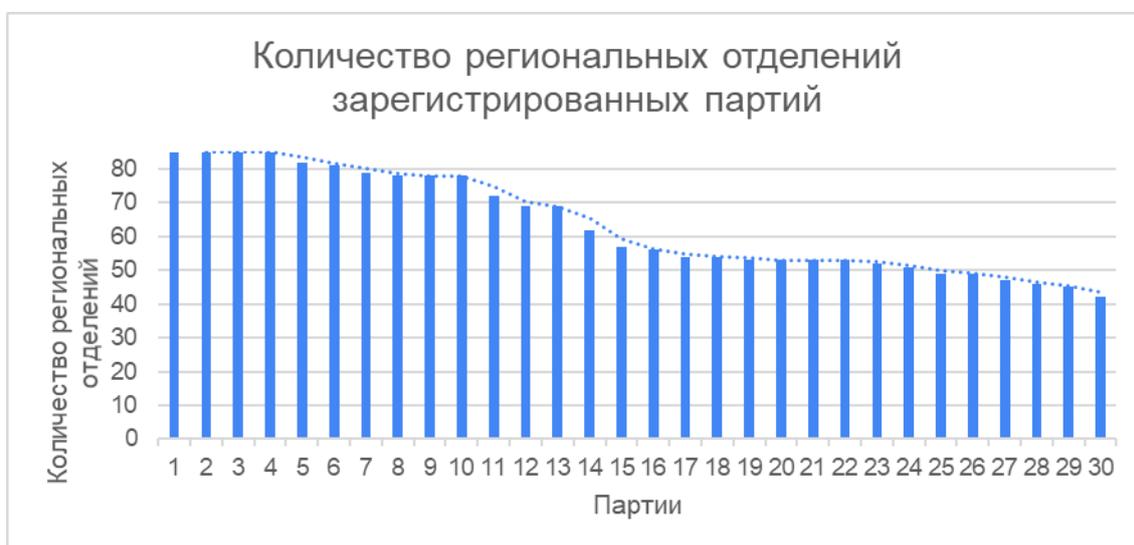

Рис. 1. Количество региональных отделений зарегистрированных партий

Кроме того, если обратить внимание на распределение количества отделений по регионам, мы можем заметить существенный разброс данных отделений – от 5 до 30 (рис. 2; прил., табл. П.2).

В процессе исследования будет рассмотрено некоторое количество факторов, которые, на наш взгляд, могли бы являться маркерами привлекательности регионов для открытия отделений политическими партиями. Мы попытаемся определить, какие из политических, экономических, социальных и географических факторов действительно оказывают влияние на выбор партиями региона для открытия своих отделений.

¹ Партии, более 7 лет не участвовавшие в выборах, ликвидируют, *Минюст*. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/01/16/minjust-bolee-7-let-ne-uchastvovavshie-v-vyborah-partii-likvidiruiut.html> (дата обращения: 19.03.2023).

² О политических партиях: Федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 19.03.2023).

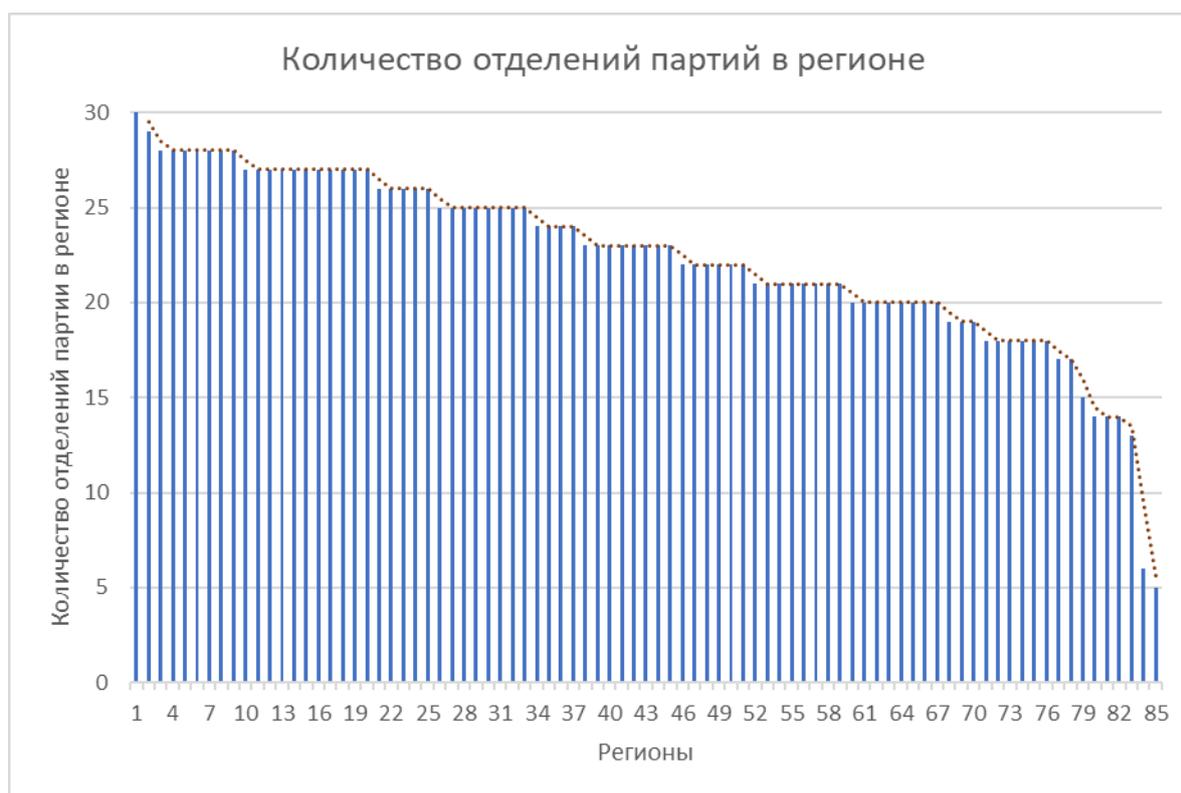

Рис. 2. Количество отделений партий в регионе

Партии в регионах РФ

На данный момент существует немного исследований, посвященных факторам, определяющим привлекательность регионов для открытия отделений политическими партиями в России. В основном литература посвящена анализу законодательства о политических партиях, финансированию партий, партийному строительству, реформированию избирательной системы, региональным политическим машинам и феномену партий-спойлеров.

В ряде исследований затрагиваются вопросы регистрации и организации политических партий, а также их региональных отделений. Исследуется нормативное регулирование деятельности политических партий в России (Зими́на, 2021). Отмечается тенденция к росту закрытий региональных отделений партий, что может свидетельствовать о том, что многие партии, открывая отделения по требованию закона о регистрации, не ведут действительной политической деятельности в регионах (Соловьева, 2020).

Стоит отметить, что по результатам исследования о прямом государственном финансировании политических партий в России (Долгих, 2018) можно сделать вывод, что в настоящее время оно способствует консервации сложившейся партийной системы, ставя политические партии, не имеющие право на получение средств из федерального бюджета, в явно неконкурентные условия с получателями государственного финансирования.

В работах, где исследуются институциональные особенности партийных отделений в субъектах Российской Федерации (Курочкин, 2019), мы видим следующее: на основе анализа политико-правовых норм выявляются противоречия, влияющие на избирательные и парламентские возможности партийных организаций. Особое внимание уделяется искусственному приданию субъектности региональным отделениям политических партий, что предопределяет их зависимость от политики, проводимой региональными политическими элитами.

Выдвигается предположение, что ключевым фактором, влияющим на успехи партии власти и на низкую конкуренцию в регионах, является размежевание «город-село» и тесно связанный с ним фактор размежевания по уровню образования, а также эффективность губернаторских политических машин, тогда как фактор экономического голосования признается систематически малозначимым (Гайворонский, 2018).

В исследовании выборов с 2003 по 2016 г. через призму эффективного числа партий отмечается, что трансформация электорального пространства от высокого уровня репрезентативности к ограниченному межпартийному соперничеству напрямую связана с ужесточением избирательного законодательства. (Пасхина и Телина, 2017). Рассматривается влияние партийной реформы 2012–2014 гг. на уровень политической конкуренции в регионах (Коргунюк, 2017). В качестве главного фактора, повышающего политическую конкуренцию в регионах, выделяется не рост числа партий на выборах, а малоэффективная работа региональных политических машин.

Важно обратить внимание и на феномен партий-спойлеров. Политические стратегии партий-спойлеров в России остаются малоизученным аспектом. Роль партий-спойлеров в выборах федерального уровня отмечается как малоэффективная, но подчеркивается, что партии-спойлеры оказывали влияние на уровне региональных выборов (Асеева и Шашкова, 2015). Отмечается относительная эффективность «спойлерства» как региональной политической стратегии на выборах 2016 г. (Шугаев, 2016). Например, партиям-спойлерам иногда удавалось преодолевать заградительные барьеры в региональные legislatures и на несколько процентов, в зависимости от региона, снижать результаты парламентской оппозиции, что может подтверждать предположение о том, что партии-спойлеры также ориентируются на региональную специфику, стремясь достигнуть электоральных результатов.

Отдельного упоминания заслуживает и сравнение российской специфики создания партий с функционированием партий в зарубежных странах. Сравнительный анализ партийных систем США и РФ подчеркивает крайне децентрализованную систему организации партий в США относительно России, в частности это проявляется в приоритете регионального электорального законодательства над федеральным в США (Мухаметов, 2021). Если в России привычна механика открытия региональных отделений центральным руководством партии, то в США региональные отделения – это не прерогатива центральных органов.

Другим аспектом, демонстрирующим централизованность российской партийной системы, является неразвитость феномена политического регионализма. В европейских странах политический регионализм является важным фактором электоральной системы (Сулимов, 2022). В отличие от европейских стран, в российском партийном строительстве феномен регионалистских партий отсутствует, ввиду законодательного стремления к национализации партийной системы. Отмечается, что российский партийно-политический регионализм по-прежнему не имеет сформировавшейся политической институционализации (Кириянов и Панов, 2022).

Как можно заметить, очевиден недостаток исследований, посвященных изучению факторов, влияющих на открытие отделений политических партий в регионах. На данный момент мы попытались проанализировать тот имеющийся материал, который является релевантным для нашего исследования и помогает пониманию и раскрытию темы.

Теоретическая рамка

Мы исходим из того, что цель каждой политической партии – максимизировать свой электоральный результат. Одним из инструментов, используемых для достижения данной цели, может быть открытие отделений в различных регионах. Например, можно думать, что открытие регионального отделения сигнализирует о том, что в этом регионе партия собирается участвовать в выборах, то есть открытие отделения можно рассматривать как способ, помогающий увеличить электоральный результат. При принятии решения о месте открытия отделений политические партии должны учитывать следующие институциональные требования: законодательство, регистрационные процедуры и правила выборов. Политические партии являются рациональными акторами, которые могут использовать различные критерии для принятия решения о месте открытия отделений.

При анализе факторов, влияющих на открытие отделений политических партий в регионах, важно учитывать существование партий-спойлеров. В отличие от традиционных партий, спойлеры не ставят своей целью выиграть выборы, а скорее пытаются отобрать электорат у других партий и тем самым нарушить существующий баланс сил (Аминова, 2015).

Когда партия-спойлер принимает решение об открытии отделения в определенном регионе, ей необходимо брать во внимание ряд факторов, которые могут повлиять на ее электоральный результат, с учетом ограниченных ресурсов. Эти факторы могут включать в себя географические, экономические, социальные и политические особенности региона, а также наличие уже укрепившихся традиционных партий в этом регионе. При выборе региона для открытия отделения партия-спойлер должна учитывать как сильные, так и слабые стороны каждого региона, а также потенциальную кон-

курунку с другими партиями. Таким образом, партии-спойлеры, как и традиционные политические партии, стремятся максимизировать свой электоральный результат. Они также могут столкнуться с трудностями в выборе региона для открытия отделения.

Для анализа характеристик, способных повлиять на рациональный выбор политических партий при открытии новых отделений в регионах РФ, нами было выделено несколько факторов, разделенных на блоки. Критерии включают политические, экономические, социальные и географические факторы.

Политические факторы связаны с вертикализацией управления в российских регионах (Карлаков, 2020). Так, например, политические машины способствуют устойчивости партии власти в регионах, конвертируя голоса избирателей в блага. Более сильные авторитарные правители способны контролировать региональные элиты и обеспечивать наилучшие результаты для партии власти, оказывая административное давление на избирателей (Разумовский, 2021).

Напротив, политические факторы могут включать и партийную конкуренцию в регионе, которая может приводить к активному открытию новых отделений политических партий для увеличения своей базы избирателей. Высокая конкуренция между партиями может сигнализировать о высоком уровне политической активности и заинтересованности населения в политике. В таких условиях открытие нового отделения политической партии может иметь больший успех, так как люди могут быть более склонны к поиску альтернативных политических платформ.

Гипотеза 1.1: чем выше в регионе конкуренция между партиями, тем больше отделений политических партий будет в данном регионе.

Существенные различия в моделях электорального доминирования «Единой России» в региональных парламентах зависят от конфигурации региональных элит и их стратегий (Мухаметов, 2021). Получение партий и / или партийными кандидатами наиболее высоких электоральных результатов определяет легитимирующее право на власть. Чем ниже степень доминирования «Единой России» в регионе, тем выше вероятность того, что в регионе будет отделение политической партии, потому что снижение доминирования партии в регионе может создать условия для конкуренции между партиями. При высокой доле доминирования ЕР в регионе партия может контролировать все региональные институты власти, включая региональный парламент, что затрудняет появление новых партий и ограничивает свободу выражения политических взглядов. Однако, если доминирование ЕР в регионе снижается, другие партии могут начать конкурировать за места в региональном парламенте и за голоса избирателей. Это может создать условия для появления новых партий или отделений существующих партий в регионе.

Гипотеза 1.2: чем ниже степень доминирования ЕР в регионе, тем больше отделений политических партий будет в данном регионе.

Мы разделили гипотезу 1 на гипотезы 1.1 и 1.2, потому что конкурентность (ЭЧП) и доминирование ЕР – это два показателя, характеризующие одно и то же явление – специфику регионального политического режима.

Институциональные характеристики региона являются важным фактором для определения вероятности открытия партии в этом регионе. Один из таких показателей – количество мест в региональном парламенте (Забайкалов, 2019). Малое количество мест в парламенте может означать более жесткую конкуренцию между партиями, в то время как парламенты с большим количеством мест более привлекательны, так как часто позволяют «занять место», не потратив на это огромное количество ресурсов. Это приводит к тому, что политические партии более активны в таких регионах, охотнее «идут» туда, привлекая избирателей, что может увеличить вероятность открытия отделения партии в регионе.

Гипотеза 2: чем больше мест в парламенте региона, тем больше отделений политических партий будет в данном регионе.

Экономические факторы играют существенную роль в формировании политической ситуации в любом регионе (Туровский и Джаватова, 2019). Они оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое благополучие населения, что, в свою очередь, влияет на выборы и политические предпочтения жителей региона.

Капитал региона является важным экономическим показателем, который определяет его конкурентоспособность и способность привлекать инвестиции. Доходы населения также являются важным фактором, влияющим на политическую сферу. Чем выше уровень доходов жителей, тем больше они склонны поддерживать партии, которые представляют их интересы и обеспечивают устойчивое экономическое развитие региона. Наоборот, в регионах с низкими доходами населения может усили-

ваться недовольство жителей в отношении власти и увеличиваться вероятность возникновения социальных протестов.

Партии, действующие на региональном уровне, могут учитывать все эти экономические факторы при формировании своей стратегии. Они могут анализировать особенности экономического развития региона и настраиваться на удовлетворение интересов жителей.

Низкие экономические показатели могут подрывать популярность электоральных авторитарных режимов: избиратели, чьи экономические оценки, основанные на личном опыте и анализе местных условий, были отрицательными, с меньшей вероятностью поддержат доминирующую партию. В этом случае избиратели могут искать альтернативы и поддерживать новые партии, которые могут обещать изменения в экономической сфере или привлечении новых инвестиций в регион.

Гипотеза 3.1: партии будут открывать региональные отделения там, где население недовольно развитием региона и личным финансовым положением – чем меньше дельта показателя ВРП (2012 и 2019 гг.), тем больше отделений политических партий будет в данном регионе.

Изначально может показаться, что наличие высокой бедности в регионе будет выгодно для политических партий, которые обещают решить социально-экономические проблемы, связанные с бедностью. Но российские исследователи говорят об эффекте «ловушки бедности» – социально-экономическое благополучие населения влияет на исход выборов иначе, чем предсказывается стандартными теориями экономического голосования, то есть за партию власти голосуют бедные регионы, с большим процентом безработицы, трансфертами, инвестициями, но с более низкими доходами и расходами (Чепель, 2022).

Гипотеза 3.2: больше отделений политических партий будет в регионе, где уровень бедности ниже.

Мы выделили гипотезы 3.1 и 3.2, потому что обе гипотезы представляются конкурирующими относительно влияния бедности в регионах.

Социальные факторы могут оказывать значительное влияние на политическую активность партий в регионах.

С возникновением больших городов приоритеты в организации реальной политики и политическая субъектность постепенно смещаются в сторону мегаполисов. Происходит политическая урбанизация – процессы концентрации политической власти в больших городах с одновременным возрастанием влияния политической власти таких городов в системе государственной власти. Также здесь имеет значение политическая машина, о которой мы говорили выше. В сельских территориях она более эффективна, чем в городских. Кроме того, партии заинтересованы в открытии региональных отделений в более урбанизированных регионах, так как в городах сосредоточены крупные бизнесы, социальные движения, профсоюзы и другие социальные группы, которые являются потенциальными избирателями. Также в больших городах обычно более высокий уровень образования, что может повысить политическую активность и интерес к участию в выборах.

Гипотеза 4: большее количество отделений политических партий будет в более урбанизированных регионах.

Для анализа будет включен показатель доли сельского населения. Чем выше доля сельского населения, тем менее урбанизированным считается регион, и наоборот, чем выше доля городского населения, тем более урбанизированным он является.

Этнический фактор может играть важную роль в формировании политической позиции населения региона (Шкель и др., 2022). Исследования показывают, что в регионах с высокой долей нерусского населения голосование за «Единую Россию» может быть более предсказуемым, чем в регионах с высокой долей русского населения. Это связано с тем, что культурный контекст и традиции региона могут сильнее влиять на политические взгляды жителей, чем идеология партии.

Стоит отметить, что многие партии основаны в Москве или других крупных городах, где русскоязычное население преобладает и культурный контекст более знаком. Ввиду этого, открывая новые отделения в регионах, партии могут обращать внимание на этнический состав населения, чтобы лучше понимать его потребности и особенности.

Гипотеза 5: больше отделений политических партий будет в регионах, в которых доля русского населения выше.

Численность населения в регионе может быть важным фактором для открытия новых отделений партий. Во-первых, чем больше людей проживает в регионе, тем больше потенциальных избирателей и членов партии, что может привести к росту влияния партии в регионе и увеличению шансов на победу в выборах. Во-вторых, большое население может означать наличие различных социальных

групп и интересов, которые могут быть представлены различными политическими партиями. Таким образом, в регионах с большим числом населения может быть больше потенциальных возможностей для развития партийной деятельности и конкуренции между различными партиями. Открытие новых отделений партий в регионах также зависит от человеческого ресурса – чем больше людей проживает в регионе, тем больше вероятность пополнить ресурс партии.

Гипотеза 6: чем выше численность населения в регионе, тем больше отделений политических партий будет в данном регионе.

Географический фактор. Такой географический фактор, как удаленность регионального центра от Москвы, может оказывать влияние на политическую активность партий в регионах. Чем ближе региональный центр к Москве, тем легче для партий поддерживать связь с центром и федеральными органами власти, получать необходимую информацию и ресурсы, а также продвигать свои региональные и федеральные интересы. Кроме того, близость к Москве может способствовать сокращению издержек на управление и координацию деятельности региональных отделений партий.

Гипотеза 7: чем ближе региональный центр к Москве, тем больше отделений политических партий будет в данном регионе.

Эмпирические данные для анализа

Единица наблюдения в данном исследовании – регион. Под регионом мы подразумеваем территориально-административную единицу РФ, обладающую определенными географическими, экономическими, социальными и культурными характеристиками. Исследование было проведено в июне 2022 г., когда количество регионов в РФ составляло 85 единиц.

Зависимая переменная – количество региональных отделений партий в регионе (из 30).

В нашем исследовании мы выделили девять независимых переменных:

Для подсчета *конкуренции между политическими партиями в регионе* (1) принято решение опираться на данные в виде индекса эффективного числа партий в регионе. Использование индекса ЭЧП позволяет более точно определить конкурентную ситуацию в регионе и ее влияние на открытие новых отделений политических партий. В нашей работе мы будем использовать данные о выборах в региональные парламенты для расчета индекса ЭЧП и анализа конкурентной ситуации в регионах РФ.

Степень доминирования ЕР в регионе (2) будет представлена в виде дельты доли голосов, полученных «Единой Россией» в регионе на выборах в федеральный парламент в 2016 и 2021 гг.

Для измерения институциональных характеристик региона было подсчитано *количество мест в региональном парламенте (мандаты)* (3).

Для анализа *степени урбанизации региона* (4) будет включен показатель доли сельского населения. Доля сельского населения используется для анализа, так как это показатель урбанизации региона. Чем выше доля сельского населения, тем менее урбанизированным считается регион, в обратном случае, чем выше доля городского населения, тем более урбанизированным он является¹.

Для измерения уровня экономического развития региона использованы стандартные показатели: *ВРП (дельта 2012 и 2019 гг.)* (5) и *уровень бедности в регионе* (6). Причина выбора показателей ВРП за 2012 и 2019 гг. заключается в следующем: в 2012 г. вступил в силу новый закон о партиях, а 2019 г. был выбран как последний предшествующий год пандемии коронавируса, чтобы оценить экономическую ситуацию до появления кризисных последствий, связанных с пандемией².

Для измерения социального положения региона использованы такие показатели, как *доля русского населения* (7) и *численность населения (количество населения в регионе)* (8)³.

Удаленность регионального центра от Москвы (9) рассчитана по прямой при помощи Яндекс-карт, от нулевого километра в Москве до центров соответствующих городов.

Результаты анализа

Тестирование гипотез проводилось методом линейной регрессии.

Мы обнаружили наличие мультиколлинеарности между двумя парами переменных в нашем исследовании. Первая пара включает в себя степень доминирования ЕР в регионе (UR aver) и количе-

¹ Статистическая база Федеральной службы государственной статистики.

² Там же.

³ Там же.

ство мест в региональном парламенте (Mandates). Вторая пара связана с дельтой ВРП (GRP) и уровнем бедности в регионе. Исходя из обнаруженной мультиколлинеарности, нами построено четыре модели для анализа.

Первая модель включает показатели ЭЧП и дельты ВРП. Вторая модель включает показатель ЭЧП и показатель уровня бедности. Третья модель включает дельту степени доминирования ЕР в регионе и дельту ВРП. Четвертая модель включает дельту степени доминирования ЕР в регионе и показатель уровня бедности.

Переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
ЭЧП	0,789	0,724	–	–
Степень доминирования ЕР	–	–	–0,070**	–0,066**
Мандаты	0,115***	0,117***	0,127***	0,129***
Урбанизация	0,022	0,006	0,035	0,012
ВРП	–0,040	–	0,442	–
Население	0,001**	0,001**	0,001***	0,001***
Бедность	–	0,072	–	0,086
Доля русских	0,057**	0,059***	0,052***	0,052***
Удаленность	–0,001***	–0,001***	–0,001***	–0,001***
Константа	9,817	9,236	14,422	14,608
R-квадрат	0,548	0,550	0,572	0,575
Sig.	* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$			

При статистическом анализе было обнаружено, что статистическую значимость устойчиво демонстрируют пять факторов. Это позволяет говорить о том, что пять выдвинутых гипотез подтвердились:

А. Количество населения в регионе. При увеличении населения в регионе на 1 млн количество партий увеличивается на одну при всех прочих равных.

В. Удаленность регионального центра от Москвы. При увеличении расстояния от Москвы на 1000 км количество партий уменьшается на одну при всех прочих равных.

С. Количество мест в региональном парламенте. При увеличении мест в региональном парламенте примерно на десять мандатов количество партий увеличивается на одну при всех прочих равных.

Д. Доля русских в регионе. При увеличении доли русских в регионе примерно на 20 % количество партий увеличивается на одну при всех прочих равных.

Е. Степень доминирования «Единой России» в регионе. При увеличении доли ЕР на федеральных выборах примерно на 20 % количество партий уменьшается на одну при всех прочих равных.

Выводы

Подтвердилось предположение о том, что партии, открывая региональные отделения, руководствуются рациональными соображениями и учитывают характеристики каждого региона в своих расчетах. Данное исследование показывает, что различные факторы, такие как население, расстояние от Москвы, результаты федеральных выборов, количество мест в региональном парламенте и этнический состав региона, могут оказывать влияние на привлекательность региона для открытия региональных отделений политических партий в России.

Вероятно, что не все факторы, влияющие на открытие отделений политических партий в регионах, были учтены. Каждый регион имеет свою специфику и особенности, которые могут влиять на интерес политических партий к открытию отделений в нем.

Могут существовать другие факторы, которые, как мы предполагаем, могли бы влиять на открытие отделений политических партий в регионах. Например, *исторические связи и традиции региона*, которые могут оказывать влияние на предпочтения избирателей и политических партий, или же *наличие местных лидеров*, которое может оказывать влияние на политическую среду в регионе и поддерживать открытие отделений политических партий. *Наличие ключевых отраслей экономики* в регионе могло бы привлекать внимание политических партий, представляющих интересы этих отрас-

лей, а наличие высокотехнологичных и инновационных компаний могло бы привлекать интерес политических партий, представляющих интересы этих отраслей.

Добавление новых факторов может существенно повлиять на результаты исследования и позволит получить более полное представление о том, какие факторы оказывают наибольшее влияние на открытие отделений политических партий в регионах.

Список литературы / References

- Аминова, Г. Г. (2015) 'Партии-спойлеры как угроза развитию политической конкуренции', *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 8 (2 (40)), сс. 127–132. [Aminova, G. G. (2015) 'Spoiler parties as a threat to the development of political competition' [Partii-spoilery kak ugroza razvitiyu politicheskoi konkurentsii], *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, 8 (2 (40)), pp. 127–132. (In Russ.)].
- Асеев, С. Ю., Шашкова, Я. Ю. (2015) 'Новые российские партии в политическом процессе: проблемы эффективности участия', *Известия Алтайского государственного университета*, сс. 207–214. [Aseev, S. Yu., Shashkova, Ya. Yu. (2015) 'New Russian Parties in the Political Process: Problems of Effective Participation' [Novye rossiiskie partii v politicheskom protsesse: problemy effektivnosti uchastiya], *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 207–214. (In Russ.)].
- Борисенко, В. И., Чернышева, Е. Н. (2020) 'Сокращение политических партий в России' (2019–2020 гг.), *Социально-гуманитарные знания*, 6, сс. 104–109. [Borisenko, V. I., Chernysheva, E. N. (2020) 'Reduction of political parties in Russia' (2019–2020 gg.)], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 6, pp. 104–109. (In Russ.)].
- Володина, С. В. (2014) 'Параметры избирательной системы как объект реформирования: технологии влияния', *Полис. Политические исследования*, 5, сс. 108–117. [Volodina, S. V. (2014) 'Parameters of the Electoral System as an Object of Reform: Technologies of Influence' [Parametry izbiratel'noi sistemy kak ob"ekt reformirovaniya: tekhnologii vliyaniya], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 108–117. (In Russ.)].
- Гайворонский, Ю. О. (2018) 'Факторы национализации партийной системы современной России', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 45–61. [Gaivoronskii, Yu. O. (2018) 'Factors of nationalization of the party system of modern Russia' [Faktory natsionalizatsii partiinoi sistemy sovremennoi Rossii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 45–61. (In Russ.)].
- Галуева, В. О. (2021) 'Некоторые вопросы регистрации политических партий', *Вопросы развития современной науки и техники*, (5), сс. 267–273. [Galueva, V. O. (2021) 'Some issues of registration of political parties' [Nekotorye voprosy registratsii politicheskikh partii], *Voprosy razvitiya sovremennoi nauki i tekhniki*, (5), pp. 267–273. (In Russ.)].
- Долгих, Ф. И. (2017) 'Микропожертвования как источник финансирования политических партий – российские реалии и опыт США'. *Сравнительное Конституционное Обозрение*, 2 (117), сс. 92–105. [Dolgikh, F. I. (2017) 'Microdonations as a source of funding for political parties – Russian realities and US experience' [Mikropozhertvovaniya kak istochnik finansirovaniya politicheskikh partii – rossiiskie realii i opyt SShA], *Sravnitel'noe Konstitutsionnoe Obozrenie*, 2 (117), pp. 92–105. (In Russ.)].
- Долгих, Ф. И. (2018) 'Прямое государственное финансирование текущей деятельности политических партий в России в 2004–2017 годах', *Сравнительное конституционное обозрение*, 6 (127), сс. 49–61. [Dolgikh, F. I. (2018) 'Direct state financing of the current activities of political parties in Russia in 2004–2017' [Pryamoe gosudarstvennoe finansirovanie tekushchei deyatelnosti politicheskikh partii v Rossii v 2004–2017 godakh], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 6 (127), pp. 49–61. (In Russ.)].
- Забайкалов, А. П. (2019) 'О численности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов российской федерации', *Право и государство: теория и практика*, 2 (170)),

- сс. 73–78. [Zabaikalov, A. P. (2019) 'On the number of legislative (representative) bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation' [O chislenosti zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) organov gosudarstvennoi vlasti sub"ektov rossiiskoi federatsii], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2 (170)), pp. 73–78. (In Russ.)].
- Зими́на, Н. В. (2015) 'Актуальные вопросы регистрации политических партий и их региональных отделений', *Вестник Забайкальского государственного университета*, 1 (116)), сс. 74–79. [Zimina, N. V. (2015) 'Topical issues of registration of political parties and their regional branches' [Aktual'nye voprosy registratsii politicheskikh partii i ikh regional'nykh otdelenii], *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (116)), pp. 74–79. (In Russ.)].
- Зими́на, Н. В. (2021) 'Методология исследования политических партий', *Вестник Забайкальского государственного университета*, сс. 70–73. [Zimina, N. V. (2021) 'Methodology for researching political parties' [Metodologiya issledovaniya politicheskikh partii], *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 70–73. (In Russ.)].
- Зими́на, Н. В. (2021) 'Нормативное регулирование деятельности политических партий современной России', *Вестник Забайкальского государственного университета*, 27(4), сс. 84–88. [Zimina, N. V. (2021) 'Normative regulation of the activities of political parties in modern Russia' [Normativnoe regulirovanie deyatel'nosti politicheskikh partii sovremennoi Rossii], *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 27(4), pp. 84–88. (In Russ.)].
- Карлаков, В. С. (2020) 'Особенности политической институционализации в России в начале XXI века', *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 10(6), сс. 126–130. [Karlakov, V. S. (2020). 'Features of political institutionalization in Russia at the beginning of the XXI century' [Osobennosti politicheskoi institutsionalizatsii v Rossii v nachale XXI veka], *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 10(6), pp. 126–130. (In Russ.)].
- Кирьянов, И. К., Панов, П. В. (2022) 'Регионалистские проекты в неэтнических регионах России: акторы, легитимация, эффективность', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 67–85. [Kir'yanov, I. K., Panov, P. V. (2022) 'Regionalist projects in non-ethnic regions of Russia: actors, legitimation, effectiveness' [Regionalistskie proekty v neetnicheskikh regionakh Rossii: aktory, legitimatsiya, effektivnost'], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1, pp. 67–85. (In Russ.)].
- Коргунюк, Ю. Г. (2015) 'Партийная реформа 2012–2014 гг. и структура электоральных размежеваний в регионах России', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 97–113. [Korgunyuk, Yu. G. (2015) 'Party reform in 2012-2014 and the structure of electoral divisions in the regions of Russia' [Partiinaya reforma 2012–2014 gg. i struktura elektoral'nykh razmezhvaniy v regionakh Rossii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 97–113. (In Russ.)].
- Куныщиков, С. В., Сивкова, Н. И., Сысолятина, Е. Л. (2017) 'Роль региональных отделений российских партий в поддержании общественной стабильности', *Дискуссия*, 3 (77), сс. 48–53. [Kun'shchikov, S. V., Sivkova, N. I., Sysolyatina, E. L. (2017) 'The role of regional branches of Russian parties in maintaining social stability' [Rol' regional'nykh otdelenii rossiiskikh partii v podderzhanii obshchestvennoi stabil'nosti], *Diskussiya*, 3 (77), pp. 48–53. (In Russ.)].
- Курочкин, А. В. (2019) 'Институциональные противоречия в статусе региональных отделений политических партий в субъектах Российской Федерации', *Вестник Поволжского института управления*, 19(1), сс. 33–38. [Kurochkin, A. V. (2019) 'Institutional Contradictions in the Status of Regional Branches of Political Parties in the Subjects of the Russian Federation' [Institutsional'nye protivorechiya v statuse regional'nykh otdelenii politicheskikh partii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii], *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 19(1), pp. 33–38. (In Russ.)].
- Мухаметов, Р. С. (2021) 'Региональные вариации голосования за «Единую Россию»: роль глав регионов', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 15(2), сс. 110–119. [Mukhametov, R. S. (2021) 'Regional Variations in Voting for United Russia: The Role of the

- Heads of Regions' [Regional'nye variatsii golosovaniya za «Edinuyu Rossiyu»: rol' glav regionov], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 15(2), pp. 110–119. (In Russ.).
- Мухаметов, Р. С. (2021) 'Сравнительный анализ организационной структуры политических партий РФ и США', *Вестник Томского государственного университета. История*, 70, сс. 89–95. [Mukhametov, R. S. (2021) 'Comparative analysis of the organizational structure of the political parties of the Russian Federation and the USA' [Sravnitel'nyi analiz organizatsionnoi struktury politicheskikh partii RF i SShA], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 70, pp. 89–95. (In Russ.).]
- Невская, Т. А. (2021) 'Организационные основы партийного строительства в современной России', *Социально-гуманитарные знания*, 5, сс. 241–249. [Nevskaya, T. A. (2021) 'Organizational foundations of party building in modern Russia' [Organizatsionnye osnovy partiinogo stroitel'stva v sovremennoi Rossii], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 5, pp. 241–249. (In Russ.).]
- Орешкина, Ж. Ю. (2014) 'Институциональные аспекты партийного строительства в России', *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, сс. 210–216. [Oreshkina, Zh. Yu. (2014) 'Institutional Aspects of Party Building in Russia' [Institutsional'nye aspekty partiinogo stroitel'stva v Rossii], *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 4, pp. 210–216. (In Russ.).]
- Панов, П. В. (2020) 'Этнические и региональные партии в странах центральной и восточной Европы: специфика и траектории развития', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 14(3), сс. 20–34. [Panov, P. V. (2020) 'Ethnic and regional parties in the countries of Central and Eastern Europe: specifics and development trajectories' [Etnicheskie i regional'nye partii v stranakh tsentral'noi i vostochnoi Evropy: spetsifika i traektorii razvitiya], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, 14(3), pp. 20–34. (In Russ.).]
- Пасхина, И. С., Телин, К. О. (2017) '«Партия ноль»: российские выборы через призму эффективного числа партий', *Политические исследования*, 5, сс. 43–53. [Pashkina, I. S., Telin, K. O. (2017) "'Party Zero": Russian elections through the prism of the effective number of parties' [«Partiya nol'»: rossiiskie vybory cherez prizmu effektivnogo chisla partii], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 5, pp. 43–53. (In Russ.).]
- Прохоров, А. Д. (2019) 'Перспективы партийной системы в России', *Социально-гуманитарные знания*, 5, сс. 300–304. [Prokhorov, A. D. (2019) 'Perspectives of the Party System in Russia' [Perspektivy partiinoi sistemy v Rossii], *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 5, pp. 300–304. (In Russ.).]
- Разумовский, В. Ю. (2021) 'Российская «партия власти» и региональная политическая элита – интересы, противоречия, перспективы', *Сравнительная политика*, 12(2), сс. 38–54. [Razumovskii, V. Yu. (2021) 'The Russian "party of power" and the regional political elite – interests, contradictions, prospects' [Rossiiskaya «partiya vlasti» i regional'naya politicheskaya elita – interesy, protivorechiya, perspektivy], *Sravnitel'naya politika*, 12(2), pp. 38–54. (In Russ.).]
- Соловьёва, А. И. (2020) 'Региональные отделения политических партий России: современные тенденции развития', *Огарёв-Online*, 7(144), сс. 1–8. [Solov'eva, A. I. (2020) 'Regional branches of political parties in Russia: current development trends' [Regional'nye otdeleniya politicheskikh partii Rossii: sovremennye tendentsii razvitiya], *Ogarev-Online*, 7(144), pp. 1–8. (In Russ.).]
- Стрельцов, Д. В. (2017) 'Системы доминантных партий: некоторые подходы к методологии исследования', *Политические исследования*, 3, сс. 105–118. [Strel'tsov, D. V. (2017) 'Dominant Party Systems: Some Approaches to Research Methodology' [Sistemy dominantnykh partii: nekotorye podkhody k metodologii issledovaniya]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, pp. 105–118. (In Russ.).]
- Сулимов, К. А. (2022) 'Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношениях с центром', *Политические исследования*, 6, сс. 38–54. [Sulimov, K. A. (2022) 'Regionalism as a driver of the activity of European regions in relations with the center' [Regionalizm kak draiver aktivnosti evropeiskikh re-

- gionov v otnosheniyakh s tsentrom], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 6, pp. 38–54. (In Russ.).
- Туровский, Р. Ф., Джаватова, К. Ю. (2019) ‘Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством?’, *Политическая наука*, 2, сс. 48–73. [Turovskii, R. F., Dzhavatova, K. Yu. (2019) ‘Regional inequality in Russia: can centralization be a cure [Regional'noe neravenstvo v Rossii: mozhет li tsentralizatsiya byt' lekarstvom]?’, *Politicheskaya nauka*, 2, pp. 48–73. (In Russ.).]
- Чепель, С. Л. (2022) ‘Экономическое голосование как фактор электоральной подвижности в РФ (на примере регионов центрального федерального округа)’, *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 12(3), сс. 81–88. [Chepel', S. L. (2022) ‘Economic voting as a factor of electoral mobility in the Russian Federation (on the example of the regions of the central federal district)’ [Ekonomicheskoe golosovanie kak faktor elektoral'noi podvizhnosti v RF (na primere regionov tsentral'nogo federal'nogo okruga)], *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 12(3), pp. 81–88. (In Russ.).]
- Шендрикова, М. А. (2012) ‘Партийное строительство в развивающихся демократиях’, *Политическая наука*, 3, сс. 318–324. [Shendrikova, M. A. (2012) ‘Party Building in Emerging Democracies’ [Partiinoye stroitel'stvo v razvivayushchikhsya demokratiyakh], *Politicheskaya nauka*, 3, pp. 318–324. (In Russ.).]
- Шерягин, Е. А. (2015) ‘Партийное строительство в РФ на современном этапе: основные аспекты изучения’, *Социально-экономические науки и гуманитарные исследования*, сс. 124–128. [Sheryagin, E. A. (2015) ‘Party building in the Russian Federation at the present stage: the main aspects of the study’ [Partiinoye stroitel'stvo v RF na sovremennom etape: osnovnye aspekty izucheniya], *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya*, pp. 124–128. (In Russ.).]
- Шкель, С. Н., Щербак, А. Н., Ткачева, Т. Ю. (2022) ‘Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России’, *Социологическое обозрение*, 21(1), сс. 38–70. [Shkel', S. N., Shcherbak, A. N., Tkacheva, T. Yu. (2022) ‘Anatomy of Loyalty: Mechanisms for the Formation of an Electoral Supermajority in the Ethnic Republics of Modern Russia’ [Anatomiya loyality: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoi Rossii], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 21(1), pp. 38–70. (In Russ.).]
- Штоль, В. В., Федорченко, С. Н. (2013) ‘Технологии политического менеджмента в российском партостроительстве’, *Обозреватель*, 6, сс. 47–58. [Shtol', V. V., Fedorchenko, S. N. (2013) ‘Political management technologies in Russian party building’ [Tekhnologii politicheskogo menedzhmenta v rossiiskom partostroitel'stve], *Obozrevatel'*, 6, pp. 47–58. (In Russ.).]
- Шугаев, А. А. (2016) ‘Перспективы и новые вызовы партийного строительства в России’, *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 1 (108), сс. 28–32. [Shugaev, A. A. (2016) ‘Prospects and New Challenges for Party Building in Russia’ [Perspektivy i novye vyzovy partiinogo stroitel'stva v Rossii], *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 1 (108), pp. 28–32. (In Russ.).]

Статья поступила в редакцию: 12.06.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

**SITE SELECTION: FACTORS INFLUENCING THE ESTABLISHMENT
OF POLITICAL PARTY BRANCHES IN THE REGIONS**

M. I. Gilev, N. N. Peshina

M. I. Gilev, Master of Political Science,
Perm State University.
E-mail: maxgilev98@mail.ru (ORCID: 0009-0002-0679-1475).

N. N. Peshina, Master of Political Science,
Perm State University.
E-mail: ms.npeshina@mail.ru (ORCID: 0009-0002-1037-8798).

Abstract

Regional branches of political parties play an important role in their activities and interaction with voters. In Russia, legislation stipulates that the number of regional branches and the need to have them in at least 50% of the country's regions is one of the institutional conditions for parties to operate. However, not all regions are equally attractive for opening political party branches, according to statistical data on the representation of political parties in the regions of the Russian Federation. This study has identified and examined various factors that may determine the attractiveness of regions for opening branches of political parties. The authors assume that the goal of each political party is to maximise its electoral performance. Political parties act as rational actors and use different criteria when deciding where to open branches. The authors concluded that the attractiveness of a region for political party branches in Russia depends on indicators such as the region's population, ethnic composition, results of federal elections in the region, distance of the regional centre from Moscow, and number of seats in the regional legislature. However, the authors of the study suggest that the list of factors could be expanded and improved in the future.

Keywords: region; political parties; regional branches; party building.

Количество региональных отделений

№ п/п	Партия	Количество региональных отделений
1	Всероссийская политическая партия «Единая Россия»	85
2	Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»	85
3	Политическая партия «ЛДПР – Либерально-демократическая партия России»	85
4	Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду»	85
5	Всероссийская политическая партия «Партия роста»	82
6	Всероссийская политическая партия «Родина»	81
7	Политическая партия «Российская экологическая партия “Зеленые”»	79
8	Политическая партия «Российская объединенная демократическая партия “Яблоко”»	78
9	Политическая партия «Коммунистическая партия “Коммунисты России”»	78
10	Политическая партия «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»	78
11	Политическая партия «Новые люди»	72
12	Политическая партия «Патриоты России»	69
13	Политическая партия «Гражданская платформа»	69
14	Всероссийская политическая партия «Партия дела»	62
15	Политическая партия СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	57
16	Политическая партия «Партия возрождения России»	56
17	Политическая партия «Партия малого бизнеса России»	54
18	Политическая партия «Народно-патриотическая партия России – Власть народу»	54
19	Всероссийская политическая партия ПАРТИЯ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ!	53
20	Политическая партия «Казачья партия Российской Федерации»	53
21	Политическая партия «Зеленая альтернатива»	53
22	Политическая партия «Партия прямой демократии»	53
23	Политическая партия «Партия народной свободы» («Парнас»)	51

Окончание табл. 1

№ п/п	Партия	Количество региональных отделений
24	Общественная организация «Политическая партия “Российский общенародный союз”»	51
25	Политическая партия «Российская партия свободы и справедливости»	49
26	Всероссийская политическая партия «Гражданская инициатива»	49
27	Общественная организация «Всероссийская политическая партия “Гражданская сила”»	47
28	Политическая партия «Альтернатива для России (Партия социалистического выбора)»	46
29	Политическая партия «Демократическая партия России»	45
30	Политическая партия «Партия прогресса»	42

Таблица П.2

Количество региональных отделений партий в регионе

№ п/п	Регион	Количество региональных отделений партий в регионе (из 30)
1	Москва (город)	30
2	Дагестан	29
3	Астраханская обл.	28
4	Иркутская обл.	28
5	Калининградская обл.	28
6	Новосибирская обл.	28
7	Орловская обл.	28
8	Санкт-Петербург (город)	28
9	Ставропольский край	28
10	Краснодарский край	27
11	Курская обл.	27
12	Московская обл.	27
13	Нижегородская обл.	27
14	Пермский край	27
15	Ростовская обл.	27
16	Рязанская обл.	27

Продолжение табл. П.2

№ п/п	Регион	Количество региональных отделений партий в регионе (из 30)
17	Свердловская обл.	27
18	Тамбовская обл.	27
19	Челябинская обл.	27
20	Ярославская обл.	27
21	Башкортостан (республика)	26
22	Красноярский край	26
23	Самарская обл.	26
24	Северная Осетия – Алания (республика)	26
25	Татарстан (республика)	26
26	Волгоградская обл.	25
27	Воронежская обл.	25
28	Калужская обл.	25
29	Кировская обл.	25
30	Приморский край	25
31	Тверская обл.	25
32	Ульяновская обл.	25
33	Хабаровский край	25
34	Алтай (республика)	24
35	Брянская обл.	24
36	Владимирская обл.	24
37	Ивановская обл.	24
38	Алтайский край	23
39	Вологодская обл.	23
40	Ленинградская обл.	23
41	Мордовия (республика)	23
42	Оренбургская обл.	23
43	Саратовская обл.	23
44	Тюменская обл.	23
45	Удмуртия (республика)	23

Продолжение табл. П.2

№ п/п	Регион	Количество региональных отделений партий в регионе (из 30)
46	Белгородская обл.	22
47	Крым (республика)	22
48	Новгородская обл.	22
49	Омская обл.	22
50	Смоленская обл.	22
51	Томская обл.	22
52	Адыгея (республика)	21
53	Амурская обл.	21
54	Кабардино-Балкария (республика)	21
55	Костромская обл.	21
56	Мурманская обл.	21
57	Псковская обл.	21
58	Хакасия (республика)	21
59	Чувашия (республика)	21
60	Архангельская обл.	20
61	Калмыкия (республика)	20
62	Карачаево-Черкесия (республика)	20
63	Карелия (республика)	20
64	Коми (республика)	20
65	Курганская обл.	20
66	Липецкая обл.	20
67	Пензенская обл.	20
68	Бурятия (республика)	19
69	Сахалинская обл.	19
70	Тульская обл.	19
71	Забайкальский край	18
72	Кемеровская обл.	18
73	Марий Эл (республика)	18
74	Севастополь (город)	18

Окончание табл. П.2

№ п/п	Регион	Количество региональных отделений партий в регионе (из 30)
75	Ханты-Мансийский АО – Югра	18
76	Якутия (Республика Саха)	18
77	Ингушетия (республика)	17
78	Камчатский край	17
79	Чечня (республика)	15
80	Еврейская АО	14
81	Магаданская обл.	14
82	Тыва (республика)	14
83	Ямало-Ненецкий АО	13
84	Ненецкий АО	6
85	Чукотский АО	5

УДК: 353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-50-67

РИТОРИКА ПОДДЕРЖАНИЯ ОСОБОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

К. Ш. Юзбекова, А. В. Стародубцев

Юзбекова Карина Шамильевна, аспирант департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

E-mail: kyuzbekova@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2646-0801. ResearcherID: GZG-2992-2022).

Стародубцев Андрей Владимирович, кандидат политологических наук, доцент департамента политологии и международных отношений, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

E-mail: astarodubtsev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-7648-8979. ResearcherID: L-7015-2015).

Аннотация

Посвящена ответу на вопрос о том, как в условиях централизации главы республик характеризуют статус возглавляемых ими субъектов Федерации. Опираясь на идею о важности риторического представления статуса субъекта Федерации и используя количественный контент-анализ речей глав республик Российской Федерации, посвященных дням конституции и дням республики в период с 2000 по 2021 г., авторы показывают, что: 1) даже по мере роста централизации политической системы в России республиканские лидеры находят подходящие риторические приемы, позволяющие им подчеркнуть особый статус республик; 2) главы регионов используют возможности коммуникации с региональным сообществом для того, чтобы артикулировать свою позицию в отношении тем, важных для оценки статуса республик.

Ключевые слова: статус; республики Российской Федерации; федерализм; российская политика; политическая риторика.

В ходе всей истории федеративных отношений современной России республики рассматривались как особый тип субнациональных административных единиц. Хорошо известная формулировка статьи 5 российской Конституции подчеркивает государственную природу республик. На общенациональной политической арене в течение 1990-х гг. республики представлялись как лидеры движения в поддержку большей децентрализации и даже конфедерализации России. Во внутрирегиональной политике именно республикам приписывались успехи в установлении субнациональных автократий и значительные возможности по контролю над электоральными результатами (см. обзор на эту тему в: Шкель, Щербак, Ткачева, 2022).

Внимательный анализ участия республик в политическом процессе показывает, что представленная картина не является столь однозначной. Так, например, практика заключения договоров о разграничении полномочий между федеральным центром и отдельными субъектами Федерации действительно началась с возникновения подобных документов с целью регламентации отношений федерального центра с Татарстаном и Башкортостаном, но довольно скоро охватила и другие типы субнациональных единиц (Рабко, 2001). Показательным является состав организационного комитета блока «Вся Россия», в котором находились лидеры как республик, так и других типов субъектов Федерации. То же можно сказать и об успехах в монополизации политического пространства в регионах: отдельные республики, возможно, оказались первыми среди субъектов Российской Федерации, однако вместе с наделением всех регионов правом избрания губернаторов населением число авторитарных регионов, представляющих другие типы субъектов Федерации, также значительно возросло.

Все указанные тенденции во взаимоотношениях между республиками как отдельным типом субъектов Федерации и федеральным центром хорошо описаны в существующей литературе (см., например, обзорную статью Bahry, 2005). Однако в децентрализованных системах необходимо разделять общенациональный и внутрирегиональный политические процессы, взаимосвязанные, но авто-

номные по отношению друг к другу. Наблюдаемый с 2000-х гг. отказ региональных лидеров от провозглашения особых отношений с центром не означает отказа от подобной риторики и указания на особенное положение республик в России (хотя бы в связи с их отличающимся от большинства российских регионов этническим составом (Панов, 2019) во внутрирегиональной политике).

Несмотря на доминирование Владимира Путина и «Единой России» в российском политическом пространстве, региональные политические процессы характеризуются заметной диверсификацией. Это наблюдалось даже в период с 2005 по 2012 г., когда федеральный центр обладал прямым контролем над назначением глав регионов, и стало справедливым в еще большей степени, когда региональным сообществам вернулось право самостоятельно избирать глав регионов. Одной из главных задач любого регионального правительства является выстраивание собственных отношений с региональными сообществами. Учитывая тот факт, что региональные лидеры должны обеспечивать политическую лояльность региональных сообществ не только по отношению к себе, но также к инкумбентам на федеральных выборах, набор инструментов, с помощью которых можно было бы проводить мобилизацию поддержки в регионе, оказывается усеченным: так, например, появляются очевидные ограничения в выстраивании отношений «свой-чужой» при описании взаимодействия с федеральным центром. В такой ситуации региональным лидерам приходится использовать все ресурсы, которые могли бы позволить им максимизировать эффект от каждого политического действия. Для глав республик все 1990-е гг. таким ресурсом являлся конституционно закрепленный статус административной единицы, характеризующейся собственной государственностью со всеми необходимыми атрибутами: конституциями, языками, наименованием глав республик «президентами» и многими другими. Однако централизация 2000-х и 2010-х гг. выхолащивала содержание республиканского статуса: перестали действовать двусторонние соглашения, главы республик перестали именоваться президентами, федеральный закон ограничил возможности преподавания родных языков в регионах. В этой связи интересным и важным представляется вопрос о том, как в условиях централизации главы республик характеризуют статус возглавляемых ими субъектов Федерации?

Риторическое измерение статуса

Политологические исследования статуса субнациональных единиц отсылают нас прежде всего к анализу политико-правового положения административно-территориальной единицы. В рамках такого подхода статус определяется как «набор правовых норм и правил, наделяющих конкретную территориальную единицу рядом особенностей, которые отражаются в создании определенного набора формальных и неформальных институтов» (Oracheva and Osipov, 2010). Понимаемый таким образом статус включает в себя не только политическое (особые права в отношениях с общенациональным правительством в части распределения полномочий, политического представительства и т.д.), но также финансово-экономическое (особые права в области финансовых отношений между национальным и региональным правительствами) и культурное (особые права в области регулирования языковой и культурной политики) измерения. Особенностью характеризуемого подхода является его объективное отражение в документах или же в практиках политического поведения задействованных в этом процессе сторон.

Нам же кажется важным обратить внимание на другой подход к характеристике статуса, который является не противоречащим, а комплементарным по отношению к предыдущему. Пол Макдональд и Джозеф Пэрент предлагают определить статус как «совокупность коллективно воспроизводимых убеждений о принадлежности объекта к определенной группе и его положении в группе, обладающей определенными ценностными характеристиками и признаваемой как другими членами группы, так и извне» (MacDonald and Parent, 2021). Такой подход обращает внимание на важную составляющую часть статуса: речь идет не только о том, на что объект статуса имеет право, но и о том, на какие права объект *претендует*. Авторы указывают на то, что подобные претензии должны быть разделяемы как внутри группы (в нашем случае речь идет о группе республик в составе Российской Федерации), так и за ее пределами (прежде всего, со стороны федерального правительства, но также и других субъектов Федерации).

Опираясь на оба представленных определения, зафиксировать статус того или иного субъекта Федерации можно на основе трех групп источников: формальных норм, регламентирующих правовое и политическое положение как отдельных субъектов Федерации, так и их групп; конкретных действий представителей субъектов Федерации, демонстрирующих те права и обязанности, которые они считают необходимым реализовывать; риторики полномочных представителей субъектов Федерации,

отражающей их представления о правах, обязанностях республик и правилах их взаимодействия с другими регионами и федеральным центром.

В то время как первые два измерения статуса республик, как и в целом субъектов Федерации, хорошо изучены, последнее измерение остается за пределами пристального анализа со стороны исследователей. Очевидным исключением в данном случае является Республика Чечня, чей глава Рамзан Кадыров неоднократно становился героем публикаций, посвященных анализу риторики политических лидеров (Rodina, 2019; Стародубцев, 2017; Avedissian, 2016). В этом же ряду стоит статья Гульназ Шарафутдиновой с анализом риторики двух лидеров Республики Татарстан – Минтимера Шаймиева и Рафаэля Хакимова (Sharafutdinova, 2013).

Наша статья посвящена последнему из указанных измерений статуса – представлениям, выраженным в речах глав республик. Изучение риторики является признанным способом анализа политических процессов (Гаврилова, 2004), однако до сих пор требует дополнительных пояснений. Наиболее частым обоснованием необходимости таких исследований является устойчивая связь между политическим лидером и тем сообществом, которым он или она руководит. Шарафутдинова пишет, что «разделяемые (shared) идеи связывают элиту и массы, указывая на существование “коллективной готовности действовать” (collective intentionality) и наделяя властью политических акторов, которые говорят, зная, что слушающие (public) поддерживают их» (Sharafutdinova, 2013: 362).

Такой подход очевидным образом отсылает нас к демократической составляющей политического процесса, постоянному взаимодействию между политическими лидерами и политическими сообществами, что ставит вопрос о том, насколько необходимым является анализ риторики в менее конкурентной политической среде. Простой ответ здесь заключается в том, что вне зависимости от институционального дизайна лидерство требует подчинения со стороны сообщества и легитимности всей структуры политического устройства. При относительном снижении роли выборов в политическом процессе лидеры находят другие способы обеспечения если не явной поддержки, то согласия с конфигурацией политической системы и производимыми ею решениями. В своем анализе текстов Рамзана Кадырова в социальных сетях Карена Аведиссян справедливо отмечает, что гегемония требует согласия со стороны сообщества, которое более эффективно обеспечивается не столько силовым принуждением, сколько разделяемыми идеологией и ценностями (Avedissian, 2016: 21-22).

Важнейшей функцией анализа риторики является возможность выявить основные сюжеты, которые представляются важными политическому лидеру настолько, чтобы проговорить их перед широкой аудиторией, а также позиции и аргументы, которые, по его или ее мнению, будут восприняты сообществом. Существенным является то, что большая часть выступлений политического лидера, особенно в условиях ограниченной политической конкуренции, не предполагает моментального диалога. В этих условиях задача лидера заключается не в том, чтобы убедить слушателя по каким-то спорным позициям, а в том, чтобы зафиксировать аргументы, общие для лидера и сообщества, представляя их в качестве здравого смысла.

В этом контексте анализ риторики представляется неизбежным в случае исследования содержания статуса субъекта Федерации. Само упоминание в речах прав и обязанностей региона и его органов власти, как и отсутствие такого упоминания, является показателем наличия или отсутствия «особого статуса», а содержание этих прав и обязанностей, отраженное в речах, позволяет сравнивать представления о статусе, желаемом и разделяемом региональным политическим сообществом, с представлениями других лидеров / сообществ, а также с теми формальными институциональными условиями, в которых существуют регионы.

Динамика политико-правового статуса республик

История развития формального политико-правового статуса республик в составе Российской Федерации – неотъемлемая часть политической истории Советского Союза и России. К началу 2000-х гг. у республиканских лидеров были все основания для того, чтобы считать республики особой группой субъектов Федерации, имеющей право выстраивать собственные отношения с федеральным центром, другими российскими регионами и зарубежными государствами.

В административно-территориальной структуре Советского Союза автономные республики, наследниками которых и стали республики в составе России, занимали особое место. Даже на риторическом уровне они отличались от других регионов: согласно Конституции РСФСР 1978 г., в составе РСФСР «состояли» автономные республики и «имелись» края, области, города республиканского подчинения, автономные области и округа (статья 71 Конституции РСФСР 1978 г.). Перечень пред-

метов ведения любой автономной республики совпадал с предметами ведения союзных республик, в том числе в состав которых эти автономные республики входили. По сути, статус автономных республик был равен статусу союзных республик, что и было в результате признано советскими властями принятием в 1990 г. закона, объявляющего субъектами Федерации союзные и автономные республики. Тем же временем усиливалась экономическая самостоятельность автономных республик, которые первыми в условиях нарастания позднесоветского экономического кризиса получили права по самостоятельному планированию хозяйственно-экономической деятельности и связанным с ней взаимоотношениям с другими регионами страны (так называемый республиканский хозрасчет).

Конституция России 1993 г. также зафиксировала особое положение республик – указанием на признаки их государственности (наименованием государствами, правом принятия собственных конституций и введением государственных языков). К этому моменту республики получили право самостоятельного избрания своих глав (практически повсеместно названными президентами), оформляясь в качестве самостоятельных политических систем. Прописанное в той же конституции равенство субъектов Федерации на тот момент рассматривалось в качестве декларации о намерениях, в то время как все фактические действия федерального правительства – заключение двусторонних соглашений (договоров) о разграничении предметов ведения (Рабко, 2001), установление особых прав фискальных отношений между уровнями власти, принципиальное невмешательство во внутренние политические процессы республик, включая принятие законов, напрямую противоречащих федеральному законодательству, – указывали на особое положение по крайней мере наиболее известных республик в федеративной системе. Безусловно, особые права в отношениях с федеральным центром имели не только республики, но именно республики по определению обладали всеми условиями для того, чтобы такие отношения выстраивались, в то время как регионам других типов приходилось доказывать право на особый статус.

Особое отношение в советской федеративной системе республикам было обеспечено в связи с природой «социалистического федерализма», предполагающей государственно-политическую институционализацию этнических групп, обеспечение им особых прав в отношениях с численно доминирующей русской нацией (Slezkine, 1994). Период конца 1980-х и начала 1990-х гг. характеризуется значительной этнической, и даже более того – национальной, мобилизацией в Советском Союзе, которая была успешно использована лидерами республик для выстраивания собственных персоналистских политических режимов. Реальный или лишь демонстрируемый контроль над национальными движениями обеспечивал республиканским лидерам уникальную роль незаменимых медиаторов между республиканскими сообществами и федеральным центром, успешными именно благодаря своей способности разговаривать на двух политических языках – самостоятельности и уникальности возглавляемых ими регионов и интегрированности в общефедеральную политическую повестку.

2000-е гг. принесли с собой полномасштабное наступление федерального центра на предыдущие достижения всех субъектов Федерации, но прежде всего – республик. Отказ от повсеместного заключения договоров о распределении полномочий, приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным, отказ от наименования глав республик президентами, постепенная смена всех республиканских лидеров 1990-х гг. и, наконец, принятие закона, ограничивающего возможности изучения родных языков, – все это безусловные индикаторы понижения политико-правового статуса республик.

В новых условиях от республиканских лидеров ожидается обеспечение лояльности со стороны региональных сообществ, что в свою очередь требует от них выстраивания эффективных отношений с сообществами, учитывающих в том числе их этнический состав. Текущий политический контекст, за редким исключением Республики Чечни, не позволяет предпринимать какие-либо действия, демонстрирующие особые права того или иного региона. В то же время у региональных лидеров остается арсенал риторических инструментов, позволяющих выстраивать необходимый им образ региона и населяющего его сообщества. Наша статья посвящена анализу того, как риторика особого статуса республик отражается в официальных выступлениях глав этих республик с момента начала политики рецентрализации.

Методология и результаты

В исследование включены все республики, официально признанные Российской Федерацией в качестве собственных субъектов Федерации в период с 2000 по 2021 г., а именно Адыгея, Алтай, Башкирия, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Ка-

релия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия и Якутия.

Для анализа выбраны официальные обращения глав республик по случаю поздравления жителей регионов с официальными праздниками – Днем республики и Днем Конституции республики. Елена Цумарова отмечает, что День республики – это «важный элемент ритуализации принадлежности к сообществу», и выделяет основные цели этого праздника: он направлен на объединение всех жителей республики и формирование чувства гордости за республику, а также является частью имиджевой программы, направленной во внешнюю среду (Цумарова, 2014).

Более того, факт регулярности и цикличности обращений позволяет проследить весь процесс трансформации представлений о статусе республики с учетом влияния на них различных внешних факторов в указанный период.

Большая часть речей находится в свободном доступе и опубликована на официальных сайтах республик или глав республик, которые и являются основным источником материала. Отдельные речи найдены в архивах региональных газет или на официальных страницах глав республик в социальных сетях, которые также доступны. По своей структуре обращения схожи между собой и чаще всего имеют следующее содержание: короткое приветствие жителей республики (иногда дублирующееся на национальном языке), поздравление, краткая историческая справка о событиях дня образования республики, перечисление достижений республики за последний(е) год(ы) в экономической, социальной, культурной сферах, упоминание туристической привлекательности региона и его уникальных природных богатств. При этом следует отметить, что обращения, датируемые второй половиной рассматриваемого периода (после 2010 г.), в большинстве своем более краткие, чем обращения начала 2000-х гг., а также часто имеют повторяющиеся отрывки из речей предыдущих лет.

Чтобы выяснить, как главы республик определяют статус своих регионов и в чем, по их мнению, отражаются особенности статуса республики, было проведено кодирование указанных речей. Коды формировались в процессе чтения речей в случае нахождения элемента, который можно рассматривать в качестве подчеркивающего или усиливающего статус республики. В результате было сформировано 11 кодов. Часть из них относится к политико-правовым характеристикам республик и включает в себя определение республик через их (1) государственность, (2) суверенитет, (3) независимость и самодостаточность. Сюда же можно отнести описание республик как элемента (4) функционирующего федерализма, а также (5) выделение *государственной*, а не региональной *«природы» праздника*, что может рассматриваться как указание на статус независимого государства, а не субъекта в составе государства.

Вторая группа кодов связана с вопросами языковой политики. Учитывая, что право республик устанавливать свой государственный язык закреплено в Конституции, главы республик не только указывают на (6) *важность изучения и сохранения национального языка*, но и (7) *используют его* в своих выступлениях или даже (8) произносят *целые речи на национальном языке* республики.

Еще один код предполагает обращение к (9) *самостоятельным международным отношениям / внешней политике республики*. Несмотря на присущую всем субъектам Федерации законодательную возможность развития международных связей, именно республики пользуются этой опцией в наибольшей степени (Stremoukhov, 2022). Первоначальный частичный анализ выступлений выявил систематическое упоминание губернаторами республик своего (10) *«полноправного» статуса* в российской государственной системе. Кроме того, при первичном просмотре выступлений губернаторов было отмечено различие в обращениях губернаторов к жителям республик. Так, одни губернаторы использовали общие обращения: «уважаемые сограждане», «дорогие земляки» и т.д., а другие – (11) *обращения, производные от названия республики*: «дорогие дагестанцы», «дорогие татарстанцы». Использование прямых обращений, образованных от названия республик, играет важную интегрирующую роль и символически усиливает аутентичность и особенность республики, в то время как использование общих и распространенных обращений не имеет такого эффекта. По этой причине использование губернаторами таких специальных обращений было выделено в отдельный кодекс.

Включение такого кода в список является спорным, так как этот код заранее исключает большинство республик, причем не на основании их статуса как республик, а из-за фактической языковой специфики, так как в целом российские республики можно разделить на две группы:

1) те, названия которых происходят от географического топонима (например, Крым – крымчане). В этом случае жители республики могут быть названы общим производным от места их проживания, независимо от их национальности. Это распространенная форма обращения и используется повсеместно;

2) те, названия которых происходят от названия титульной нации республики (например, Калмыкия – калмыки). В данном случае необходимость создания еще одного производного слова от названия республик является логически спорной, при этом лингвистически возможной. Например, нет такого названия, как «калмыкчане», хотя лингвистически оно возможно.

Тем не менее во второй группе республик есть два исключения – республики Татарстан и Якутия. Несмотря на то, что их названия также образованы от названия титульной нации (татары, якуты), у них есть и производные слова, которые служат названиями для всех жителей этих республик независимо от их национальности: татарстанцы и якутяне. Тот факт, что эти две республики имеют специфические термины, которые могут использоваться по отношению ко всем жителям республики, можно считать важным исторически закрепленным показателем аутентичности этих республик. Ввиду этого данный код был выбран для включения.

Всего для эмпирической части работы было собрано 317 выступлений, в том числе 197 – по случаю Дня республики и 120 – по случаю Дня Конституции (подробные данные по каждой республике см. в прил. 1). Только две республики имеют данные за все 23 года рассматриваемого периода – Татарстан и Карелия. Другие республики, которые также имеют более половины данных за этот период: Ингушетия, Чечня, Башкирия, Калмыкия и Коми. Тот факт, что эти семь республик выделяются на фоне остальных, дает право говорить о том, что приоритетом правительств этих республик является защита и продвижение исторической памяти о событиях конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда у республик было гораздо больше прав и полномочий. Наименьший объем данных удалось собрать по республикам Бурятия, Кабардино-Балкария, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия, Удмуртия и Крым (при этом отсутствие данных по Крыму объясняется его недавним включением в состав РФ).

Применение кодов для анализа речи позволяет не только рассчитать статус республик в числовом формате, но и сравнить показатели республик по конкретным кодам. Однако прежде всего следует объяснить, как проводились расчеты.

Для подсчета общего балла республики использовался следующий алгоритм:

1. Если код упоминался в речах, посвященных дням республики и Конституции в данном году, то он отмечался в таблице как 1, если нет – 0.
2. Затем подсчитывалась сумма всех 1 и 0 за каждый год (x).
3. Для получения общего балла цифры за все годы (n) суммировались, а затем делились на количество лет, так что итоговый балл представлял собой среднее значение сумм за все годы:

$$\text{Оценка} = \sum x_n / n.$$

Таким образом, чем выше итоговый балл республики, тем в большей степени главы республик уделяют места в своих речах вопросам статуса соответствующих субъектов Федерации.

Результаты подсчетов можно увидеть в табл. 1 ниже (данные отсортированы по убыванию).

Таблица 1

Индекс статуса российских республик

№ п/п	Республика	Оценка	№ п/п	Республика	Оценка
1	Татарстан	4,00	12	Адыгея	1,13
2	Якутия	3,91	13	Коми	1,08
3	Тыва	2,89	14	Хакасия	1,00
4	Крым	2,67	15	Удмуртия	1,00
5	Башкирия	2,42	16	Алтай	1,00
6	Ингушетия	2,35	17	Мордовия	0,67
7	Чувашия	2,20	18	Северная Осетия	0,60
8	Бурятия	2,20	19	Карелия	0,50
9	Дагестан	2,11	20	Чечня	0,46
10	Калмыкия	1,23	21	Марий Эл	0,17
11	Кабардино-Балкария	1,20	22	Карачаево-Черкесия	0,10

Как видно из таблицы, Татарстан, Якутия, Тыва и Крым имеют самые высокие суммарные баллы, а республики Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Чечня и Карелия занимают последние позиции в рейтинге. Однако это итоговые показатели за все годы, которые четко определяют статус республики в целом, но не показывают его динамику за 22 года.

Динамика изменений в республиках приведена в прил. 2. Согласно данным таблицы, до 2010 г. лидером среди республик был Татарстан. С 2011 по 2015 г. лидерство в статусном рейтинге перемещалось между различными регионами (Башкирия, Ингушетия, Якутия, Дагестан, Тыва, Татарстан). С 2015 г. лидерство перешло к Якутии.

Конечно, отсутствие данных по многим республикам за 2000-е гг. ставит под сомнение полученные результаты. Однако, как уже отмечалось, сам факт отсутствия данных за предыдущие годы на официальных порталах некоторых республик свидетельствует об определенном безразличии властей республик к памяти о годах, когда республики обладали большей степенью независимости. Кроме того, это можно объяснить сменой региональных лидеров, которые также меняли риторику в отношении позиции региона в прошлом. Ввиду этого Татарстан (наряду с Карелией и Ингушетией) в данном случае можно по праву считать лидером в статусном рейтинге до 2010 г.

На рис. 1 представлена динамика по десяти республикам. В связи с тем, что по некоторым республикам нет данных за более ранние годы, а динамика за несколько последних лет не может считаться полной, было отобрано десять республик с данными за десять и более лет. Это республики Татарстан, Карелия, Ингушетия, Башкирия, Калмыкия, Коми, Чечня, Карачаево-Черкесия, Чувашия и Якутия.

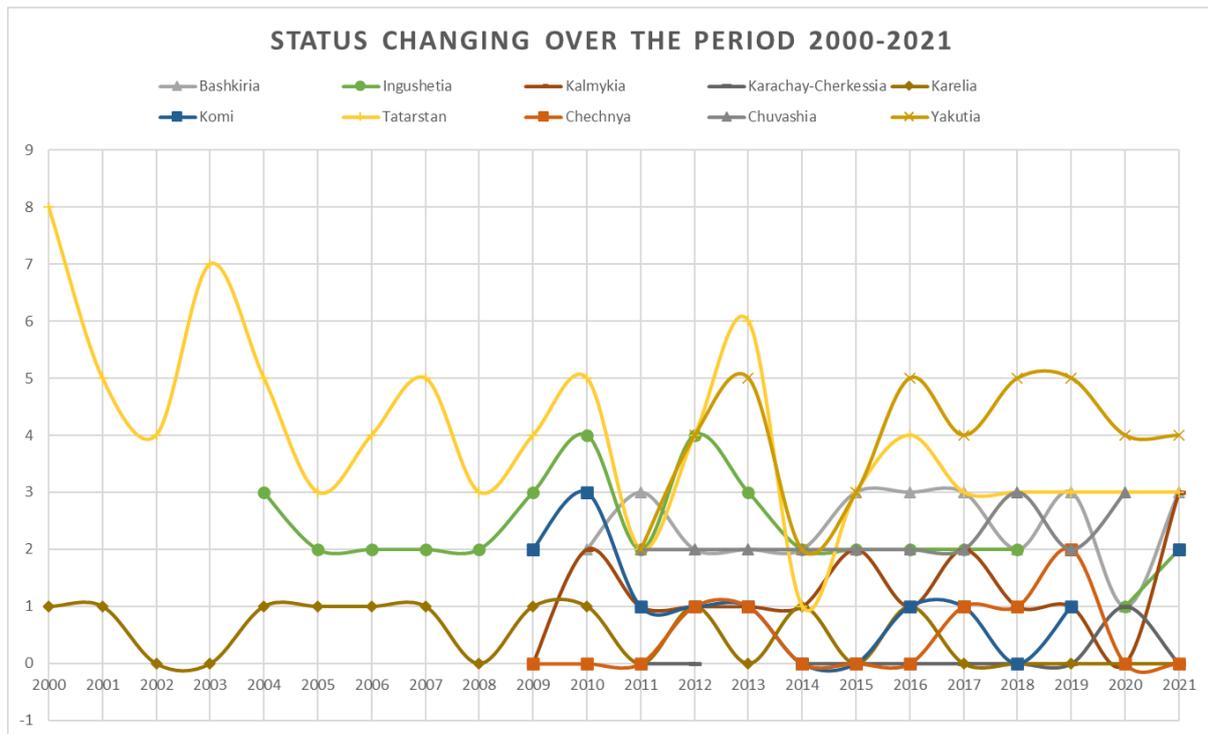

Рис. 1. Динамика статуса республик (с 2000 по 2021 г.)

Как видно из рисунка, в республиках Карелия, Коми и Татарстан наблюдается тенденция к снижению статусных показателей. Республики Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Чувашия демонстрируют примерно одинаковый уровень статуса в рассматриваемые годы, в то время как Калмыкия, Чечня и Якутия демонстрируют тенденцию к росту.

Поскольку отправная точка для анализа отличается от одной республики к другой, наблюдаемые тенденции нельзя сравнивать друг с другом. Однако если рассматривать данные начиная с одной даты – 2011 г., то результаты сравнения будут практически одинаковыми. Единственное отличие можно заметить в случае с Татарстаном. Если рассматривать данные по Татарстану с 2011 г., то можно отметить относительно стабильную тенденцию с низкими показателями статуса.

Далее предлагаем перейти к анализу риторики губернаторов, а именно к их апелляции к тем или иным показателям статуса.

Упоминания о государственности и суверенитете региона можно назвать наиболее показательными с точки зрения фактического статуса республики. Для его измерения по каждому году подсчитывалась сумма кодов, а затем делилась на количество республик, по которым имеются данные за этот год. Таким образом, было вычислено среднее значение для каждого года. Полученные цифры по данному коду можно увидеть на рис. 2.

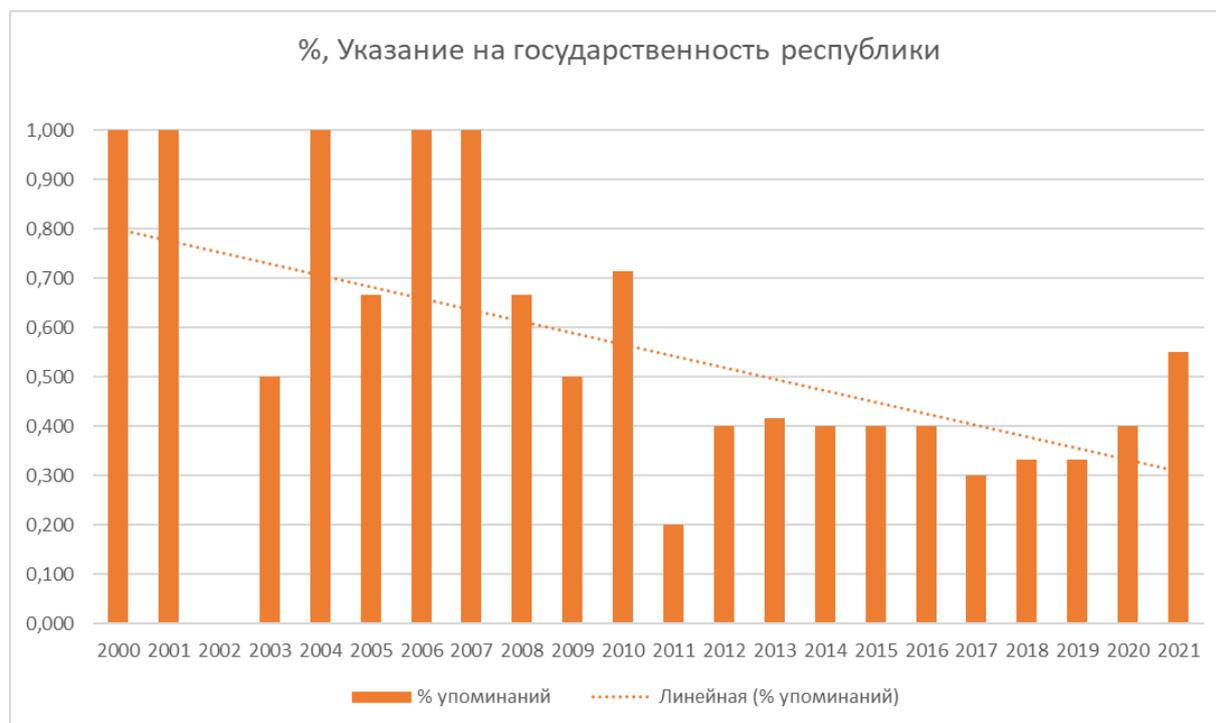

Рис. 2. Процент упоминаний губернаторами государственности республик

Как видно, частота упоминаний государственности постепенно снижалась на протяжении всего рассматриваемого периода. Самые высокие средние баллы были получены в начале 2000-х гг., когда идея «государственности» республик была действительно широко популяризирована. Однако с 2008 г. наблюдается заметный спад упоминаний государственности республик, а самый низкий средний балл был зафиксирован в 2011 г. Интересен и тот факт, что в 2002 г. не было ни одного упоминания государственности республик. Хотя это можно объяснить отсутствием данных по многим республикам в этом году, сам факт того, что главы Татарстана и Карелии не упомянули об этом, заслуживает внимания.

В то же время можно отметить, что те главы республик, которые продолжали регулярно указывать на наличие государственности своих республик в течение всего рассматриваемого периода, все-таки меняли свою риторику. Так, например, Шолбан Кара-оол, глава Республики Тыва, в 2013 г. обратился к жителям республики со следующим поздравлением:

«Сегодня исполняется 92 года с того судьбоносного для нашего народа события, когда представители кожуунов Урянхайского края, собравшись в местечке Суг-Бажы на Всетувинский учредительный Хурал, провозгласили образование Тувинской Народной Республики. Создание при активной помощи и поддержке братской России суверенного государства в центре Азии открыло новую страницу в многовековой истории тувинского народа, заложило основы его государственности. Непреходящее историческое значение этого факта заключается в том, что оно продемонстрировало миру один из немногих примеров решения сложнейшего вопроса самоопределения наций на принципах взаимопонимания и уважения интересов различных народов, стало основой межнационального согласия разноязычного населения молодой республики, дружбы и сотрудничества между ТНР и Россией» (Поздравление главы Республики Тыва Ш. Кара-оола с Днем республики, 14.08.2013)

В 2021 г. уже Владислав Ховалыг – на тот момент врио главы республики, впоследствии вступивший в должность, – также вспоминает события дня образования региона и указывает на государственность республики, но «опускает» все исторические детали и приводит только краткое изложение событий, несмотря на то, что речь 2021 г. посвящена 100-летию юбилею образования республики:

«В эти дни мы также празднуем наш главный государственный праздник – День республики, день провозглашения тувинской государственности в августе 1921 года. Тува прошла большой исторический путь и сегодня в составе великой России продолжает динамично развиваться» (Поздравление врио главы Республики Тыва В. Ховалыга с Днем республики, 15.08.2021)

Стоит отметить, что главы 20 республик из 22 хотя бы раз за рассматриваемый период указывали на наличие у республик государственности. Главы Ингушетии и Якутии стабильно указывают на это каждый год и имеют абсолютные показатели по данному коду (рис. 3). При этом главы Башкирии и Крыма ни разу не упоминали данную характеристику, что особенно неожиданно в случае Башкирии, так как данная республика демонстрирует высокие показатели статуса на протяжении всего рассматриваемого периода.

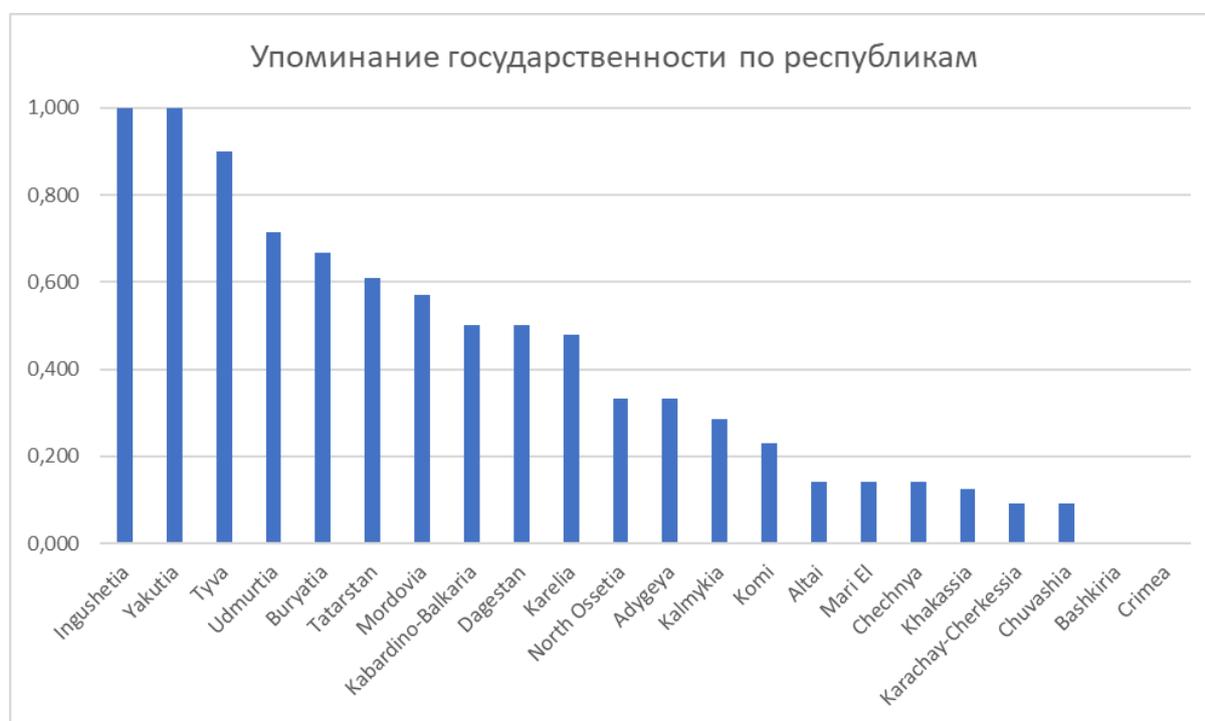

Рис. 3. Упоминание губернаторами государственности по республикам

Аналогичная ситуация наблюдается и с кодом «суверенитет». Рис. 4 показывает, что самые высокие средние оценки были получены также в начале 2000-х гг., в то время как в последние три года оценки были самыми низкими. Следует особо отметить, что в 2011 и 2012 гг. суверенитет республик вообще не упоминался, как и в последние два года рассматриваемого периода (2020–2021).

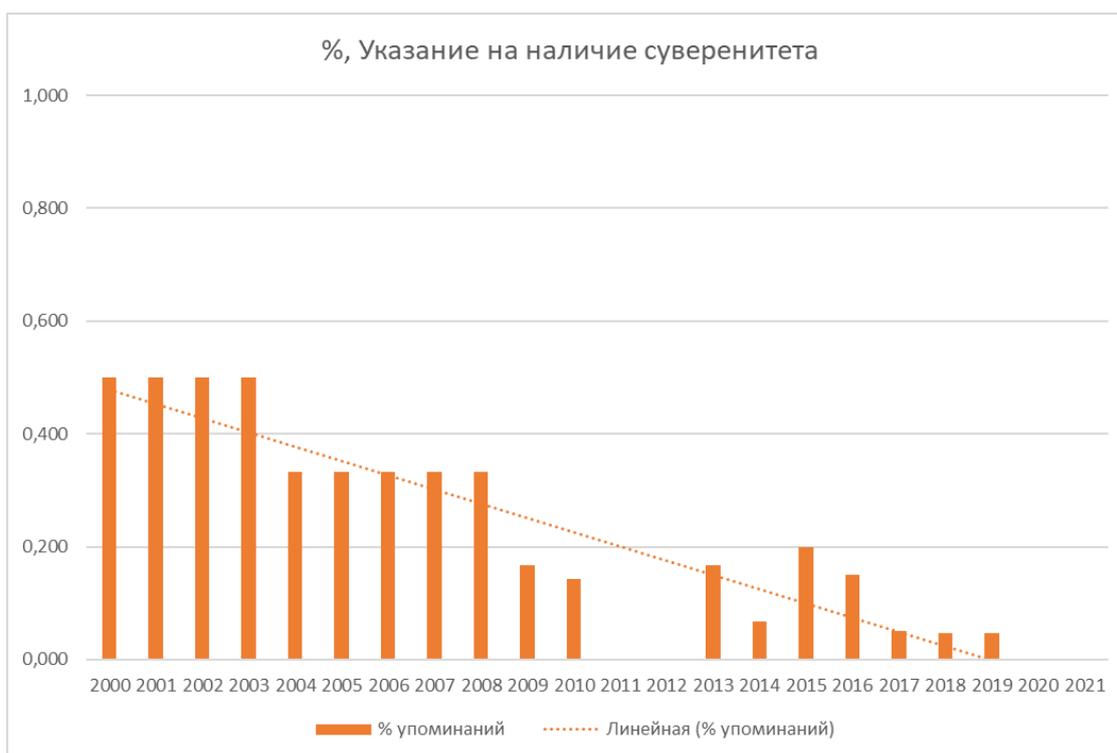

Рис. 4. Процент упоминаний губернаторами суверенитета республик

Если же посмотреть на упоминание суверенитета главами отдельных республик, то можно заметить, что главы всего шести республик хотя бы раз указывали на наличие у своих регионов суверенитета – это республики Татарстан, Якутия, Тыва, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Башкирия. Причем главы первых трех республик упоминали об этом примерно в половине речей за рассматриваемый период (рис. 5). Примечательно, в общем «индексе» статусов Татарстан, Якутия и Тыва также занимают первые три позиции.

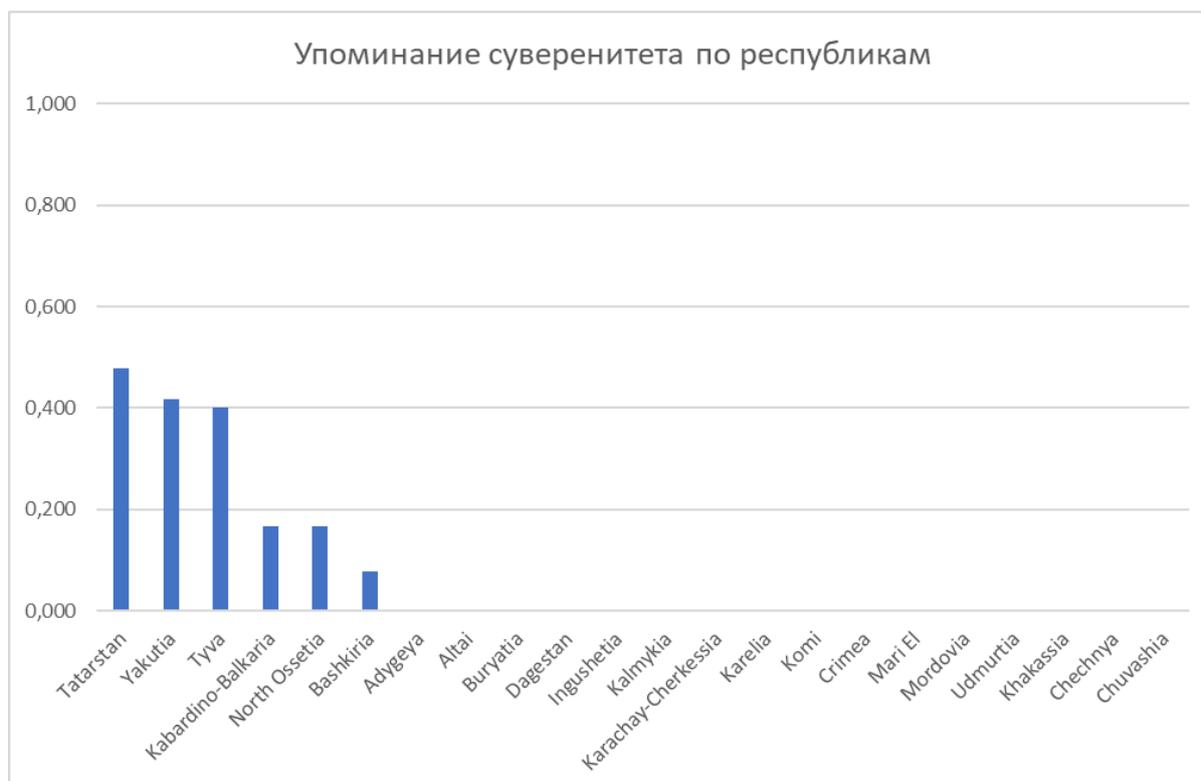

Рис. 5. Упоминание губернаторами суверенитета по республикам

Случай Татарстана заслуживает отдельного рассмотрения в этом контексте. Являясь наиболее показательным примером позиционирования себя как республики с особым высоким статусом, Татарстан в лице тогдашнего президента республики Минтимера Шаймиева ежегодно с 2000 по 2010 г. указывал на наличие собственного суверенитета (который был закреплен Декларацией о суверенитете в 1990 г.). При этом если до 2010 г. глава республики четко ссылаясь на главный документ, с которого началось празднование Дня республики:

«30 августа 1990 года – день принятия Декларации о государственном суверенитете Татарстана – это исторический рубеж, который обозначил новую страницу в развитии нашей государственности» (Приветствие президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева с Днем республики, 29.08.2008),

то после 2010 г. глава Татарстана Рустам Минниханов стал заменять название документа, в котором содержался термин «суверенитет», расплывчатыми формулировками:

«Все больше времени отделяет нас от событий лета 1990 года, которые предопределили современное развитие нашей республики» (Обращение президента Республики Татарстан Р. Н. Минниханова по случаю Дня республики, 30.08.2011)

На рис. 6 видно, что динамика обращения к федерализму также имеет отрицательную тенденцию. Кроме того, руководители только пяти республик из 22, в частности Татарстана, Якутии, Башкирии, Бурятии и Ингушетии, хотя бы раз отметили роль республики в укреплении российского федерализма, в то время как губернаторы остальных 17 республик не упомянули об этом ни разу. И так же, как и в случае с «суверенитетом», в последние два года с 2020 по 2021 г. апелляции к федерализму в речах губернаторов не было.

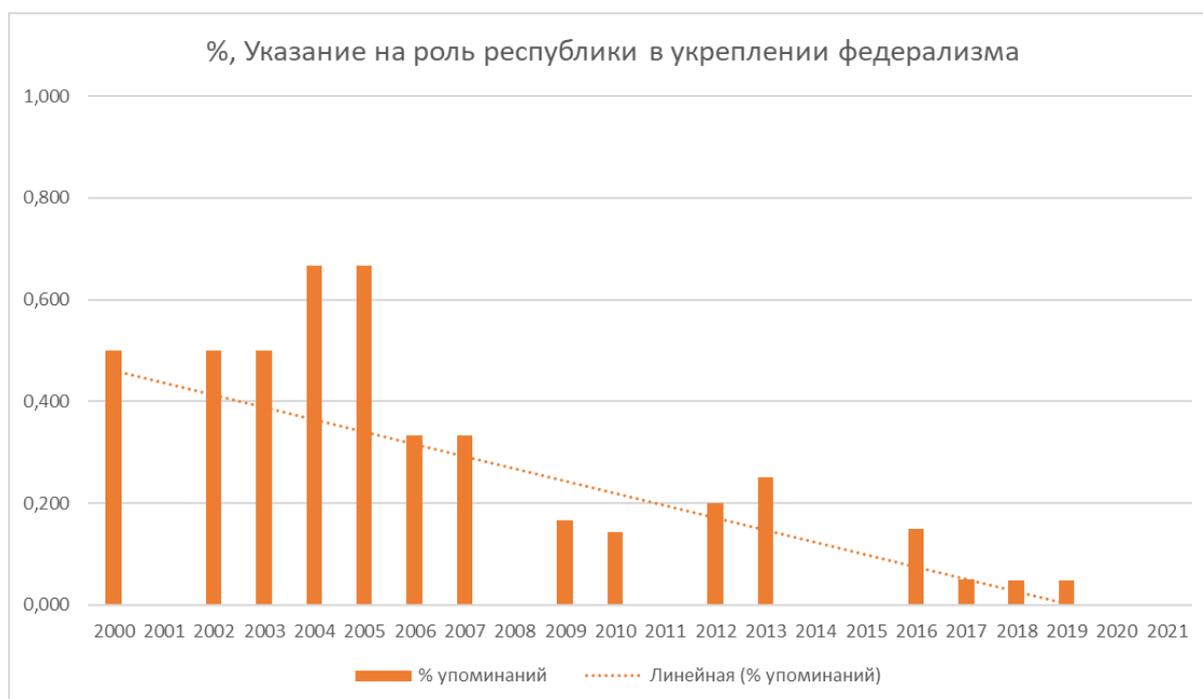

Рис. 6. Процент упоминаний губернаторами федерализма

В то же время по кодам «самодостаточность» и «полноправность» наблюдается иная динамика. Согласно рис. 7, до 2010 г. губернаторы практически не указывали на независимость или самодостаточность республик, но после 2010 г. наблюдается противоположная ситуация.

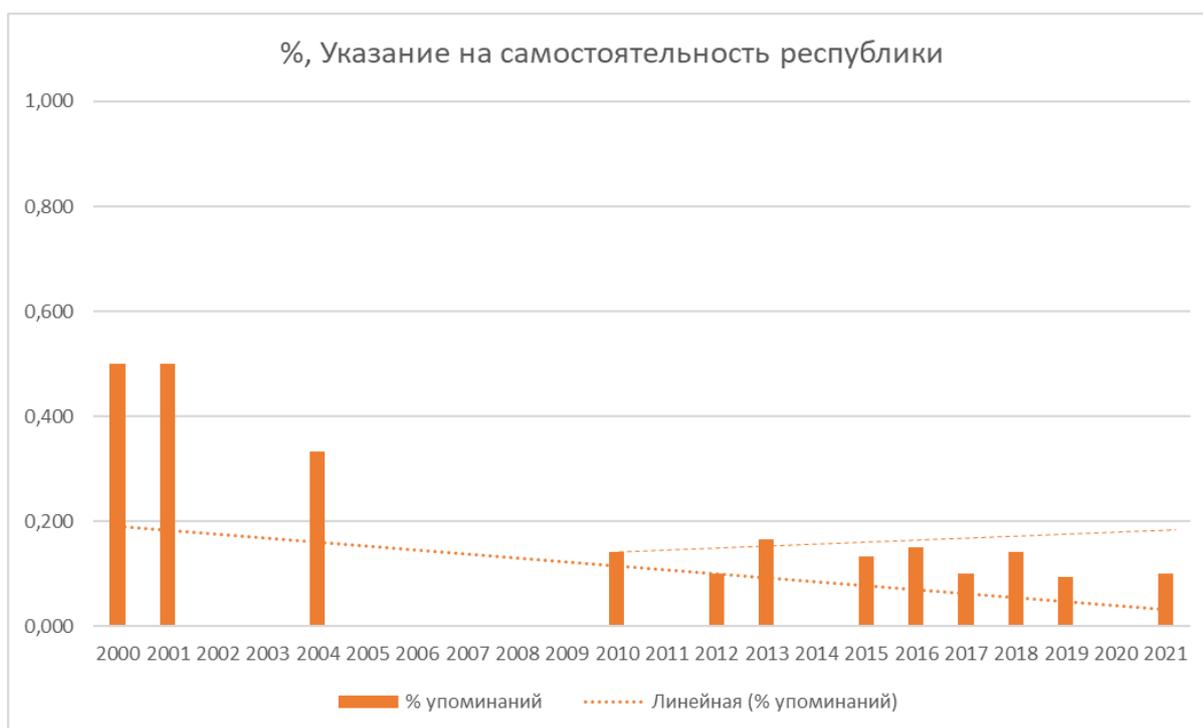

Рис. 7. Процент упоминаний губернаторами самостоятельности / независимости республик

Отдельного внимания заслуживает анализ упоминаний губернаторами полноправного статуса республик. Согласно рис. 8, губернаторы стали указывать на их полноправный статус только с 2009 г.

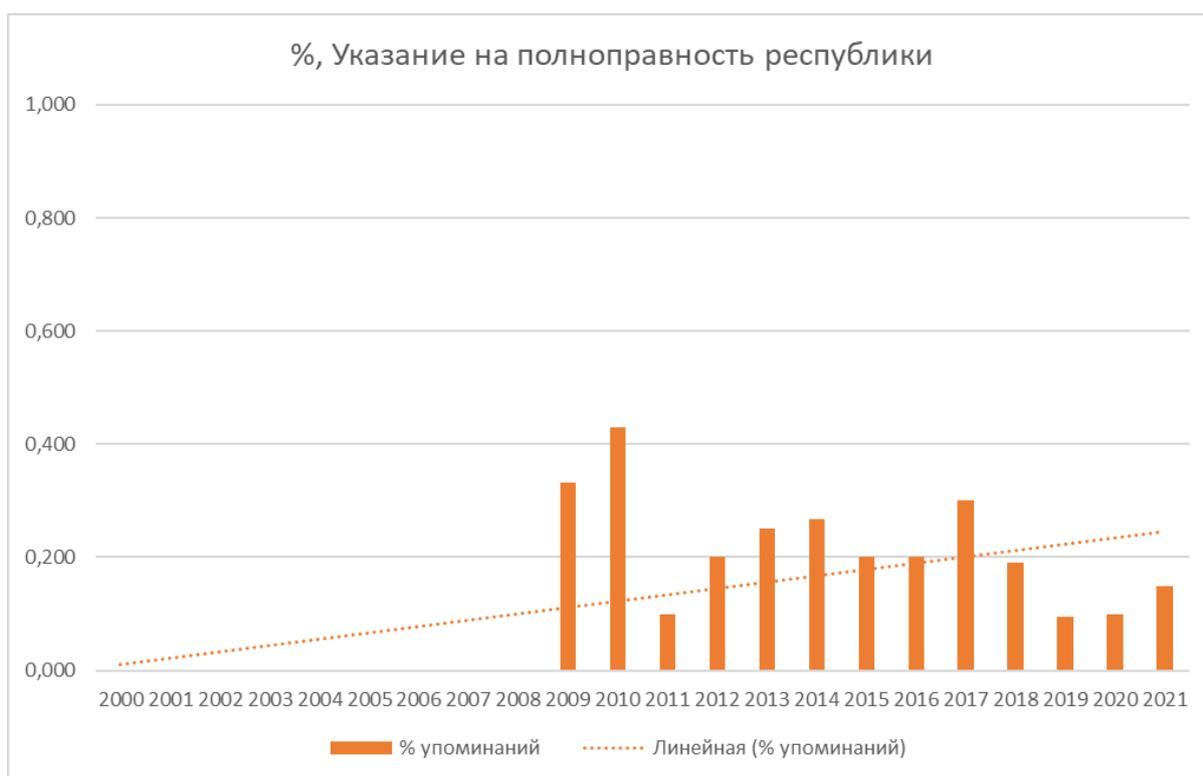

Рис. 8. Процент упоминаний губернаторами полноправного статуса республик

Первыми на свой полноправный статус в 2009 г. указали глава Республики Коми Владимир Торлопов в речи, посвященной Дню Конституции республики (17 февраля), и президент Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров в поздравлении в честь Дня республики (4 июня). При этом главы 13 республик из 22 хотя бы раз за рассматриваемый период упоминали свой полноправный статус.

Стоит отметить, что наиболее часто данное определение статуса проявляется в речах глав республик Адыгея и Калмыкия, но при этом ни разу не употребляется главами Татарстана, Башкирии, Дагестана, Удмуртии, Чувашии, Северной Осетии, Карелии, Марий Эл и Мордовии.

Рис. 9. Упоминание губернаторами полноправного статуса по республикам

Что касается языковой составляющей статуса, то за весь рассматриваемый период только главы 11 республик указали на важность сохранения и укрепления родного языка, но опять же, согласно рис. 10, в некоторые годы важность языка вообще не упоминалась.

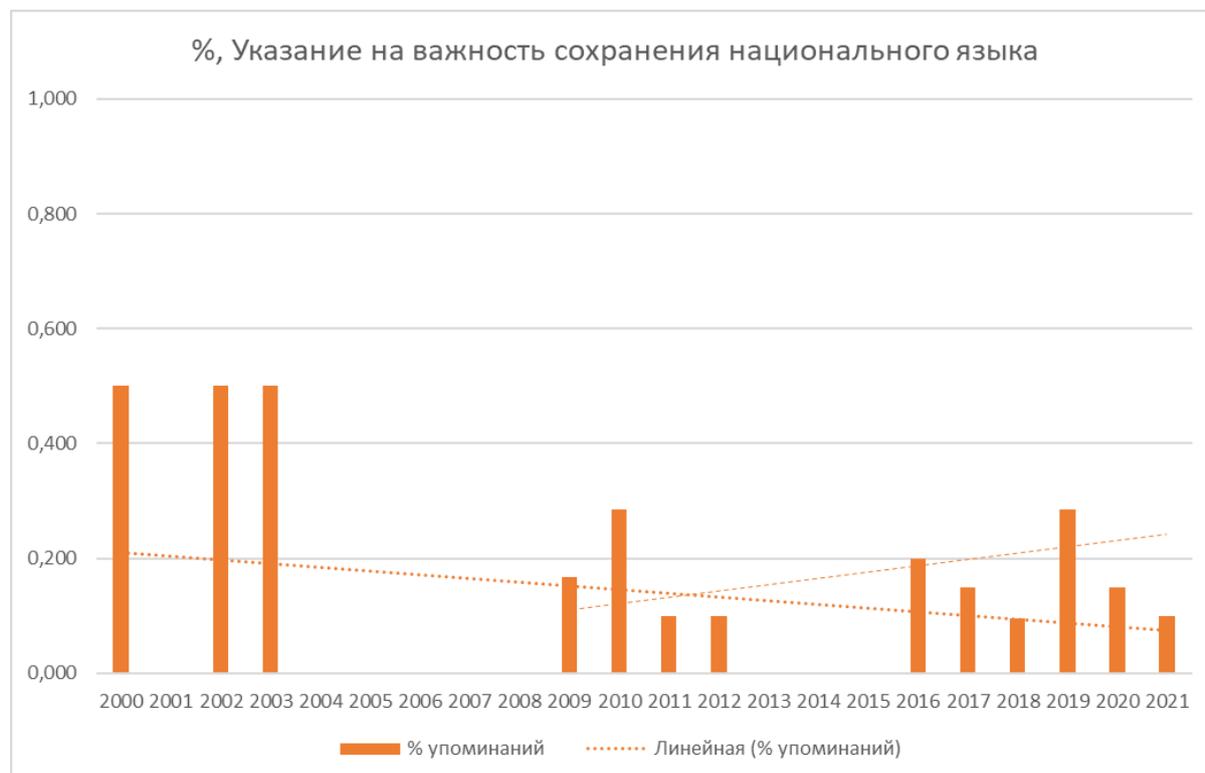

Рис. 10. Процент упоминаний губернаторами важности национальных языков республик

Что касается использования самого национального языка, то только главы десяти республик – Башкирии, Бурятии, Ингушетии, Калмыкии, Коми, Татарстана, Тывы, Удмуртии, Чувашии и Якутии – использовали его в своих выступлениях. Обычно национальный язык использовался для приветствия жителей республики в начале выступления или в заключении. Только главы Чувашии (за весь период с 2011 по 2021 г.), Якутии (за период с 2019 по 2021 г.) и Тывы (один раз в 2020 г.) дублировали свои речи на национальном языке.

Как указывалось выше, главы лишь нескольких республик обращались к своим жителям, используя производные от названия республики. Это Татарстан, Якутия, Крым и Дагестан. Если в случае с Крымом и Дагестаном это объясняется тем, что названия республик происходят от географического названия, а не от национальности, то в случае с Татарстаном и Якутией это имеет особый смысл. Их главы используют обращения, которые адресованы всем жителям республики независимо от их национальности, но эти обращения происходят от названия титульной нации, что, безусловно, можно назвать важным фактором укрепления особого статуса этих республик.

Переходя к анализу упоминаний об автономной внешней политике республики, можно выделить только Татарстан, Башкирию и Ингушетию, главы которых периодически обращали внимание на самостоятельную международную деятельность республики и заинтересованность других государств в выстраивании прямых отношений с республиками. И только главы шести республик – Башкирии, Бурятии, Дагестана, Татарстана, Тывы и Чувашии – указывают на государственный статус республиканских праздников.

Обсуждение результатов

Формулируя лаконичный ответ на вопрос о том, как главы республик характеризуют статус возглавляемых ими субъектов Федерации в условиях усиливающейся централизации в России, можно было бы ограничиться констатацией радикального снижения использования в речах региональных лидеров маркеров особого статуса республик. Однако проведенный анализ позволяет нам увидеть эту картину более сложной.

Во-первых, при снижении упоминаемости практически всех выделенных характеристик одна новая возникает в 2009 г. и пользуется устойчивой популярностью среди республиканских лидеров: речь идет о «полноправности», которая, по сути, компенсирует спад в упоминаемости «государственности», «самодостаточности» и «федерализма».

С теоретической точки зрения такой результат свидетельствует о том, что даже в условиях централизации государственно-территориальной системы и сокращения возможностей для самостоятельной политической деятельности глав регионов на риторическом уровне они находят возможности для указания особенного статуса республик, отличного от других регионов. Примечательно, что использование такой характеристики началось вскоре после отмены выборов губернаторов.

Во-вторых, при довольно низком интересе к проблемам национальных языков в целом мы наблюдаем всплески упоминания языков в речах в периоды обсуждения и принятия законов об их изучении. Таким образом, по крайней мере некоторые главы республик используют обращения к согражданам для того, чтобы артикулировать темы, важные для оценки республиканского статуса.

В-третьих, несмотря на общую негативную тенденцию в апелляциях к государственности, в некоторых республиках наблюдалась положительная тенденция. Теоретически такие ситуации могли бы объясняться наличием в некоторых регионах более благоприятных условий, способствующих поддержанию подобной риторики. Такими условиями являются экономическое положение региона, национальный состав населения, географическая удаленность от центра, а также прочность региональной вертикали власти, то есть региональный моноцентризм. На практике это предположение подтверждается лишь частично. В качестве иллюстрации можно рассмотреть, например, Республику Якутия. Обладая практически всеми перечисленными факторами (высокий уровень ВРП на душу населения, распространенность титульной нации, удаленность от центра), Якутия демонстрирует положительную динамику в статусном рейтинге, являясь одной из лидирующих республик по суммарному баллу. Однако большинство республик не подтверждают эту гипотезу. Целая группа республик Северного Кавказа, будучи удаленными от центра, имея преобладающую долю титульной нации и сильную вертикаль власти, все же занимают низкие позиции в статусном рейтинге. Исключением можно назвать Республику Крым. Занимая четвертое место в статусном рейтинге, Крым не имеет ни большой доли титульного населения, ни экономического процветания, ни сильной вертикали власти. Кроме того, факт недавнего вхождения республики в состав России и усиление риторики о ее истори-

ческой принадлежности к Российской Федерации делает этот результат еще более неожиданным. Получение такого результата также является одним из важнейших наблюдений данного исследования.

Финансовая поддержка

Авторы благодарят за помощь в подготовке статьи и неизменную поддержку сотрудников Центра сравнительных исследований власти и управления НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

Список литературы / References

- Гаврилова, М. В. (2004) *Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина)*. Филологический факультет СПбГУ, сс. 295–295. [Gavrilova, M. V. (2004) *Cognitive and rhetorical foundations of presidential speech (based on the speeches of V. V. Putin and B. N. Yeltsin)* [Kognitivnyye i ritoricheskiye osnovy prezidentskoy rechi (na materiale vystupleniy VV Putina i BN Yel'tsina)]. Philological Faculty of St. Petersburg State University, pp. 295–295. (In Russ.)].
- Панов, П. В. (2019) ‘Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации’, *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 2, сс. 53–62. [Panov, P. V. (2019) ‘Spatial localization of ethnic groups as a factor of voting in elections in the national republics of the Russian Federation’ [Prostranstvennaya lokalizatsiya etnicheskikh grupp kak faktor golosovaniya na vyborah v natsional'nykh respublikakh Rossiiskoi Federatsii], *Bulletin of the Perm Federal Research Center*, 2, pp. 53–62. (In Russ.)].
- Рабко, Т. А. (2001) *Договоры между Российской Федерацией и ее субъектами: проблемы и перспективы*. [Rabko, T. A. (2001) *Treaties between the Russian Federation and its constituent entities: problems and prospects* [Dogovory mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i yeye sub'yektami: problemy i perspektivy] (In Russ.)].
- Стародубцев, А. (2017) ‘Пересмотр федерального контракта в России: случай Чеченской Республики’, *Неприкосновенный запас*, 1(111), сс. 59–67. [Starodubtsev, A. (2017) ‘Renegotiation of the federal contract in Russia: the case of the Chechen Republic’ [Peresmotr federalivnogo kontrakta v Rossii: sluchay Chechenskoy Respubliki], *Emergency Reserve*, 1(111), pp. 59–67. (In Russ.)].
- Цумарова, Е. Ю. (2014) *Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты (на примере Республики Карелия)*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. [Tsumarova, E. Yu. (2014) *Identity politics in the regions of Russia: theoretical and practical aspects (on the example of the Republic of Karelia)* [Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskiy i prakticheskiy aspekty (na primere Respubliki Kareliya)]. SPb.: St. Petersburg State University Publishing House (In Russ.)].
- Шкель, С., Щербак, А., Ткачева, Т. (2022) ‘Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России’, *Социологическое обозрение*, 21(1), сс. 38–70. [Shkel, S., Shcherbak, A., Tkacheva, T. (2022) ‘Anatomy of loyalty: mechanisms for the formation of electoral super-majorities in the ethnic republics of modern Russia’ [Anatomiya loyal'nosti: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoy Rossii], *Sociological Review*, 21(1), pp. 38–70. (In Russ.)].
- Avedissian, K. (2016) ‘Clerics, weightlifters, and politicians: Ramzan Kadyrov’s Instagram as an official project of Chechen memory and identity production’, *Caucasus Survey*, 4(1), pp. 20–43.
- Bahry, D. (2005) ‘The New Federalism and the Paradoxes of Regional Sovereignty in Russia’, *Comparative Politics*, 37(2), pp. 127–146.
- MacDonald, P. K., & Parent, J. M. (2021) ‘The status of status in world politics’, *World Politics*, 73(2), pp. 358–391.
- Oracheva, O., & Osipov, A. (2010) ‘Territories of ‘special status’ in Russia: The ethnic dimension’, *Journal of communist studies and transition politics*, 26(2), pp. 212–232.
- Rodina, E., & Dligach, D. (2019) ‘Dictator’s Instagram: personal and political narratives

in a Chechen leader's social network', *Caucasus Survey*, 7(2), pp. 95–109.

Sharafutdinova, G. (2013) 'Gestalt switch in Russian federalism: The decline in regional power under Putin', *Comparative politics*, 45(3), pp. 357–376.

Slezkine, Y. (1994) 'USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Pro-

moted Ethnic Particularism', *Slavic Review*, 53(2), pp. 414–452.

Stremoukhov, D. (2022) 'When governors go abroad: Incentives for paradiplomacy in recentralised Russia', *Regional & Federal Studies*, 32(5), pp. 663–687.

Статья поступила в редакцию: 18.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 19.10.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

THE RHETORIC OF MAINTAINING THE SPECIAL STATUS OF THE REPUBLICS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF CENTRALISATION

K. Sh. Yuzbekova, A. V. Starodubtsev

K. Sh. Yuzbekova, Postgraduate Student, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg.
E-mail: kyuzbekova@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2646-0801. ResearcherID: GZG-2992-2022).

A. V. Starodubtsev, candidate of political science, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics – St. Petersburg.
E-mail: astarodubtsev@hse.ru (ORCID: 0000-0001-7648-8979. ResearcherID: L-7015-2015)

Abstract

The article answers the question of how the heads of republics characterise the status of the subjects of the federation they lead in the conditions of centralisation. Based on the idea of the importance of rhetorical representation of the status of a subject of the federation and using quantitative content analysis of the speeches of the heads of the republics dedicated to the days of the constitution and the days of the republic in the period from 2000 to 2021, the authors show that 1) even during the centralisation of the political system in Russia, republican leaders find suitable rhetorical tools that allow them to emphasise the special status of their regions; 2) they utilise communication opportunities with the local community to articulate their stance on issues important for evaluating the status of the republics.

Keywords: status; republics of the Russian Federation; federalism; Russian.

Приложения

Приложение 1

Количество речей для анализа (в период 2000–2021 гг.)

Республика	Количество речей в честь Дня республики	Количество речей в честь Дня Конституции республики
Адыгея	8	5
Алтай	7	1
Башкирия	12	0 ¹
Бурятия	5	3
Дагестан	6	9
Ингушетия	16	10
Кабардино-Балкария	5	0 ²
Калмыкия	2 ³	13
Карачаево-Черкесия	7	8
Карелия	22	0 ¹
Коми	10	10
Крым	6	6
Марий Эл	6	0 ¹
Мордовия	5	6
Северная Осетия – Алания	3	4
Татарстан	22	20
Тыва	8	9
Удмуртия	6	0 ¹
Хакасия	7	1
Чечня	13	12
Чувашия	10	0 ¹
Якутия	11	3
Всего	197	120

Примечания:

¹ Информация о праздновании Дня Конституции республики не найдена. Возможно, данный праздник в республике не отмечается.

² День республики и День Конституции республики отмечаются в один и тот же день, так что на два празднования приходится одна речь.

³ Согласно указу главы республики, празднование Дня республики введено только в 2019 г.

Динамика показателей статуса республик в речах губернаторов в период 2000–2021 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Адыгея														0	1		2	1	0	1	2	2
Алтай															0	3			2	1	0	0
Башкирия											2	3	2	2	2	3	3	3	2	3	1	3
Бурятия																		2	2	3	3	1
Дагестан														2	3	2	3	2	1	2	1	3
Ингушетия					3	2	2	2	2	3	4	2	4	3	2	2	2	2	2		1	2
Кабардино-Балкария															2	0	3			1		0
Калмыкия										0	2	1	1	1	1	2	1	2	1	1	0	3
Карачаево-Черкессия												0	0		0	0	0	0	0	0	1	0
Карелия	1	1	0	0	1	1	1	1	0	1	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0
Коми										2	3	1	1	1	0	0	1	1	0	1		2
Крым																	3	4	3	3	2	1
Марий Эл																	0	0	1	0	0	0
Мордовия																	0	1	1	1	0	1
Северная Осетия																	1	0	0	2	0	
Татарстан	8	5	4	7	5	3	4	5	3	4	5	2	4	6	1	3	4	3	3	3	3	3
Тыва														4	3	5	3	2	2	1	4	2
Удмуртия																	1	1	0	1	2	1
Хакасия																0	2	2	1	0	1	1
Чечня									0	0	0	1	1	0	0	0	0	1	1	2	0	0
Чувашия											2	2	2	2	2	2	2	2	3	2	3	
Якутия												2	4	5	2	3	5	4	5	5	4	4

Примечание: показатели статуса республик в речах губернаторов рассчитываются как сумма всех 1 и 0 (кодов) за каждый год. Таким образом, максимальным показателем может быть 11 баллов (по количеству кодов), минимальным – 0 баллов. Красным цветом выделены максимальные показатели за каждый год. В представленной таблице максимальным показателем является 8 баллов – у Республики Татарстан в 2000 г. Пустые клетки обозначают отсутствие эмпирического материала (речей) по республике в конкретные годы.

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-68-80

ОСОБЕННОСТИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ ВОДНОГО ВОПРОСА В ЭФИОПИИ В РАМКАХ КРИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ

Д. А. Отинов

Отинов Дмитрий Александрович, аспирант, Департамент зарубежного регионоведения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Email: dmitry.otw@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5673-0032. Researcher ID: AAD-3509-2021).

Аннотация

Посвящена исследованию проблемы водной безопасности в Эфиопии, сопряженной с реализацией проекта плотины «Возрождение». В условиях придания плотине экзистенциального значения для эфиопской нации интерес представляет выявление механизмов конструирования угроз водной безопасности, а также возможных структурных предпосылок для перехода от конфронтационной к компромиссной политике. С этой целью проводится анализ дискурса Эфиопии по отношению к GERD для выявления возможных признаков секьюритизации и / или десекуритизации водного вопроса. При этом сравнивается объяснительная сила различных подходов в рамках теории секьюритизации применительно к данному кейсу. Главным результатом стало объяснение феномена секьюритизации водных ресурсов в Эфиопии как устоявшейся политической технологии управления внутренними процессами, в отличие от традиционного подхода как интересубъективной политики решительных действий.

Ключевые слова: Эфиопия; плотина «Возрождение»; водная безопасность; национальная безопасность; секьюритизация; дискурсивный анализ.

Введение

Водные ресурсы трансграничной реки Нил являются предметом ожесточенных споров уже достаточно долгое время. Ключевым фактором, осложняющим отношения между странами региона бассейна Нила, стали их гидротехнические проекты, изменяющие уровень стока реки и таким образом способные вызвать острый дефицит пресной воды в нижнем течении. Особенно актуальным вопросом в настоящее время является сооружение Эфиопией плотины «Возрождение» (Grand Ethiopian Renaissance Dam, GERD) на Голубом Ниле – притоке Нила, который вносит в его нижнее течение самую значительную долю всей его воды. Реализация данного проекта происходит без предварительного согласования со странами ниже по течению – Суданом и Египтом. Не удивительно, что данный проект вызвал с их стороны серьезные опасения и возражения в связи с возможным сокращением стока реки Нил. На протяжении более чем десяти лет вопрос строительства GERD является главным вызовом стабильности региона Северо-Восточной Африки.

Эфиопия является страной, самой обеспеченной водой из трех упомянутых стран суббассейна Голубого Нила и Главного Нила – 85 % объема всех вод Нила вносится притоками, берущими свое начало на территории страны. При этом она использует для своих нужд только 1 % этой воды¹. В условиях стремительного роста населения Эфиопия вынуждена решать вопрос увеличившейся потребности в воде. Выпадение осадков носит переменчивый характер, и в стране перемежаются засухи и наводнения. Только 57 % населения имеют доступ к безопасной питьевой воде, сохраняются проблемы с санитарией и гигиеной². Также специалистами по орошению отмечается, что возделываемые земли перенаселены и уже истощили свой потенциал, поэтому необходимо осваивать плодородные

© Отинов Д. А., 2023

¹ Kebede, T. Baseline Survey of Irrigation and Rainfed Agriculture in Blue Nile Basin. FAO-Nile Project Entebbe, Uganda. URL: <https://publications.iwmi.org/pdf/H044066.pdf>.

² Water. Ethiopia. U.S. Agency for International Development. URL: <https://2017-2020.usaid.gov/ethiopia/water-and-sanitation> (accessed: 08 May 2023). Данный ресурс признан Минюстом РФ экстремистским.

земли размером 2,5 млн га на западе страны (в бассейне рек Голубой Нил и Собат), а для этого необходимы крупные источники воды (Tafesse, 2001: 3).

В настоящее время Эфиопия стремится стать крупным экспортером электроэнергии, а также увеличить производство продуктов питания. Такие проблемы, как рост населения, засухи, дефицит продовольствия, требуют срочного решения, поэтому необходимо увеличение орошаемых площадей и производства электроэнергии. Вопрос развития в стране стоит очень остро, и некоторые исследователи связывают его с вопросом выживания Эфиопии как государства (Qansuh, 2015).

GERD является национальным проектом развития, призванным не только обеспечить экономический рост и предотвратить надвигающийся кризис, но и укрепить единство нации. Как полагает президент Эфиопии Сахле-Ворк Зевде. GERD является символом единства страны, а также «нашим оружием в преодолении бедности и нашей надеждой на будущее развитие»¹. Риторически водные вопросы в заявлениях политиков сопровождаются тезисами о «войне с бедностью» (Verhoeven, 2021), создавая тем самым дискурс угроз.

Тем не менее эфиопский проект может стать окном возможностей для регионального сотрудничества. Плотина должна стать крупнейшей в Африке, и ГЭС будет вырабатывать достаточное количество электроэнергии, чтобы не только покрыть внутренние потребности Эфиопии, но и обеспечить экспорт в соседние страны. Как полагает Д. Уиттингтон и другие исследователи, климат стран верховья (в частности, Эфиопии) более способствует созданию крупных водохранилищ, поскольку минимизируются потери от испарения (Whittington et al., 2005: 246). Таким образом, при условии согласования работ гидротехнических сооружений во всех странах GERD может принести ощутимые взаимные выгоды за счет более эффективного управления водными ресурсами. Недавние исследования научной группы профессора Оксфордского университета К. Уилера показали, что даже в случае многолетней засухи, при условии координации египетских и эфиопских плотин, негативные последствия для всех стран будут минимальны (Wheeler et al., 2020).

Однако клубок противоречий между Египтом и Эфиопией кажется неразрешимым. За этот период менялись обстоятельства строительства плотины, политическая ситуация в странах, их подходы к урегулированию. Проводилось множество раундов переговоров, заключались промежуточные договоренности, декларации о намерениях, но главного результата – взаимовыгодного соглашения о водах Нила – так и не было достигнуто.

Таким образом, технический вопрос согласования интересов и обеспечения взаимной выгоды всех сторон в ходе реализации проекта GERD приобрел исключительную важность для благополучия государства и стал увязываться с вопросами внутренней и внешней политики. В условиях *политизации* водного вопроса и использования риторики угроз осложняется переговорный процесс, и поэтому важно выяснить, как в Эфиопии позиционируется данная проблема и возможно ли смещение ее восприятия от угрозы безопасности к возможности взаимовыгодного сотрудничества.

Степень научной разработанности темы

Современным проблемам водопользования в бассейне Нила посвящен ряд научных исследований. Дж. Уотербери, К. Хейнс и Д. Уиттингтон в своих работах подчеркивают критическую важность водных ресурсов Нила для Судана и Египта, что формирует определенные подходы во внешней политике этих стран (Waterbury, 1979; Haynes & Whittington, 1981). А. Е. Каскао, Ф. Лоусон, М. А. Рахман обозначают эфиопский вызов гегемонии Египта как главный аспект изменения политической ситуации в регионе в 2000-х гг. (Cascão, 2009; Lawson, 2017; Rahman, 2013). Для них характерен реалистский подход, считающий асимметрию силы среди государств ведущим фактором, влияющим на водные конфликты.

Проект GERD как новый этап противостояния по водному вопросу стал предметом ряда исследований после 2011 г. В частности, в работах Е. А. Елькиной, Д. Уиттингтона, Дж. Уотербери и К. Уилера глубоко исследуется влияние строительства плотины «Возрождение» на водную политику трех стран и анализируется негативное воздействие политической неопределенности на решение проблемы распределения воды (Елькина, 2015; Wheeler et al., 2016; Whittington et al., 2014).

Эфиопский исследователь Я. Чекол возлагает большую ответственность за создание условий для будущего справедливого водопользования на страны низовья, считая, что они должны пойти на пересмотр существующего статус-кво (Chekol, 2020).

¹ Ethiopia wants dam to be complete ahead of schedule, filling process to start in July (2020) *Egypt Independent*, May, 5. URL: <https://egyptindependent.com/ethiopia-wants-dam-to-be-complete-ahead-of-schedule-filling-process-to-start-in-july/>.

Ряд других исследователей (Wolf, 1999; Tawfik, 2019), чьи работы можно отнести к либеральному направлению, придерживаются концепции совместного использования выгод (на базе теории функционализма), предполагающей постепенное превращение конфликтных отношений в отношения на основе сотрудничества и возможности ведения игры с ненулевой суммой.

Элементы конструктивистского подхода встречаются в работах Н. Б. Акинеми и Дж. Калпакиана, которые утверждают, что наряду с гегемонистскими устремлениями Египта причиной споров являются политические конфликты по вопросам идентичности (Akinyemi, 1994; Kalpakian, 2000). Из последних исследований особо нужно отметить работы М. К. Эль-Сайеда и Р. С. Мансура, рассмотревших вопрос создания режима водопользования с опорой на концепцию секьюритизации; Ф. Лоусона, установившего факт десекуритизации водных ресурсов в Египте (El-Sayed & Mansour, 2017; Lawson, 2016). Египетские исследователи Х. Аattia и М. Салех показывают, как переговоры по техническим вопросам приобрели политический характер и стали полем для столкновения национальных интересов. Позиции стран все чаще сопровождаются националистической риторикой (Attia & Saleh, 2021). Ввиду этого сложно достичь компромисса, если страны придерживаются устойчивых представлений и политических идентичностей, а не стремятся установить подлинные потребности каждой из сторон. Использование данного подхода для объяснения поведения основных акторов с учетом новейших политических событий также пока не нашло активного применения в научной литературе, посвященной водному вопросу в бассейне Нила.

Методология

В качестве методологической базы выбран конструктивистский подход в международных отношениях. Как отмечает эфиопский исследователь гидрополитики Й. Волдемариам, «политические конфликты вдоль Нила настолько инстинктивны и укоренены в самом естестве, что их просто нельзя игнорировать; в течение своего времени они становятся неотъемлемой частью идентичности вовлеченных сторон» (Woldemariam, 2007).

Эфиопские официальные лица четко маркируют строительство GERD как чрезвычайно важное для дальнейшего выживания нации мероприятие, поэтому в исследовании используется концепция секьюритизации Копенгагенской школы безопасности (КШБ), которая фокусируется на представлении акторами какой-либо проблемы как угрозы посредством речевых актов (Wæver, 1995). Согласно данной концепции, интересы государства в переговорном процессе неразрывно связаны с идентичностью, которая в свою очередь формируется политическим дискурсом.

С помощью дискурсивного анализа можно отследить изменение идентичности субъектов политики, то есть восприятие «себя» и «другого». Идентичность влияет на интересы государств, формирование социальных ролей («враг», «соперник», «друг») и, следовательно, на выбор ими определенной стратегии – сотрудничество или конфликт (Wendt, 1992: 399). Таким образом, в данной работе политический дискурс рассматривается как фактор, влияющий на формирование политики.

Как представляется, позиция Эфиопии кардинально не изменилась за десять лет строительства: она защищает свое право на развитие и оппонирует попыткам Египта сохранить свою гегемонию. Однако необходимо выяснить, есть ли в дискурсе структурные предпосылки для десекуритизации.

В соответствии с методологией профессора Копенгагенского университета Л. Хансен, в данной работе используется интертекстуальная модель двух видов дискурса: официального, создаваемого государственными чиновниками и политическими деятелями, и более широкого, включающего мнения СМИ, оппозиционных политиков и академических экспертов (Hansen, 2006: 66). Это позволит выяснить, как воспроизводятся или оспариваются в более широком общественном дискурсе официальные репрезентации.

В качестве эмпирической базы для дискурсивного анализа использованы *открытые* материалы СМИ, содержащие высказывания официальных лиц, заявления политических деятелей, комментарии экспертов и сотрудников национальных исследовательских центров, а также мнения самих журналистов, представляющих данные издания. Следовательно, в данной работе были проанализированы новостные сообщения и статьи, содержащие упоминание GERD, переговоров, межгосударственных отношений сквозь призму вопроса водной безопасности из следующих источников:

- Ethiopian News Agency (ENA) (государственное информационное агентство, статьи на английском языке);

- Walta Information Centre (WIC) (частная проправительственная медиакорпорация, статьи на английском языке);
- The Reporter (частное проправительственное издание, статьи на английском и амхарском языках);
- Capital Ethiopia (частное деловое издание, статьи на английском языке);
- Addis Maleda (частное издание, статьи на амхарском языке);
- ZeHabesha (оппозиционное издание, расположенное в США, статьи на английском и амхарском языках).

Материалы выбранных СМИ отвечают требуемым критериям постструктуралистского дискурс-анализа (Hansen, 2006: 76): максимально широкая аудитория, что делает их релевантными для выявления основных тезисов («базовых дискурсов»); наличие артикуляций идентичности и политики (специализация на освещение событий в политике, экономике, социальной сфере); содержат высказывания лиц с властными полномочиями. Выбор изданий осуществлялся также по принципу представленности разных политических взглядов, разной степени зависимости от государства. Наряду с англоязычными источниками, представляющими эфиопскую позицию всему миру, используются и источники на государственном языке Эфиопии – амхарском с преимущественно внутренней аудиторией.

Временной интервал выборки – 2012–2020 гг.

Суммарный объем выборки составил 609 новостных статей. Все сообщения были разделены на *политический* и *экспертный* дискурсы (282 и 327 статей соответственно), выделены основные тезисы и была подсчитана частота упоминаний этих тезисов за каждый год. Общее количество упоминаний составило 1206, в среднем по 1,9 на статью.

Авторами политического дискурса являются члены правительства и госслужащие. Основными спикерами, транслирующими основные тезисы египетской политики в этом вопросе GERD, являются: премьер-министры в разное время Абий Ахмед, Хайлемариам Десалень и Мелес Зенауи, президенты в разное время Сахлеворк Зевде и Мулату Тешоме, главы МИД Геду Андаргачев, Тедрос Гебрейесус, Воркнех Гебрейеху, министр водных ресурсов Силеши Бекеле, вице-премьер Демеке Меконнен, пресс-секретари и представители министерств.

Под экспертным (неправительственным) дискурсом мы подразумеваем широкий круг спикеров: эксперты, профессора университетов, представители электроэнергетических компаний, отставные чиновники, журналисты, оппозиционные политики, депутаты парламента, представители эфиопской диаспоры, религиозные и общественные деятели.

В терминах КШБ мы можем утверждать, что политический дискурс создается *секьюритизирующими акторами*, а экспертный – *функциональными акторами*.

Результаты

В результате анализа был выделен ряд основных тезисов (ответов на ключевые вопросы), которые могут быть распределены в следующие смысловые группы:

А. Почему Эфиопия строит GERD?

1. Целью строительства GERD является резкое увеличение производства электроэнергии, что обеспечит экономическое развитие Эфиопии и позволит выбраться из нищеты (93 упоминания):

«Строительство плотины для Эфиопии не роскошь, а инструмент сокращения бедности и ускорения экономического роста»¹.

2. GERD принесет значительную выгоду и странам нижнего течения Нила путем поставок дешевой электроэнергии и уменьшения потерь на испарение и вредного воздействия наводнений, а также послужит развитию всего африканского континента (125 упоминаний):

«Профессор также заявил, что эфиопская плотина уменьшит наносы для плотин, расположенных ниже по течению, и предотвратит наводнения, а также обеспечит надлежащий контроль воды в бассейне»²;

¹ Justice Movement Advocating GERD to be Launched in USA, Canada Soon (2020) *Ethiopian News Agency*, July, 31. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_16054.

² AU Best Platform for Negotiating GERD Dispute, Says UNESCO Chair (2020) *Ethiopian News Agency*, July, 29. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_15996.

«Таким образом, текущие энергетические и другие инфраструктурные взаимосвязи, включая GERD, между различными странами региона помогут укрепить взаимное доверие и способствовать совместному развитию»¹.

3. Эфиопия имеет суверенное право на собственное развитие и использование водных ресурсов Нила, поскольку является источником 85 % этих вод (96 упоминаний):

«GERD является суверенной плотинной. И нет никакого принципа или правила, которое обязывало бы страны, строящие плотину в трансграничной воде, договариваться о том, как наполнять и эксплуатировать их плотину»².

Б. Как Эфиопия решает спорные вопросы?

4. Эфиопия привержена принципу мирного разрешения споров путем трехсторонних переговоров и технических консультаций, справедливого и разумного использования водных ресурсов, неукоснительно соблюдает Декларацию принципов 2015 г., считает, что только сотрудничество приведет к взаимной выгоде (175 упоминаний):

«Эфиопия, Судан и Египет действительно могут максимально использовать трансграничную реку и создать атмосферу мира и безопасности в регионе. Они должны вернуться к сотрудничеству и переговорам»³.

5. Эфиопия всячески способствует переговорам и научным исследованиям, предоставляет необходимые материалы, идет навстречу требованиям Египта и Судана (53 упоминания):

«Эфиопия вышла далеко за рамки того, что требуется в том, что касается сотрудничества, переговоров и доброй воли в отношении Великой плотины Эфиопского возрождения; и Судан и Египет должны ответить взаимностью»⁴.

6. Эфиопия заявляет, что GERD не нарушает прав стран нижнего течения, не приведет к негативному воздействию, поскольку не потребляет воду (80 упоминаний):

«Египетские водные эксперты и политики слишком хорошо знают, что наша плотина не повредит их интересам. Она будет генерировать только электричество и не будет потреблять воду»⁵.

В. Кто препятствует строительству?

7. Египет угрожает разрушить плотину, препятствует переговорам, распространяет ложную информацию об угрозе своей безопасности с целью сохранения гегемонии в бассейне Нила и договоров колониальной эпохи (155 упоминаний):

«Дипломатический успех фактически изменил статус-кво в бассейне Нила и разоблачил одностороннюю ложную пропаганду против права Эфиопии на использование воды»⁶;

«Гегемонистская позиция Египта в отношении использования и управления водами Нила основана на колониальных договорах и соглашениях»⁷.

8. Другие внешние и внутренние враги стремятся помешать строительству: поддерживающие Египет США, международные правозащитные организации, спонсируемые Египтом оппозиционеры (79 упоминаний):

«Такие, как Джавар Мохаммед в одиночку с OLF, Shabiya, Ginbot 7 и другими, мечтают и работают, чтобы принести анархизм, разрушить правила и закон, сделать страну центром беспорядков и хаоса, остановить большие успехи страны, чтобы выбраться из бедности, и остановить строительство плотины Возрождения»⁸;

¹ Nation Secures over 66 mln USD from Power Export (2020) *Ethiopian News Agency*, August, 14. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_16312.

² GERD Should be Freed from being Geopolitical Hostage: Law Scholar (2020) *Ethiopian News Agency*, October, 31. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_18101.

³ Proposal on GERD “is aimed at fulfilling Egypt’s interest only”: ENTRO (2019) *Ethiopian News Agency*, September, 26. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_9851.

⁴ Egypt, Sudan Need to Reciprocate Ethiopia's Goodwill on GERD: Experts (2020) *Ethiopian News Agency*, June, 9. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_15074.

⁵ Ethiopia steps up diplomatic action in GERD dispute (2020) *Capital Ethiopia*, March, 23. URL: <https://www.capitalethiopia.com/2020/03/23/ethiopia-steps-up-diplomatic-action-in-gerd-dispute/>.

⁶ FM Urges Ethiopian Diplomats to Promote Nat'l Interests (2020) *Ethiopian News Agency*, September, 7. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_16760.

⁷ DONALD TRUMP trolled on social media for his GERD comment (2020) *Capital Ethiopia*, October, 26. URL: <https://www.capitalethiopia.com/2020/10/26/donald-trump-trolled-on-social-media-for-his-gerd-comment/>.

⁸ Drums of unrest has no audience in any society (2016) *Walta Information Centre*, March, 18. URL: <https://waltainfo.com/50638/>.

«Мы все знаем, что Трамп полностью поддерживает Египет, а не Эфиопию в отношении GERD. Он продемонстрировал это, сократив помощь Эфиопии, и убедил Всемирный банк сделать то же самое»¹.

Г. Связь GERD и национальной идентичности

9. GERD – общенациональный проект, весь народ всецело его поддерживает (113 упоминаний):

«На фоне внутренних региональных, религиозных и политических разногласий строительство GERD является одним из немногих вещей, которые поддерживают все эфиопы»².

10. GERD строится на народные деньги без иностранных инвесторов, за счет многочисленных пожертвований (72 упоминания):

«Жители Аддис-Абебы собрали более 180 миллионов быров на строительство плотины Великого эфиопского возрождения за последние 50 дней»³.

11. Нил – элемент идентичности, GERD является символом нации (37 упоминаний):

«Он заявил, что эфиопская цивилизация возникла из реки Нил, которая является источником социальной сплоченности страны»⁴;

«Берекет отметил, что строительство плотины играет важную роль в создании положительного имиджа нации»⁵.

При сравнении политического и экспертного дискурсов мы можем заметить, что экспертный носит более конфронтационный характер, чем политический (рис. 1). Упоминание угроз экспертами всегда значительно превышает аналогичные высказывания политиков. Высказывания экспертов в большей степени подчеркивают конфликтные отношения Эфиопии и Египта, чем призывают к сотрудничеству. Кроме того, прослеживается четкая спецификация: эксперты чаще всего дают обоснование строительства плотины, политики больше упоминают вопросы, связанные с переговорным процессом. При этом в обоих дискурсах примерно одинаковую долю составляют упоминания национального единства и идентичности.

Одним из главных положений КШБ является артикуляция экзистенциальной угрозы секьюритизирующим актором. Из вышеуказанных тезисов можно выделить два типа обозначаемых угроз: взаимосвязанные бедность и засуха как главные внутренние угрозы существованию страны и Египет как главный внешний враг.

На рис. 2 показано распределение тезисов, характеризующих отношение Египта к эфиопским планам по строительству плотины: четыре негативных (прямая угроза разрушить плотину, стремление к сохранению гегемонистского статус-кво, распространение ложной информации о вреде плотины, препятствие ходу переговорного процесса) и один позитивный (постепенный переход Египта от конфронтации к сотрудничеству). В соответствии с данными результатами можно сделать вывод, что начиная с 2014 г. ассоциирование Египта с понятием «угроза» резко снизилось и впоследствии не превышало 17 %. Исходя из этого, мы можем предположить успешность секьюритизации водных ресурсов с Египтом как главной угрозой только в 2012–2013 гг.

При глубоком рассмотрении дискурса становится ясно, что Египет и другие внешние враги угрожают лишь плотине, а не самому государству и народу, скорее являются серьезной помехой Эфиопии в борьбе за свое развитие. Ввиду этого египетскую угрозу мы можем назвать вторичной по отношению к угрозе дефицита воды и электроэнергии. Таким образом, в соответствии с терминологией КШБ в эфиопском дискурсе возможно выделить два референтных объекта и два типа угроз: плотина Возрождения, которой угрожает Египет, и сама Эфиопия, которой угрожает бедность и засуха.

Упоминание «внутренних врагов» (8)⁶ – оппозиционных и повстанческих движений – встречается значительно реже, однако имеет важный подтекст. Именно их деятельность позиционируется как угроза единству и сплоченности нации перед лицом египетских планов по срыву строительства GERD. Таким образом, наблюдается устойчивый тренд на маргинализацию отдельных групп.

¹ Jesse Jackson Calls Int'l Organizations, Leaders to Condemn Trump's "reckless" Statement over GERD (2020) *Ethiopian News Agency*, October, 30. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_18070.

² Former U.S. Assist Sec of State Lambastes Suspension of Assistance, Urges USA to Mend Ways ion to Mend its Ways (2020) *Ethiopian News Agency*, September, 9. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_16859.

³ Addis Ababa Raises over 180 Million Birr for GERD in Less than Two Months (2020) *Ethiopian News Agency*, August, 29. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_16618.

⁴ Religious Figures Criticize Egypt for Misleading World (2020) *Ethiopian News Agency*, June, 24. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_15493.

⁵ GERD new ambassador to Ethiopia – Berket (2014) *Walta Information Centre*, March, 29. URL: <https://waltainfo.com/37154/>.

⁶ Здесь и далее в скобках указан номер тезиса из списка, приведенного выше.

Чтобы выявить степень чрезвычайности угроз, проанализирована встречаемость в текстах сообщений слов, которые подчеркивают угрозу самому существованию страны: «экзистенциальный», «выживание», «жизнь», «существование», «голод», «засуха». В результате только в 13 % сообщений, содержащих упоминание об угрозах и вызовах, данным угрозам придается экзистенциальный характер.

С точки зрения теории секьюритизации конструирование безопасности – интерсубъективный процесс, требующий не только секьюритизирующего речевого акта, но и положительного отклика *аудитории*. В нашем случае среди выделенных основных тезисов непосредственно касающихся населения страны являются «единство нации» (9) и «народные пожертвования» (10). В аудиторию помимо эфиопского народа входит достаточно значительная зарубежная диаспора. Таким образом, целями воздействия на аудиторию является, во-первых, «сплочение» – исключение внутренних конфликтов и ослабление оппозиции и, во-вторых, стимулирование населения финансировать строительство плотины. Обоснованием такой значимости является прямая связь плотины и национальной идентичности.

Анализ частоты встречаемости различных пар тезисов в одном тексте показал постепенную смену доминировавшего до 2013 г. сочетания «право» (3), «нет вреда» (6) и «Египет» (7) на «важность сотрудничества» (4) и «взаимная выгода» (2) начиная с 2017 г. Иными словами, конфронтационная риторика имела свой максимум в 2012–2013 гг., после чего снизилась и в 2014–2020 гг. носила относительно стабильный характер. При этом с большей частотой появлялось утверждение о том, что GERD является основой сотрудничества и регионального развития и не причинит вреда Египту и Судану.

Распространенность сочетания «угроза Египта (распространение лжи)» (7) + «нет вреда» (6) показывает еще одну особенность эфиопского дискурса – «контрсекьюритизацию», попытку деконструкции официального египетского нарратива, заявляющего об угрозе от GERD. Утверждается, что данные нарративы являются введением в заблуждение, тогда как плотина не окажет абсолютно никакого отрицательного воздействия на страны нижнего течения. Эфиопия строит плотину исключительно для своего развития и не допустит причинения ущерба другим странам, для чего готова принять правила эксплуатации в периоды засухи, включающие подробные механизмы взаимодействия и координации работы гидротехнических сооружений во всех трех странах.

Цель секьюритизации – легитимация чрезвычайных мер, выходящих из поля «нормальной политики». В нашем случае подобным призывом к исключительным действиям может служить тезис о необходимости строить плотину несмотря ни на что, отклоняя все требования об отсрочке (например: *«нет силы, которая могла бы помешать Эфиопии заполнить плотину, и эта позиция должна быть четко разъяснена международному сообществу»*¹). Результаты анализа соотношения количества данного тезиса и тезисов о приверженности переговорам показаны на рис. 3. Можно сделать вывод о том, что в эфиопском дискурсе слабо выражена необходимость срочных чрезвычайных действий для предотвращения экзистенциальных угроз.

Обсуждение

В результате анализа эфиопского дискурса мы действительно видим ряд признаков секьюритизации водного вопроса. В частности, строительство GERD представляется как основной инструмент для борьбы с бедностью, голодом и засухами. Плотина должна обеспечить экономический рост страны, а следовательно, сделать ее подлинно суверенной. Препятствия данному проекту маркируются как угроза суверенитету страны в части использования своих водных ресурсов. Строительство GERD стало также и конструированием нового символа национального единства Эфиопии. Сопровождалось это внедрением нарратива угрозы от «теряющих свое влияние гегемонов».

В Эфиопии наиболее успешно была реализована секьюритизация с точки зрения *восприятия аудиторией*. Секьюритизирующий актер (политики) убедил целевую аудиторию в необходимости незамедлительных мер. Цель секьюритизации – массовая поддержка «жесткого» варианта: стройки ГЭС несмотря ни на что при абсолютном игнорировании мнений других стран.

¹ Historians Slam US Nat'l Security Council Statement on GERD (2020) *Ethiopian News Agency*, June, 20. URL: https://www.ena.et/web/eng/w/en_15411.

Отклик аудитории выражался в массовом подъеме, акциях поддержки, кампаниях по добровольным взносам, использовании соответствующих хештегов в соцсетях¹ и т.д. Были инициированы общественные кампании в поддержку GERD среди эфиопских диаспор, ставящие своей целью рассказать о значении плотины для страны, получить поддержку среди мировых общественных организаций.

Несмотря на видимую схожесть кейса конструирования безопасности в Эфиопии с «классическим» сценарием секьюритизации, предложенным Копенгагенской школой, глубокий анализ выявил ряд несоответствий. Во-первых, упоминаний именно экзистенциальных угроз в дискурсе крайне мало. Во-вторых, возможность «жесткого» варианта действий также обозначается в несколько раз реже, чем традиционный переговорный путь, что не позволяет говорить о легитимации аудиторией чрезвычайных мер по борьбе с угрозой.

Исследованных дискурсивных практик оказывается недостаточно для понимания механизма конструирования небезопасности, поэтому рассмотрим данную ситуацию с точки зрения Парижской школы безопасности, которая не только уходит от исключительности дискурсивных практик в процессе секьюритизации, но и предлагает принципиально иные цели и механизмы данного процесса.

Парижская школа (Д. Биго, Й. Хейсманс) рассматривает конструирование «небезопасности» и «безопасности» как два параллельных взаимовлияющих процесса. Когда актор принимает меры по увеличению безопасности от некоторой угрозы, он тем самым повышает значимость этой угрозы в глазах общества и повышает страхи. Конструируемая небезопасность в свою очередь стимулирует деятельность по аккумуляции знаний по дальнейшему поддержанию безопасности.

Ведущую роль в конструировании безопасности вместо речевых актов Парижская школа отдает повседневным практикам структур, связанных с безопасностью (McDonald, 2008: 570). Д. Биго в своем исследовании миграционного кризиса в Европе под этими структурами подразумевает полицию, органы госбезопасности, пограничные и таможенные службы, которые в своей компетенции определяют, что является угрозой (Vigo, 2002: 75).

В эфиопском кейсе такими профессионалами являются не силовые службы, а скорее специалисты в гидротехнической и ирригационной сферах, занятые поддержанием водоснабжения населения и хозяйственных предприятий, а также сотрудники агентств, ответственных за сбор средств и организацию кампаний по популяризации GERD. Используя терминологию Й. Хейсманса, ситуацию можно описать как переплетение технократической и дискурсивной секьюритизации, формирующее *домен водной небезопасности*: «Фрейминг безопасности представляет собой многомерный процесс взаимосвязи различных вопросов политики посредством институциональных кодификаций, применения определенных навыков и процедур, использования определенных технологий и доминирование определенных политических направлений и методов» (Huysmans, 2006: 150). Таким образом, повседневные рутинные технократические (обоснование строительства плотины) и бюрократические (сбор средств) практики имеют такое же важное значение, как и секьюритизирующие речевые акты.

Экспертный дискурс формируется скорее не функциональными акторами, которые, по определению О. Вэйвера, лишь оказывают влияние на формирование угроз, а самостоятельными агентами – «профессионалами безопасности», конструирующими небезопасность повседневными практиками. Неслучайно дискурсивный анализ показал более жесткую позицию технократов, что можно трактовать как непосредственное конструирование угрозы. Мы можем назвать их эпистемическим сообществом, не только претендующим на обладание релевантным знанием (Naas, 1992), но и способным организованно влиять на значимую повестку дня.

Вопрос о цели секьюритизации проясняет Й. Хейсманс: «политическое конструирование экзистенциальных контекстов состоит не просто в модулировании опасностей и управлении ими. На самом деле оно состоит в структурировании и управлении практической реализацией свободы путем управления ее опасными излишествами» (Huysmans, 2006: 146). Политическая оппозиция, критикующая правительство за антидемократические практики, неподотчетность расходования собранных средств, маргинализируется и становится барьером для реализации национальных интересов. Главной декларируемой ценностью является единство и сплоченность ради прогресса. Ресурсный аргумент как один из самых сильных для населения, периодически страдающего от засух, используется для повышения управляемости масс, регулируя баланс безопасности / небезопасности и управляя общественными страхами. Предположения об использовании дискурса угроз в целях мобилизации

¹ Самым известным проектом стал #ItsMyDam – хештег, под которым распространялись материалы о GERD в Facebook, Twitter и Instagram (данные ресурсы признаны Минюстом РФ экстремистскими).

внутренней поддержки или управления кризисами встречаются в ряде недавних исследований (Matthews & Vivoda, 2023; Viteri Márquez, 2022).

Особенно актуально это становится в настоящее время, когда Эфиопия переходит в стадию *турбулентности*. Затяжной этнический конфликт, идущий в северном эфиопском регионе Тыграй с конца 2020 г., не только был главным вызовом для единства государства, но и стал одним из главных факторов наряду с GERD, определявших отношения Эфиопии с Египтом и Суданом. Регулярно повторяющиеся случаи засухи и последующего голода являются сильнейшим вызовом для внутривосточной стабильности в стране. Неспособность правительства справиться с голодом резко увеличивает вероятность возникновения массовых выступлений.

Заключение

В результате анализа эфиопского дискурса мы видим ряд признаков секьюритизации водного вопроса: конструирование угроз национальной безопасности посредством речевых актов, придание плотине GERD статуса ключевого объекта для национальной безопасности, активный отклик аудитории на секьюритизирующие шаги политиков и экспертов. Однако обнаружено несколько несоответствий эмпирики теоретической концепции Копенгагенской школы, что ставит перед нами задачу расширения теоретических рамок.

В соответствии с положениями Парижской школы, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что секьюритизация водных ресурсов в Эфиопии представляет собой политтехнологию, целью которой является прекращение внутренних беспорядков, объединение конкурирующих групп вокруг правящих элит и отчуждение инакомыслящих. Дискурсивные практики создания водной безопасности в этом случае имеют второстепенный характер.

Рост частоты проявления в дискурсе нарратива угроз не только от Египта, но и от оппозиционных и повстанческих движений отчасти связан со все усиливающейся внутренней нестабильностью. В связи с этим целью секьюритизации является не легитимация чрезвычайных мер, а, наоборот, исключение любых непредсказуемых сценариев с массовым участием.

Полученные результаты исследования механизмов обеспечения водной безопасности в Эфиопии могут внести свой вклад в развитие теории инсекьюритизации Парижской школы в неевропейском контексте.

Список литературы / References

- Елькина, Е. А. (2015) 'Гидрополитика в бассейне Нила', *Азия и Африка сегодня*, 8(697), сс. 30–33. [Elkina, E. A. (2015) 'Hydropolicy in Nile Basin' [Gidropolitika v bassejne Nila], *Asia and Africa Today*, 8(697), pp. 30–33. (In Russ.)].
- Akinyemi, N. B. (1994) *Cooperation and conflict in international regimes: Water resource management in the Nile drainage basin*. PhD thesis. University of South Carolina.
- Attia, H. and Saleh, M. (2021) 'The political deadlock on the Grand Ethiopian Renaissance Dam', *German Institute for Global and Area Studies (GIGA). GIGA Focus Africa*, 4. Available at: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/28339458-political-deadlock-grand-ethiopian-renaissance/> (Accessed: 16 April 2023).
- Bigo, D. (2002) 'Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease', *Alternatives*, 27(1), pp. 63–92, DOI: 10.1177/03043754020270S105.
- Cascão, A. E. (2009) 'Changing power relations in the Nile river basin: Unilateralism vs. cooperation?', *Water Alternatives*, 2(2), pp. 245–268.
- Chekol, Y. G. (2020) 'Nile Hydro politics: Riparian States' position on Grand Ethiopian Renaissance Dam Project', *Journal of Somali Studies*, 7(2), pp. 49–63, DOI: 10.31920/2056-5682/2020/7n2a3.
- El-Sayed, M. K. and Mansour, R. S. (2017) 'Water Scarcity as a Non-traditional Threat to Security in the Middle East', *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 73(2), pp. 227–240, DOI: 10.1177/0974928417699916.
- Haas, P. M. (1992) 'Introduction: Epistemic communities and International Policy Coordination', *International Organization*, 46(1), pp. 1–35, DOI: 10.1017/S0020818300001442.
- Hansen, L. (2006) *Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War*. London: Routledge.

- Haynes, K. and Whittington, D. (1981) 'International Management of the Nile — Stage Three?', *The Geographical Review*, 71(1), pp. 17–32, DOI:10.2307/214549.
- Huysmans, J. (2006) *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. Abingdon: Routledge.
- Kalpakian, J. (2000) *Identity Conflict and Cooperation in International River Basins*. PhD thesis. Old Dominion University.
- Lawson, F. H. (2017) 'Egypt versus Ethiopia: The Conflict over the Nile Metastasizes', *International Spectator*, 52(4), pp. 129–144, DOI:10.1080/03932729.2017.1333272.
- Lawson, F. H. (2016) 'Desecuritization, Domestic Struggles, and Egypt's Conflict with Ethiopia over the Nile River', *Democracy & Security*, 12(1), pp. 1–22, DOI:10.1080/17419166.2015.1133305.
- Matthews, R. and Vivoda, V. (2023) 'Water Wars': strategic implications of the grand Ethiopian Renaissance Dam', *Conflict, Security & Development*, DOI:10.1080/14678802.2023.2257137.
- McDonald, M. (2008) 'Securitisation and the Construction of Security', *European Journal of International Relations*, 14(4), pp. 563–587, DOI:10.1177/1354066108097.
- Rahman, M. A. (2012) 'Water Security: Ethiopia–Egypt Transboundary Challenges over the Nile River Basin', *Journal of Asian and African Studies*, 48(1), pp. 35–46, DOI: 10.1177/0021909612438517.
- Tafesse, T. (2001) 'The Hydropolitical Assessment of the Nile Question: An Ethiopian Perspective', *Water International*, 26(4), pp. 1–11, DOI: 10.1080/02508060108686945.
- Tawfik, R. (2019) 'Beyond the River: Elite Perceptions and Regional Cooperation in the Eastern Nile Basin', *Water Alternatives—An Interdisciplinary Journal on Water Politics and Development*, 12(2), pp. 655–675.
- Verhoeven, H. (2021) 'The Grand Ethiopian Renaissance Dam: Africa's Water Tower, Environmental Justice & Infrastructural Power', *Daedalus*, 150(4), pp. 159–180. Available at: <https://direct.mit.edu/daed/article/150/4/159/107371/The-Grand-Ethiopian-Renaissance-Dam-Africa-s-Water> (Accessed: 16 April 2023).
- Viteri Márquez, E. (2022) 'Protecting the Nile: Egypt's crisis exploitation of the GERD crisis (2011–2021)', *Swedish Defence University*, 53 p.
- Waterbury, J. (1979) *Hydropolitics of the Nile Valley*. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press.
- Wendt, A. (1992) 'Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics', *International Organization*, 46(2), pp. 391–425, DOI: 10.1017/S0020818300027764.
- Wæver, O. (1995) 'Securitization and Desecuritization' in: Lipschutz, R. D. (ed.) *On Security*. New York: Columbia University Press, pp. 46–87.
- Wheeler, K. G. et al. (2016) 'Cooperative filling approaches for the Grand Ethiopian Renaissance Dam', *Water International*, 41(4), pp. 611–634.
- Wheeler, K. G. et al. (2020) 'Understanding and managing new risks on the Nile with the Grand Ethiopian Renaissance Dam', *Nature Communications*, 11(1), DOI: 10.1038/s41467-020-19089-x.
- Whittington, D., Wu, X. and Sadoff, C. (2005) 'Water Resources Management in the Nile Basin: The Economic Value of Cooperation', *Water Policy*, 7(3), pp. 227–252, DOI:10.2166/wp.2005.0015.
- Whittington, D., Waterbury, J. and Jeuland, M. (2014) 'The Grand Renaissance Dam and prospects for cooperation on the Eastern Nile', *Water Policy*, 16(4), pp. 595–608, DOI:10.2166/wp.2014.011b.
- Woldemariam, Y. (2007) *A critical assessment of international relations theories for managing transboundary water resources: The case of the Nile basin*. PhD thesis. University of Massachusetts Amherst.
- Wolf, A. T. (1999) 'Criteria for Equitable Allocations: the Heart of International Water Conflict', *Natural Resources Forum*, 23(1), pp. 3–30, DOI:10.1111/J.1477-8947.1999.TB00235.X.
- صبحى على قنصوه. المطالب الإثيوبية فى مياه النيل وأثرها على الأمن المائى المصرى (2015). الشئون الأفريقية [Qansuh, S. A. (2015) 'Ethiopian demands in the Nile water and its impact on the Egyptian water security', *African Affairs*, 3. (In Arabic)].

Статья поступила в редакцию: 21.07.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 16.10.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

**FEATURES OF SECURITIZATION OF THE WATER ISSUE IN ETHIOPIA
WITHIN THE FRAMEWORK OF CRITICAL APPROACHES TO SECURITY STUDIES**

D. A. Otinov

D. A. Otinov, Postgraduate Student, Department of Foreign Regional Studies,
National Research University Higher School of Economics.

Email: dmitry.otw@gmail.com (ORCID: 0000-0002-5673-0032. Researcher ID: AAD-3509-2021).

Abstract

This article seeks to explore the problem of water security in Ethiopia, involving the implementation of the Grand Ethiopian Renaissance Dam (GERD) project. With its existential significance for the Ethiopian nation attributed to the dam, discovering the mechanisms of constructing threats to water security, as well as possible structural preconditions for a shift from confrontational to compromise politics, are examined. Therefore, an analysis of the Ethiopian discourse on GERD is being carried out in order to identify possible signs of securitisation and / or de-securitisation of the water issue. The research also compares the explanatory power of various approaches within the theory of securitisation for this case. The key finding is the explanation of the phenomenon of water securitisation in Ethiopia as an established political technology for the management of internal processes, in contrast to the traditional approach which posits an intersubjective policy of decisive action.

Keywords: Ethiopia; Renaissance Dam; water security; national security; securitization; discursive analysis.

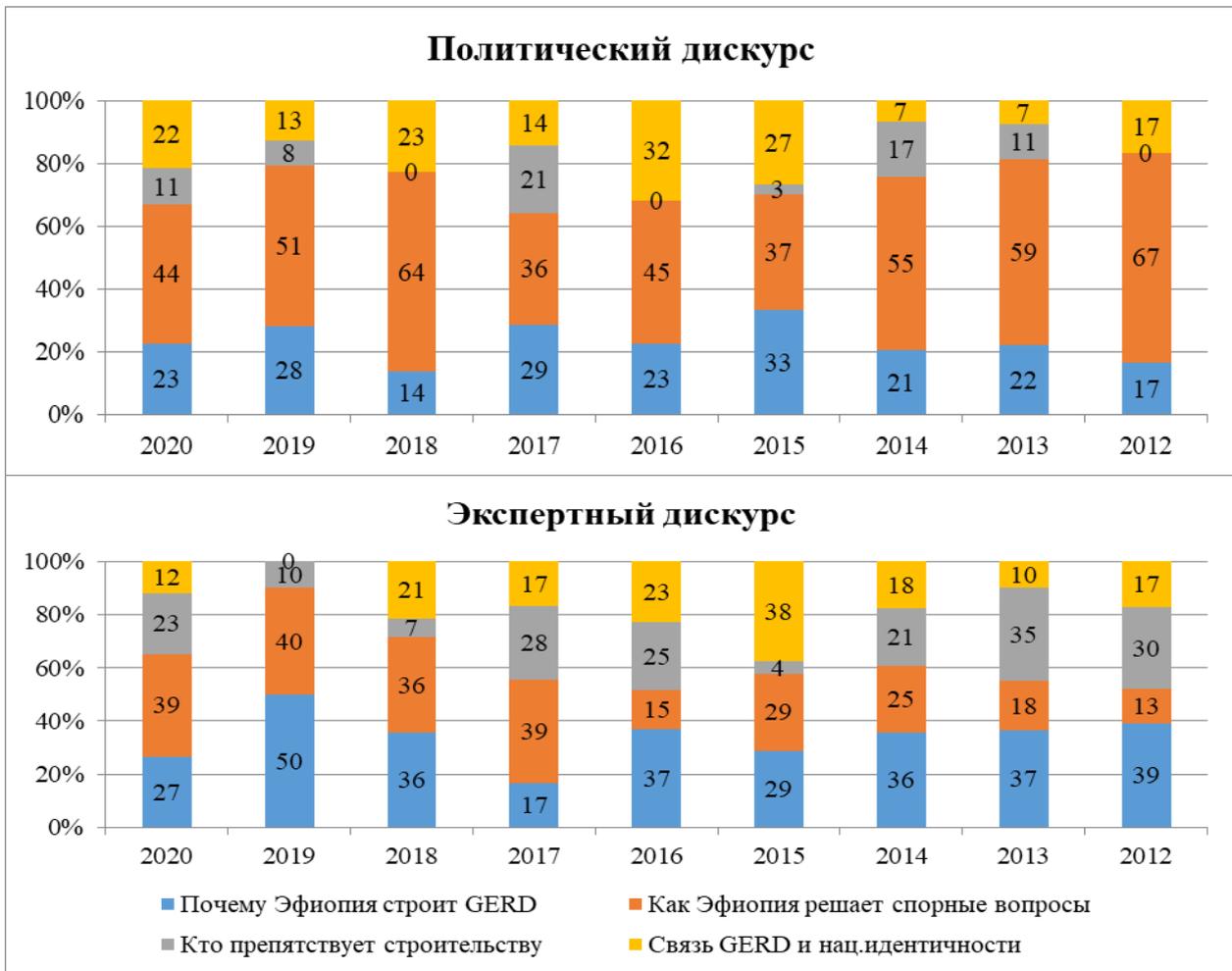

Рис. 1. Проект GERD в политическом и экспертном дискурсе Эфиопии.
 Источник: составлено автором.

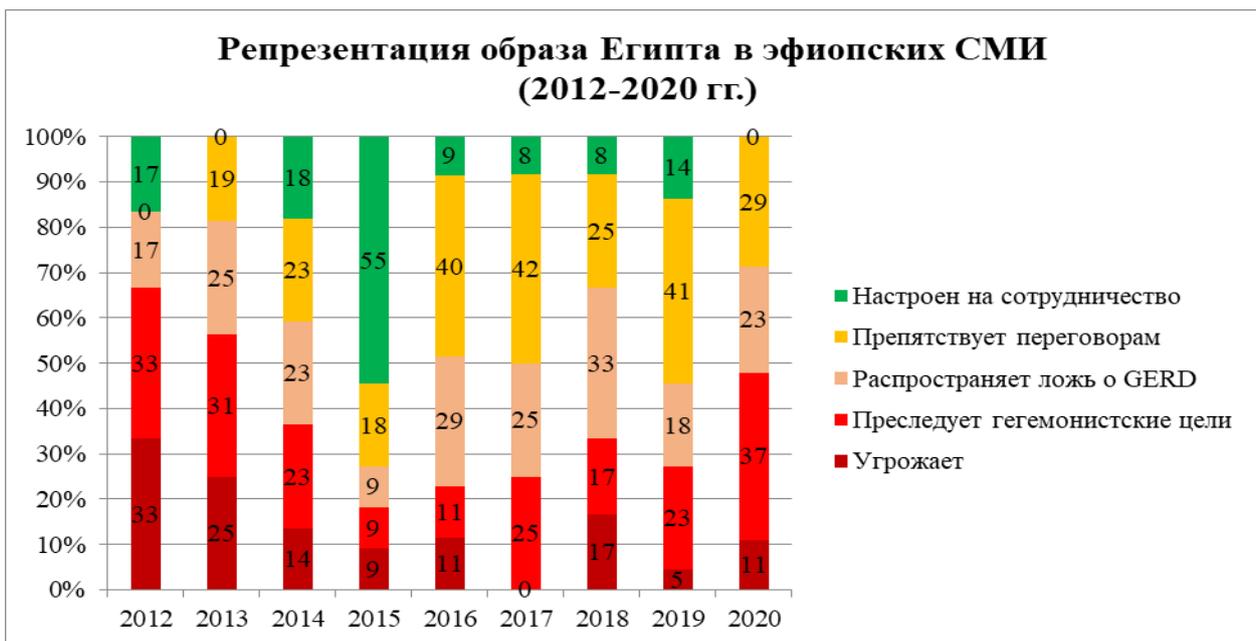

Рис. 2. Репрезентация образа Египта в эфиопских СМИ (2012-2020 гг.).
 Источник: составлено автором.

Рис. 3. Соотношение стратегий действий Эфиопии по строительству плотины. Источник: составлено автором.

УДК: 323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-81-88

РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ НКО В БОРЬБЕ С НЕФТЯНЫМИ РАЗЛИВАМИ: СЛУЧАЙ УСИНСКОЙ КАТАСТРОФЫ

М. М. Сакаева

Сакаева Мария Маратовна, кандидат социологических наук, доцент, факультет международных отношений и политических исследований,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС.
E-mail: eu.sakaeva@gmail.com (ORCID: 0009-0001-8901-1165).

Аннотация

На основе кейс-стади Усинской нефтяной катастрофы в Республике Коми исследуется отражение техногенной катастрофы в публичных дебатах в контексте влияния нефтяной промышленности на жизнь коренных народов. Методологически исследование основано на постановке в фокус внимания голосов «снизу», или голосов аборигенов. Эмпирическую базу исследования составляет серия публикаций НКО «Комитет спасения Печоры», с помощью которой пострадавшие от катастрофы жители заявляли о своих интересах и требованиях. Показано, как через собственные печатные издания и официальные сайты локальные сообщества конструировали, развивали и продвигали общественные дебаты о последствиях катастрофы и принуждали виновных к ответственности. Ключевой результат исследования состоит в том, что, несмотря на исключенность из процесса принятия решений, жители Печорского речного бассейна обладали потенциалом власти и смогли занять проактивную позицию в системе противостояний, спровоцированных нефтяной катастрофой.

Ключевые слова: экологические НКО; нефтяные разливы; российская Арктика; коренные народы Севера; Коми; медиа-анализ.

Введение

Усинск, тихий город с населением 39 000 чел., расположенный в Республике Коми – одном из нефтедобывающих регионов России, попал в заголовки национальных и международных СМИ в августе 1994 г., когда произошел разлив нефти в Усинске. Хотя полный объем разлитой нефти неизвестен до сих пор – от 100 до 200 тыс. тонн, Усинский нефтеразлив был и остается крупнейшей наземной нефтяной катастрофой в мире¹.

Добыча нефти в Коми имеет долгую историю. Первая разведка для промышленных нужд была зарегистрирована в середине XVIII в. на реке Ухте. Нефтяной бум произошел в конце 1960-х гг. – в 1970-х гг., когда советские геологи открыли Тимано-Печорскую нефтяную провинцию – до сих пор одно из крупнейших и перспективных наземных нефтяных месторождений Европы. Наблюдавшийся с тех пор рост добычи нефти в Коми продолжился и после распада Советского Союза. В 1990-х гг. в конкурентную борьбу вступили десятки российских и иностранных частных компаний. С тех пор нефтяная промышленность в Коми представляет растущую угрозу для окружающей среды и здоровья местного населения из-за множества нерешенных экономических, социальных и экологических проблем (Andreyeva & Kryukov, 2008; Sakaeva, 2022).

Места проживания коренных народов российской Арктики веками были территориями интенсивного промышленного освоения. На протяжении всего XX в. местные, преимущественно сельские и кочевые сообщества, испытывали на себе негативные последствия безответственной практики промышленного землепользования (Slezkine, 1994; Daley & James, 2006). С учетом лидирующих позиций Арктики по запасам нефти и растущих масштабов их разработки на этих территориях, в первую очередь речь идет об угрозах со стороны нефтяной промышленности. С 2000-х гг. разведка и добыча

© Сакаева М. М., 2023

¹ Мониторинг Усинской катастрофы, *Иннотер*. URL: <https://innoter.com/articles/monitoring-usinskoy-katastrofy/> (дата обращения: 23.04.2021).

нефти в Коми сопровождались увеличением количества и объемов разливов нефти. В 2019 г. было зафиксировано 17 000 утечек, в основном из трубопроводов¹.

Сравнительно недавно в западном научном и публичном пространстве начались общественные и академические дебаты об истинной цене нефти (Wickman, 2013). Поводом послужил крупнейший в истории разлив нефти в Мексиканском заливе в 2010 г., ответственность за который взяла на себя компания BP Deepwater Horizon. Последняя крупная катастрофа произошла в июле 2023 г.: пожар начался на морской платформе нефтегазовой корпорации Pemex в Мексиканском заливе.² Однако, по мнению целого ряда экспертов, важно обращение к истории нефтяных катастроф именно близ мест постоянного проживания разных сообществ, потому что в этом случае социально-экологические последствия разливов растягиваются на десятилетия (Rodin et al., 1992; Daley & James, 2004; Widener & Gunter, 2007; LeMenager, 2016; Sakaeva, 2022).

В этом контексте нужно упомянуть целый ряд исследований последствий разлива Exxon Valdez 1989 на Аляске. Как давние, так и новые научные оценки этого случая показали продолжительные разрушительные последствия катастрофы для коллективной солидарности местных сообществ, подтвердили необратимые процессы нарушения ментального здоровья и другие посттравматические последствия среди аборигенов (Dyer, 1993; Smith, 1993; Gill & Picou, 2001; Widener & Gunter, 2007). Все эти работы основаны на анализе голосов местных жителей, на их видении причин и последствий катастрофы. Внимание к голосам аборигенов, или голосам «снизу» стало мейнстримом в литературе по indigenous studies, особенно в том ее сегменте, который касается любых форм сопротивления, гражданских инициатив и самоопределения коренных жителей (LeMenager, 2016).

Предлагаемое исследование дополняет отмеченные работы представителей социальных наук, где анализ отдельных случаев нефтяных катастроф показывает властный дисбаланс между коренными народами и доминирующими группами (бизнесом и представителями власти). В этой статье автор отталкивается от идеи о том, что для коренных жителей Печорского бассейна Усинский нефтяной разлив 1994 г. был не просто техногенной катастрофой. Она переформатировала их коллективную идентичность и представления об основах их экономического и социально-культурного благополучия.

Эмпирическую базу исследования составляют публикации НКО «Комитет спасения Печоры» (далее – Комитет). Созданный в 1989 г. в Республике Коми к середине 1990-х Комитет стал одной из самых влиятельных экологических неправительственных организаций на Европейском Севере России. Комитет объединяет активистов и энтузиастов из сел, деревень и малых городов Республики Коми. Согласно уставу, основная цель организации – это охрана природы как традиционного места обитания местного населения, жителей бассейна реки Печоры. Исторически экосистема реки занимала центральное место в повседневной жизни коренного населения республики – коми-народа.³ Бассейн Печоры покрывает около двух третей территории Коми и является домом для десятков тысяч жителей сел и деревень, испокон веков селившихся вдоль Печоры и ее многочисленных притоков (Шабаев, Истомин, 2017).

В качестве основного источника эмпирических данных автор использует информационные ресурсы, созданные Комитетом. База данных включает коллекцию материалов, опубликованных на официальном сайте НКО и в печатной версии газеты «Экологический вестник» в 1993–1994 гг. Газета была создана по инициативе Комитета, распространяется преимущественно в сельских районах и публикуется в архивах на официальном сайте Комитета. Автор полагалась на анализ нарративов, касающихся Усинского разлива. Массив публикаций включал разные жанры: пресс-релизы, открытые письма, репортажи, новости. В массив данных также включены материалы о катастрофе, опубликованные в мировых СМИ и в локальных электронных СМИ Республики Коми.

¹ Забелло, Е. (2012) Нефтяные слезы России: аварии на нефтепроводах провоцируют рак, *РБК*, 10 апр. URL:<https://www.rbc.ru/economics/10/04/2012/5703f5c09a7947ac81a66c05/> (дата обращения: 29.10.2021).

² Разливы нефти: почему они случаются так часто и можно ли их предотвратить (2023), *РБК Тренды*, 10 июля. URL: https://trends.rbc.ru/trends/green/5fb2784e9a79477fa024d069?from=article_body (дата обращения: 29.10.2023).

³ Этический облик современной республики сформирован более чем сотней национальностей и этнических групп. Коми, коренные жители республики, принадлежат к группе финно-угорских народов. По данным последней всероссийской переписи, коми составляют всего 24 % населения региона, при этом большинство этнических коми проживает в сельской местности.

**Теория и методы исследования:
почему важны голоса «снизу» для анализа нефтяных катастроф**

Сравнительно недавно социальные исследователи заявили о том, что в случае экологических катастроф необходимо в первую очередь обращаться к мнениям и восприятию пострадавших сообществ. Зарубежный опыт публичного дискурса по следам нефтяных катастроф показывает, что в силу маргинальности и дефицита властных ресурсов этнические группы и сельские жители не имеют возможности отстаивать свой голос в основных СМИ. При том, что именно они, а не нефтяные корпорации являются главными жертвами нефтяных разливов (Smith, 1993; Widener & Gunter, 2007; LeMenager, 2016).

Это исследование основано на анализе голосов коренных жителей Печорского речного бассейна, пострадавших от Усинской катастрофы. Внимание к мнениям, интерпретациям, оценкам и знаниям коренных народов лежит в основе парадигмы голосов «снизу». Она является сравнительно новой методологической традицией в социальных исследованиях коренных народов Севера и представляет собой растущий пласт литературы. В дебатах об экологической стороне промышленного освоения Севера сторонники парадигмы голосов «снизу» обращают внимание на то, как и что местные жители говорят об угрозах добывающей промышленности в целом, как они конструируют видение нефтяного бизнеса в частности (Daley and James, 2004; LeMenager, 2016).

Антрополог Стефани ЛеМенагер настаивает, что предоставление местным сообществам права голоса означает переход от крупномасштабной перспективы, предоставляемой государством и бизнесом, к видению снизу вверх (LeMenager, 2016: 13, 82). В книге о нефтяной культуре США под названием «Живая нефть» автор посвятила целую главу интерпретациям и воспоминаниям местных жителей о разливе нефти в Санта-Барбаре 1969 г. (LeMenager, 2016). Если говорить о пересечении коренных народов Севера, нефтяной добыче и нефтяных катастрофах, то принципиально важным здесь является интерпретация метода голосов «снизу», предложенная П. Уайденер и В. Гюнтер. Они исследовали, как коренные жители Аляски восстанавливались после нефтяной катастрофы Exxon Valdez, которая произошла в проливе Принца Уильяма в 1989 г. и вошла в список крупнейших нефтяных трагедий (Widener & Gunter, 2007). Их видение местных сообществ схоже с позицией ЛеМенагер, поскольку ученые помещают в центр анализа аборигенов Аляски их опасения по поводу нефти и ее разрушительного влияния на жизнь природы и человека.

Выполненное на примере Усинского случая исследование отталкивается от идеи этих авторов о том, что альтернативные СМИ и медиаплощадки локальных сообществ должны занимать более заметное место в дебатах о разливах нефти (Widener & Gunter, 2007: 769). Официальный сайт Комитета спасения Печоры, издаваемая НКО газета «Экологический вестник» рассматриваются в этой статье как площадка для репрезентации маргинализированных голосов местных жителей и их публичного коллективного высказывания относительно социоэкологических нефтяных угроз. Комитет спасения Печоры в 1990-е гг. являлся главным представителем интересов жителей Печорского речного бассейна перед лицом нефтяных компаний. Поскольку создание организации было инициировано самими жителями сел и деревень в ответ на вызванную нефтяной добычей деградацию их речного дома, Усинская катастрофа 1994 г., ее причины и последствия для человека и природы в течение многих месяцев были центральной темой этих двух площадок.

Усинская катастрофа: хронология и полемика

С 1960-х гг. молодой город Усинск, недавно появившийся на карте Коми АССР, преподносился региональными властями как символ национальной гордости. Результатом нефтяного бума 1970-х гг. стало превращение огромных территорий тундры и лесов в пространство, пересеченное трубопроводами (Сметанин, 2004). Местными и центральными властями Усинск задумывался как базовый город для разработки так называемой большой нефти в советской Арктике. Однако история новой России показала, что Усинску суждено было стать столицей экологической катастрофы.

Несмотря на то, что со времени катастрофы прошло почти 30 лет, она по-прежнему оставляет много вопросов. В их числе нужно отметить дебаты о причинах аварии. По официальной версии, разлив был зафиксирован в августе 1994 г. По другим данным, коррозия трубопровода и незначительные протечки, которые в итоге привели к масштабному прорыву, были зафиксированы еще вес-

ной 1994 г.¹. Городское интернет-издание «Новости Усинска» в 2019 г. подготовило серию публикаций, посвященных годовщине разлива. Авторы отмечают, что разлив был обнаружен в августе или в сентябре 1994 г. Миллионы галлонов нефти вылились на землю, в ручьи и реки².

Информация о разливе не сразу появилась в прессе, поскольку местные и региональные чиновники, а также «Коминнефть» (компания, которая эксплуатировала трубопровод) пытались скрыть аварию (Luhn, 2016). По данным одной группы источников в СМИ, нефтяники продолжали перекачивать нефть через дырявую трубу в течение двух месяцев после прорыва, обнаруженного в августе³. Гринпис установил, что на самом деле в августе 1994 г. стал очевидным факт семимесячной утечки на трубопроводе. Это означает, что «нефтяные потоки» отравляли окружающую среду с начала весны 1994 г.⁴. В ноябре 1994 г. газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала отчет под названием «Русские изо всех сил пытаются ликвидировать разливы». Журналисты придерживались официальной версии, согласно которой разлив нефти начался в августе⁵.

Разлив такого масштаба для некоторых экспертов был предсказуем. В начале 1994 г. председатель Усинского комитета охраны природы В. Полшведкин заявил в печати, что разливы нефти наблюдались на ряде обрушившихся участков нефтепровода в Усинском районе⁶. В феврале 1994 г. произошла крупная авария, когда на землю и воду вылилось около 5 тыс. тонн нефтесодержащей жидкости. За два года до этой катастрофы, в 1992 г., на одном и том же нефтепроводе произошли две крупные аварии с загрязнением реки Колвы⁷.

Осенью 1994 г. Министерство энергетики США первоначально оценило разлив в 2 млн баррелей. Некоторые российские чиновники федерального уровня назвали эту цифру «провокацией», заявив, что фактический объем разлива составил 102 тыс. баррелей⁸. Региональные власти и вовсе отказывались видеть в произошедшем инциденте трагедию. Так, тогдашний глава Республики Коми Юрий Спиридонов утверждал, что в реку Печору не попало ни одной капли нефти. Но озера нефти, идущие по реке Печоре и ее притокам, рассказывали другую историю. Журналист Е. Соловьева в своем расследовании с места катастрофы в 2019 г. ссылается на воспоминания местных жителей о тех днях. В частности, Николай Федоров из села Кушора вспоминает: «Даже при сильном ветре на реке Печоре волн не было из-за толстого слоя нефти на воде»⁹.

Вопросы о том, когда и почему это произошло, также обсуждаются до сих пор. Представители компании «Коминнефть», эксплуатировавшей нефтепровод, подчеркивали значительные усилия по ликвидации разлива. Однако местные жители в своих комментариях отмечали, что заявления компании о ликвидации разливов нефти стали для них своего рода «старой шляпой». На протяжении нескольких месяцев после катастрофы «Экологический вестник» – печатное периодическое издание Комитета спасения Печоры – публиковало репортажи, открытые письма местных жителей и официальные заявления самой организации. В одном из писем местные жители подчеркивали, что они всю жизнь провели в окружении бесконечно протекающих трубопроводов с момента их постройки в советские времена¹⁰.

Среди местных жителей бытовала версия, что на ликвидацию последствий «Коминнефть» не потратила ни рубля собственных средств, поскольку российское правительство осенью 1994 г. догово-

¹ Kondratenko, T. (2021) Why Russia has so many oil leaks, *Deutsche Welle* (по решению Министерства юстиции России издание включено в список иноагентов). URL: <https://www.dw.com/en/russia-oil-spills-far-north/a-56916148> (accessed 23 April 2021).

² 25 лет назад на территории Усинского района произошла экологическая катастрофа. Часть 1, 2019, *Усинские новости*. URL: https://usinsk-novosti.ru/novosti/article_post/175366 (дата обращения: 20.12.2022).

³ Караваев, А. С. (2020) Катастрофа небывалых масштабов: как Россия справилась с произошедшим в 1994 году крупнейшим в истории разливом нефти, *Russia Today*. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/797781-razliv-neft-rekord-komi> (дата обращения: 02.11.2020).

⁴ Kondratenko, T. (2021) Why Russia has so many oil leaks, *Deutsche Welle*. URL: (<https://www.dw.com/en/russia-oil-spills-far-north/a-56916148>) (accessed: 23 April 2021).

⁵ Russians struggle to clean up spills, *The New York Times*, November 1, 1994, p. 14. URL: <https://www.nytimes.com/1994/11/01/world/russians-struggle-to-clean-up-spill.html> (accessed: 10 January 2022).

⁶ Экологический вестник (1994), 1, с. 5. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 19.09.2021).

⁷ 25 лет назад на территории Усинского района произошла экологическая катастрофа. Часть 2, 2019, *Усинские новости*. URL: https://usinsk-novosti.ru/novosti/article_post/175366 (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ Russians struggle to clean up spills, *The New York Times*, November 1, 1994, p. 14. URL: <https://www.nytimes.com/1994/11/01/world/russians-struggle-to-clean-up-spill.html> (accessed 10 January 2022).

⁹ Solovieva, E. (2019) A Journey across Russia's desolate oil region, *Greenpeace* (по решению Министерства юстиции России издание включено в список иноагентов). URL: <https://www.greenpeace.org/international/story/21011/a-journey-across-russias-desolate-oil-region/> (accessed 13 January 2021).

¹⁰ Экологический вестник (1994), № 9, с. 5. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 12.05.2021).

рилось с Всемирным банком и Европейским банком реконструкции и развития о предоставлении кредита. В 1994–1996 гг. «Коминнефть» получила 124 млн долларов на очистку и реконструкцию старых трубопроводов¹. Интересно, что если нефтяная компания денежный транш приняла, то региональные власти от международной помощи отказались. В октябре–ноябре 1994 г. Усинск посетили представители Гринпис и губернатор Аляски. Делегации предложили помощь в ликвидации последствий разлива, поскольку на Аляске были апробированы технологии работы после разливов похожих масштабов. Однако глава Коми Спиридонов категорически отказался от помощи США².

Таким образом, дебаты по делу Усинска показывают, как разливы нефти могут провоцировать борьбу между официальными и независимыми, национальными и международными СМИ, государственными и общественными деятелями. Если говорить о политике нефтяных компаний и властей по сокрытию масштабов и последствий, то Усинская катастрофа не является исключением из мировой практики. Американские нефтяные катастрофы также вызывают столкновения между разными сторонами по поводу цифр и причин. Разливы нефти в США свидетельствуют о стремлении ответственных сторон, прежде всего нефтяных компаний, избегать вопроса корпоративной ответственности (Gill & Picou, 2001; Sylves & Comfort, 2012; Wickman, 2013).

Усинская катастрофа сквозь призму голосов «снизу»

Как уже отмечалось, хорошо изучены в социальной литературе только случаи разлива нефти в США. Они показывают, что, с точки зрения коренных народов Аляски, разливы являются трагедией, не просто колоссальным образом меняющей их мир, а разделяющей их жизнь на до и после (Duerg, 1993; Picou, 2000; Picou et al., 2004). В этой части статьи поговорим о том, чем коренные жители Печорского речного бассейна похожи на аборигенов Аляски. Речь также пойдет о том, как Усинский разлив повлиял на активизацию деятельности Комитета спасения Печоры и спровоцировал активистскую деятельность «маленьких людей» по защите своих интересов.

Если говорить об оценках катастрофы местными жителями, то главной и наиболее часто встречающейся метафорой применительно к нефти является выражение «убийца реки». Тема смерти, гибели и конца истории чистой реки Печоры в целом доминирует в нарративах о тех днях. «Мертвая река», «мертвая вода», «отравленная Печора», «погибающая река», «убитая Печора» – таков набор метафор, который автор собрала в результате анализа публикаций 1994 г. Вот фрагмент выступления А. Габова на отчетной конференции НКО в августе 1994 г., который был заявлен как представитель жителей села Мутный Материк. Его слова опубликовал «Экологический вестник»³:

«Но можно ли сказать, что мы добились своих целей и Комитет спасения Печоры наконец-то спас Печору от гибели? Я бы утвердительно не ответил, хотя и был бессменным членом Комитета все эти пять лет. Я бы сказал больше: Печора-река сегодня нуждается в срочном спасении больше, чем пять лет назад. Великая река сегодня погибает в буквальном смысле».

Тема беспокойства за будущее реки дополняется призывами к активным коллективным действиям против разливов нефти. Анализ публикаций показывает еще одну неожиданную вещь: главной жертвой Усинской катастрофы местные жители считают не себя, а реку Печору⁴. В этом смысле они восприняли разлив как экзистенциальную катастрофу, разделившую их жизнь и жизнь их реки на две части – до и после. Река для них – это своего рода мост, связывающий настоящее с прошлым и будущим. Именно поэтому с августа и до конца 1994 г. в разных населенных пунктах Печорского бассейна, а также в нескольких городах республики регулярно проходили акции протеста. В номере за октябрь 1994 г. «Экологический вестник» опубликовал репортаж с акции протеста в Ухте и писал следующее:

«Акция 6 октября началась с пикетирования здания “Коминнефти”, сквер пестрел плакатами. Вот некоторые из них: “Отравление нефтью усинской земли – это экологическое преступление”, “Мы и наши дети живем на земле Коми. Это наша земля. Защитим ее от экологического бед-

¹ 25 лет назад на территории Усинского района произошла экологическая катастрофа. Часть 2, 2019, *Усинские новости*. URL: https://usinsk-novosti.ru/novosti/article_post/175366 (дата обращения: 20.12.2022).

² 25 лет назад на территории Усинского района произошла экологическая катастрофа. Часть 1, 2019, *Усинские новости*. URL: https://usinsk-novosti.ru/novosti/article_post/175366 (дата обращения: 20.12.2022).

³ Экологический вестник (1994). № 9, сентябрь 1994]. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ Экологический вестник (1994). № 10, октябрь 1994. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 12.05.2021).

ствия”, “Республика Коми – это наш дом, и никому не позволено гадить в этом доме”, “Кто ответит за преступления нефтяников?”¹

Этот фрагмент в целом иллюстрирует проактивную и требовательную реакцию местных жителей, как тех, кто непосредственно пострадал от катастрофы, так и тех, кого напрямую это не затронуло (например, жителей Ухты). Помимо протестных акций, именно члены Комитета, проживавшие в близлежащих к месту разлива селах, обнаружили поврежденный трубопровод и сообщили об аварии региональной прессе. Активисты инициировали и проводили общественные слушания в десятке сел и городов республики. Они также инициировали открытые письма и требования в ряд федеральных и региональных государственных органов. Масштаб протестов и высокий уровень их консолидации оказались неожиданными даже для членов и сторонников самой НКО. Вот что сообщал «Экологический вестник» в октябре 1994 г.²:

«Пожалуй, впервые так громко высказались участники движения из города Ухты. В протестах также приняли участие жители, не имевшие формального членства. На трагедию откликнулись и старшекласники».

В целях усиления общественного давления и привлечения внимания СМИ к экологической ответственности «Коминнефти» активисты Комитета спасения Печоры провели и обнародовали результаты расследования того, как годами компания скрывала плачевное состояние нефтепроводов. Уже к середине 1990-х гг. компания могла похвастаться внушительным списком аварий, вызванных изношенностью трубопроводов. В начале 1990-х гг. подобные случаи были зафиксированы жителями нескольких сел, расположенных вблизи районов добычи и транспортировки нефти³. На эти теперь уже исторические данные продолжают ссылаться мировые СМИ в репортажах о разливах нефти в России⁴.

Протестное движение в связи с катастрофой набрало такие обороты, что скрывать масштабы и последствия катастрофы было невозможно даже в пределах страны. Борьба и активность местных жителей привлекла внимание Гринпис и других глобальных экологических организаций, международных СМИ и иностранных правительств. Только благодаря международной огласке и давлению международного сообщества осенью 1994 г. Усинский разлив официально на уровне федерального правительства был признан «зоной экологического бедствия». Этот статус с территории был снят 20 лет спустя, в 2004 г.⁵. Характерно, что комиссия по чрезвычайным ситуациям Республики Коми в сентябре 1994 г. отказалась признавать данную аварию экологической катастрофой⁶.

Заключение

Анализ общественного движения в борьбе с Усинской нефтяной катастрофой показывает возможность и силу коллективной самозащиты «маленьких людей», столкнувшихся с большой проблемой. Иными словами, в данной работе предпринята попытка показать силу экологического низового сопротивления перед лицом безответственной корпоративной политики акул нефтяного бизнеса. Кейс-стади истории 1994 г. показывает, что сельские жители и рядовые граждане были вовсе не бессильны перед нефтяными корпорациями, владеющими неограниченными ресурсами давления и связями с политиками.

Описанный здесь пример ставит под сомнение аргумент зарубежных исследователей Русской Арктики о том, что для коренных народов традиционно характерен низкий уровень организованного сопротивления (Stammler, 2011). С другой стороны, опыт Комитета спасения Печоры соответствует оценке нефтяных катастроф, получившей развитие в русле политической экологии. По мнению С. Ле-Менажер, нефтяной разлив – это события, которые стимулируют социальную мобилизацию и гражданскую активность среди местных сообществ (LeMenager, 2016).

¹ Экологический вестник (1994). № 10, октябрь 1994. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 12.05.2021).

² Экологический вестник (1994). 9, сент. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 24.07.2021).

³ Экологический вестник (1994). 10, окт. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=349> (дата обращения: 12.05.2021); Экологический вестник (1993), 3, март. URL: <https://savepechora.ru/page.php?p=329> (дата обращения: 28.07.2021).

⁴ Bachman, J. (2010) Oil and ice: worse than the Gulf spill?, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-oil-idUSTRE6A71IL20101108> (accessed: 10 May 2021); Luhn, A. (2016, August 5). The town that reveals how Russia spills two Deepwater horizons of oil each year, *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/aug/05/the-town-that-reveals-how-russia-spills-two-deepwater-horizons-of-oil-each-year> (accessed: 12 April 2021).

⁵ Глебова, Е. (2020) Разливам здесь не место, *Коммерсант*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4425256> (дата обращения: 13.10.2021).

⁶ 25 лет назад на территории Усинского района произошла экологическая катастрофа, часть 2, *Усинские новости*, 5 сентября 2019. URL: https://usinsk-novosti.ru/novosti/article_post/175516 (дата обращения: 20.12.2022).

За прошедшие с момента катастрофы 30 лет подобных по масштабам разливов в России не происходило. Но проблема нефтяных разливов в России далека от разрешения¹. В 2016 г. газета *The Guardian* по итогам «нефтяного патруля» Гринпис в Коми опубликовала специальный отчет о разливах нефти. В нем отмечалось следующее: «Эти разливы относительно небольшие и редко привлекают внимание средств массовой информации. Но они быстро накапливаются, угрожая рыбным запасам, пастбищам и питьевой воде»² (Luhn, 2016). В мае 2021 г. в новостных лентах появилось сообщение об очередном крупном разливе нефтепродуктов на реке Колве в Коми, ответственность за который взял на себя «ЛУКОЙЛ-Коми»³. Последняя крупная нефтяная авария в России произошла недалеко от города Норильска в мае 2020 г. Более 20 тысяч тонн дизельного топлива просочилось в почву и воду на полуострове Таймыр. Авария в Норильске стала беспрецедентной по масштабам экологической катастрофой в российской Арктике⁴.

Если вернуться к Усинской катастрофе, то она ярко показывает актуальность аргумента Д. Орра о том, что «мы достаточно умны, чтобы создавать технологии, но недостаточно умны, чтобы безопасно их использовать» (Orr, 2004: 35). В отличие от ученых, интересующихся политической повесткой вокруг нефти, автор данной статьи проанализировала мнения, представления и оценки коренных жителей Коми по поводу ущерба нефтяного разлива. Исследование нефтяных катастроф показывает, что набор конфликтующих сторон не ограничивается корпорациями, правительствами, активистами, СМИ и экологами (Sakaeva, 2022). Нефтяные разливы ставят на повестку дня гораздо более сложный выбор – между природой и промышленностью, окружающей средой и экономикой, между живым и мертвым.

Список литературы / References

- Сметанин, А. Н. (2004) *История Коми*. Том 1. Сыктывкар, Коми книжное издательство, 456 с. [Smetanin, A. N. (2004) *Komi history [Istorija Komi]*. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 456 p. (In Russ.)].
- Шабаев, Ю. П., Истомин, К. В. (2017) «Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы и коми-пермяки как «другие» коми», *Этнографическое обозрение*, 4, сс. 99–114. [Shabaev, Yu. P., Istomin, K. V. (2017) 'Territoriality, ethnicity, administrative and cultural boundaries: Komi-Izhemtsy and Komi-Permyak as "other" Komi' ['Territorial'nost', jetnichnost', administrativnye i kul'turnye granicy: komi-izhemcy i komi-permjaki kak «drugie» komi'], *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, pp. 99–114. (In Russ.)].
- Andreyeva, N., Kryukov, V. (2008) 'The Russian Model. Merging Profit and Sustainability in: A. Mikkelsen, O. Langhelle (eds.) *Arctic Oil and Gas. Sustainability at Risk?* London: Routledge, pp. 240–287.
- Daley, P., James, B. (2004) *Cultural Politics and the Mass Media: Alaska Native Voices*. Urbana: University of Illinois Press.
- Orr, D. (2004) 'Reflections on Water and Oil', *Moebius*, 2 (2), pp. 17–21.
- Sakaeva, M. (2022) 'Rivers Through the Prism of Oil Spills: Native Voices from the Russian Arctic' in: M. Lehtimäki, A. Rosenholm, E. Trubina, N. Tynkkynen (eds.) *Cold Waters: Tangible and Symbolic Seascapes of the North*. Cham: Springer Polar Sciences, pp. 19–33. DOI:10.1007/978-3-031-10149-6_2.
- Slezkine, Y. (1994) *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Smith, C. (1993) 'News Sources and Power Elites in News Coverage of the Exxon Valdez oil spill', *Journalism Quarterly*, 70 (2), pp. 393–403. DOI: 10.1177/107769909307000214.
- Stammler, F. (2011) 'Oil Without Conflict? The Anthropology of Industrialization in Northern Russia' in: A. Behrends, P. Reyna, G. Schlee (eds.) *Crude Domination. An Anthropology of Oil*. Oxford: Berghahn Books, pp. 243–269.
- Sylves, R., Comfort, L. (2012) 'The Exxon Valdez and BP Deepwater Horizon Oil Spills', *American Behavioral Scientist*, 56 (1),

¹ Чупров, В. А. (2016) Реальная цена разлитой нефти, *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/03/28/635291-realnaya-tsena-razlitoi-nefti> (дата обращения: 04.06.2022).

² Luhn, A. (2016) The town that reveals how Russia spills two Deepwater Horizons of oil each year, *The Guardian*, URL: <https://www.theguardian.com/environment/2016/aug/05/the-town-that-reveals-how-russia-spills-two-deepwater-horizons-of-oil-each-year> (accessed: 10 May 2021).

³ Юшков, М. Л. Подобедова (2021) «Дочка» Лукойла оценила масштаб разлива нефтепродуктов в Коми, *РБК*. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/05/2021/60a077479a79476dd13a911c> (дата обращения: 20.06.2021).

⁴ Трубилина, М. (2020) Названы причины аварии на ТЭЦ в Норильске, *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2020/11/16/nazvany-prichiny-avarii-na-tec-v-norilске.html> (дата обращения: 20.05.2021).

- Gill, D., Picou, S. (2001) 'The Day the Water Died: the Exxon Valdez Disaster and Indigenous Culture' in: S. Biel (ed.) *American Disasters*. New York: New York University Press, pp. 277–299.
- Gill, D., S. Picou, L., Ritchie, S. (2011) 'The Exxon Valdez and BP Oil Spills', *American Behavioral Scientist*, 56 (1), pp. 3–23, <https://doi.org/10.1177/0002764211408585>.
- Rodríguez, H., Donner, W., Trainor, J. (2018) *Handbook of Disaster Research*. 2nd edition. Springer.
- LeMenager, S. (2016) *Living Oil: Petroleum Culture in the American Century*. New York: Oxford University Press.
- pp. 76–103, <https://doi.org/10.1177/0002764211413116>.
- Widener, P., Gunter, V. (2007) 'Oil Spill recovery in the Media: Missing an Alaska Native Perspective', *Society & Natural Resources*, 20 (9), pp. 767–783, DOI: 10.1080/08941920701460325.
- Wickman, C. (2013) 'Rhetorical Framing in Corporate Press Releases: the Case of British Petroleum and the Gulf Oil Spill', *Environmental Communication*, 8 (1), pp. 3–20, <https://doi.org/10.1080/17524032.2013.816329>.

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 31.10.2023

Статья принята к печати: 16.11.2023

THE ROLE OF ENVIRONMENTAL NGOs IN COMBATING OIL SPILLS: CASE OF THE USINSK DISASTER

M. M. Sakaeva

M. M. Sakaeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Faculty of International Relations and Political Studies,

Northwestern Institute of Management RANEPА.

E-mail: eu.sakaeva@gmail.com (ORCID: 0009-0001-8901-1165).

Abstract

Based on a case study of the Usinsk oil disaster in the Komi Republic, this article examines public debate on technological disasters in the context of the lives of indigenous peoples. Methodologically, the research is based on focusing on the voices "local" or the voices of "indigenous people". Empirically, the study is based on the series of publications by the NGO "Committee for the Rescue of Pechora". Local residents voiced their interests and demands through this NGO. The article shows how local communities, through their own print media and official websites, constructed, developed and promoted public debate about the consequences of the disaster and held those responsible to account. The key result of the study is that, despite being excluded from the decision-making process, the residents of the Pechora River basin had the potential for power and were able to take a proactive position in the system of confrontations provoked by the Usinsk disaster.

Keywords: ecological NGO; oil spills; Russian Arctic; indigenous people; Komi; media analysis.

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-89-101

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА МОЛОДЕЖИ

С. Б. Абрамова, Н. Л. Антонова

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
E-mail: s.b.abramova@urfu.ru (ORCID: 0000-0003-4010-8406).

Антонова Наталья Леонидовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.
E-mail: n.l.antonova@urfu.ru (ORCID: 0000-0002-2063-4970).

Аннотация

На материалах социологического исследования рассматривается взаимосвязь ответственности и гражданского активизма. Ответственность интерпретируется как осознание личной причастности к происходящему в жизни, способность человека выступить субъектом гражданской активности, под которой понимается вид общественных практик, нацеленных на участие граждан в решении актуальных социальных проблем, а также влияние в сфере принятия решений. Целью исследования стал анализ ответственности как фактора гражданского активизма. Авторами было проведено два исследования: онлайн-опрос молодых жителей Свердловской области в возрасте 14–25 лет (1150 респондентов); контент-анализ и дискурс-анализ заявлений волонтеров на участие в арт-кластере «Таврида» (1129 заявок). Показано, что ответственность за происходящее у молодежи находится на среднем уровне и снижается с увеличением социальной дистанции: молодежь проявляет это чувство в большей степени по отношению к ближнему контактному кругу, чем по отношению к стране в целом. Просоциальные мотивы менее выражены, чем эгоистические, но характерны для 80 % молодежи. 46 % волонтеров позиционируют себя как ответственных граждан в контексте дисциплинированности, результативности, старательности и прочего и используют при описании мотивации включения в гражданский активизм эмоционально-ценностные образы процветания Родины и любовь к стране. 95 % участников опроса принимают участие в онлайн- и офлайн-практиках активизма, при более активном выборе первых. Материалы исследования свидетельствуют, что современное молодое поколение демонстрирует гражданское самосознание, чувство ответственности и стремится преобразовать мир вокруг себя. В заключении представлены основные выводы и дискуссионные вопросы, определяющие направление дальнейшего изучения данной темы.

Ключевые слова: ответственность; гражданский активизм; молодежь; мотивы; поколение Z.

Введение

Современная гражданская активность молодого поколения – проблема, которая последнее десятилетие включена в поле социогуманитарного исследовательского анализа. Вовлеченность в гражданские инициативы меняет представления человека о самом себе и своей роли в общественной системе, повышает самооценку, способствует самореализации на благо общества (Трофимова, 2015: 77). Как справедливо отмечает Е. Л. Омельченко, гражданская активность связана с желанием участвовать в общественных преобразованиях, а ключевым моментом в измерении связи индивида и общества становятся его представления об общественной пользе (Омельченко, 2010: 66).

Современные исследователи отмечают, что гражданский активизм предстает как вид общественных практик, нацеленных на участие граждан в решении актуальных (локальных / глобальных)

социальных проблем для достижения блага, а также влияние в сфере принятия решений на различных уровнях (Герасимова, 2021; Barrett, 2019). Неравнодушие к конкретным социальным проблемам, которое проявляется в повседневности, служит спусковым механизмом в определении гражданских инициатив (Маульшариф, 2022: 74). Согласно И. А. Бронникову, основной вектор гражданского активизма – заявление и последующее решение проблем общественного беспокойства (Бронников, 2020: 9).

В академическом дискурсе предлагается широкий спектр типологий гражданской активности: выделяются практики индивидуальные / коллективные; пассивные / активные; политические / неполитические (Adler, 2005). Объединяющим для всех типологизированных групп началом выступает субъектность индивида как представителя группы / сообщества и идентификация с ней. Н. Н. Седова обращает внимание на возможность «профессионализации» гражданского активизма, формирования устойчивых групп участников, которые в него интенсивно вовлечены (Седова, 2014).

В условиях экспансии цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека актуализировались исследования онлайн-активизма сквозь призму его влияния как на результаты деятельности активистов, так и на мобилизацию граждан в реальные практики гражданского участия (Christensen, 2011; Бродовская, 2019; Ахременко, 2020). Сочетание разных форм онлайн- и офлайн-активности становится новой гибридной формой гражданского активизма (Teocharis, 2015), причем помимо разных наборов навыков онлайн- и офлайн-действия требуют и разного количества ресурсов (Milosevic-Dordevic, 2017).

Несмотря на дискуссионные оценки эффективности онлайн- и офлайн-активности, гражданский активизм в целом является инструментом публичного диалога, и его фундаментом выступает осознаваемая личная ответственность индивида за социальное благополучие и целенаправленные действия, ориентированные на его достижение в соответствии с позицией человека как гражданина. При этом условием социальной ответственности в целом и активизма в частности выступает свобода самоосуществления – в выборе направления, сферы, путей самовыражения (Апресян, 1997). В эпоху постмодерна происходит переориентация ценностей: от максимизации экономического роста к максимизации благополучия через изменение образа жизни (Inglehart, 2018), то есть социальная ответственность есть способность человека выступить субъектом гражданской активности: это осознание личной сопричастности к происходящему в жизни, которое приводит к действиям в социокультурном и политическом пространствах. Ответственность выступает внутренней мотивацией поведения личности, встраиваясь в систему социальных взаимодействий. Вовлечение в решение вопросов социальной жизни оказывает положительное влияние на гражданское самосознание, а взятие на себя ответственности и принятие решений в практиках гражданского активизма приводит к значительному росту внутренней (ценностной) значимости этой деятельности для участников (Bird, 2020).

Вместе с этим наблюдается социальная пассивность и инфантилизм молодого поколения, которые связаны с отсутствием желания нести ответственность за себя, принимать участие в общественной (Огарева, 2021) и политической (Селезнева, 2023) жизни, несмотря на тот факт, что молодежь – это субъект общественного производства, реализующий воспроизводственную, инновационную и трансляционную функции (Зубок, 2017). В этой связи особый интерес и практическую ценность приобретает исследование ответственности как источника и фактора гражданского активизма.

Методологи и методика исследования

Основной целью нашего исследования стал исследовательский анализ ответственности как фактора гражданской активности молодого поколения. В ходе разработки концептуальной модели исследования мы выделили следующие направления измерения взаимосвязи ответственности и гражданской активности. Первое направление – ценностно-аффективное: активизм рассматривался как проявление чувства ответственности за происходящие события. Мы обратились к понятию социальной дистанции как условного расстояния, характеризующего степень близости социальных групп и индивидов, ощущаемого агентами социального взаимодействия и определяющего социальный круг, на который они распространяют свою ответственность (Беляева, 2018). Нами выделены такие уровни ответственности в зависимости от социальной дистанции, как контактно-групповой (семья, друзья, коллеги), локально-территориальный (дом, двор, город), национально-гражданский (страна). Второе направление – потребностно-мотивационное: индикатором является наличие ответственности в

структуре мотивов гражданской активности. Третье направление – деятельностное: обусловленность вовлеченности молодежи в офлайн- и онлайн-практики гражданского активизма чувством ответственности и мотивами ответственного гражданства. Кроме того, в качестве теоретико-методологической основы изучения мотивации был взят подход У. Кимличка (Kumlicka, 2012), рассматривающего ответственное гражданство как социальный проект, в котором процесс гражданизации устанавливает те возможности, в рамках которых жители могут участвовать в формировании социальных отношений на основе ценностей согласия и свободы. Мы выделили в структуре мотивов активизма индивидуализированные (эгоцентрические) и гражданско-ответственные (просоциальные) мотивы. Первые ориентированы на развитие собственных потенций, удовлетворение потребностей самореализации, карьеры и т.п. Мотивы ответственного гражданства предполагают социоцентричность, социальную полезность и результативность, в более узком смысле – выполнение своего гражданского и нравственного долга.

В работе мы опираемся на результаты двух эмпирических исследований. Первое было организовано авторами в сентябре 2022 г. Опрос молодых жителей Свердловской области проводился сочетанием онлайн-анкетирования (поточковая неслучайная выборка) и раздаточного анкетирования (целевая выборка учащейся молодежи). Всего опрошено 1150 человек в возрасте 14–25 лет. Для построения выборочной совокупности был осуществлен квотный отбор с учетом следующих характеристик: пол (57 % женского пола, 43 % мужского), возраст (45 % в возрасте 14–17 лет, 46 % 18–22-летних и 11 % в группе 23–25 лет), род занятости, тип населенного пункта. Территориальное распределение учитывало включение жителей областного центра (Екатеринбург, 61 % опрошенных), больших и средних городов (10 %), малых городов (29 %). Категория учащейся молодежи представлена школьниками 8–11 классов (14 % респондентов), учащимися начального профессионального образования (НПО, 4 %), среднего профессионального образования (СПО, 34 %) и высших учебных заведений (38 %). 20 % опрошенных сочетают учебу и трудовую занятость, 10 % представляют только работающую молодежь. Полученные в ходе опроса данные были обработаны с использованием статистического пакета SPSS, применялись специальные методы работы с социологическими данными: построение одномерных и двумерных частотных распределений, корреляционный анализ, расчет индексов.

Второе исследование проведено авторами в феврале 2023 г. методами контент-анализа и дискурс-анализа: была изучена волонтерская база анкет арт-кластера «Таврида» из 1129 заявлений при рекруте волонтеров в 2019 г. База была предоставлена организаторами арт-кластера в 2020 г. в рамках работы над магистерской диссертацией П. А. Хоровой, осуществляемой под научным руководством С. Б. Абрамовой. Карта контент-анализа включала смысловые единицы (ответственность, польза, гражданин, активность и др.), в качестве единицы счета выступал факт упоминания. Дискурс-анализ текстов в разделе «О себе» позволил расширить представления о содержательном наполнении понятий, связанных с ответственным гражданством и используемых молодыми волонтерами для описания своих качеств и мотивов.

Результаты исследования

Материалы исследования свидетельствуют, что 94 % молодежи в той или иной мере готовы нести ответственность за происходящие события на уровне семьи / друзей / работы / учебы, 72 % – на уровне дома / двора, 65 % – на уровне города и 63 % – на уровне страны в целом. Есть важное различие в интенсивности чувства ответственности: на ближний круг приходится позиция значительной готовности отвечать за происходящее, но начиная с локально-территориального уровня преобладают участники исследования с незначительной мерой ответственности, а высокая включенность резко снижается с 70 до 20 %.

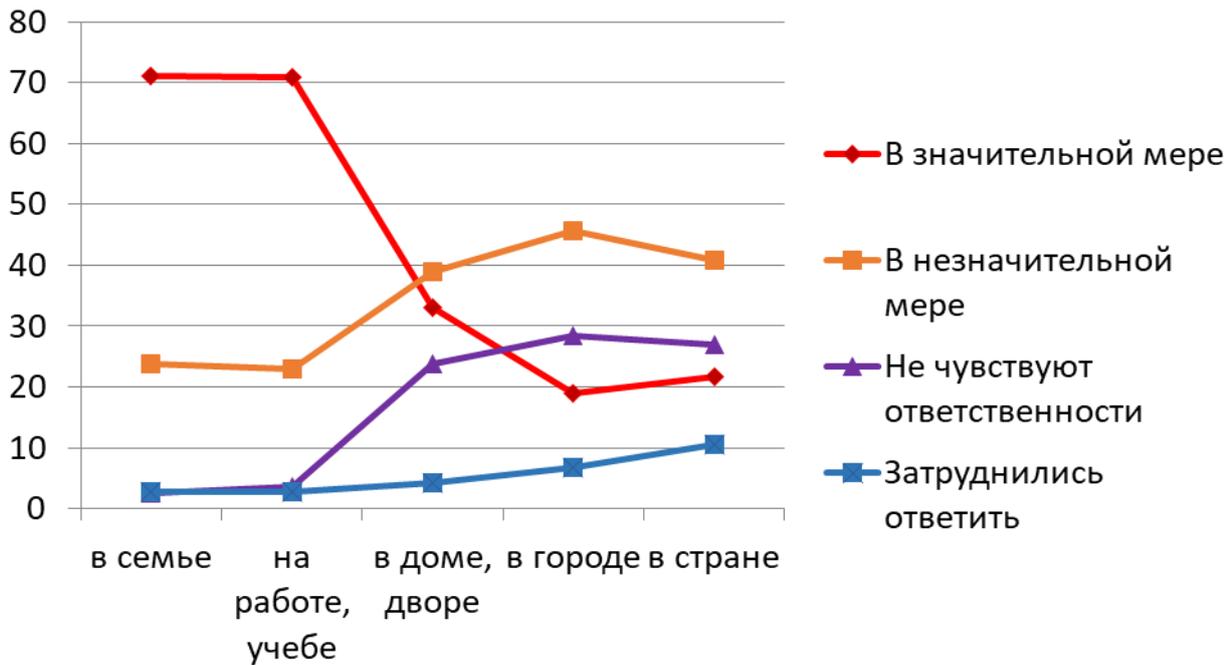

Рис. 1. Чувство ответственности в зависимости от социальной дистанции, в %

Для фиксации интенсивности чувства ответственности был рассчитан индекс гражданской ответственности в соответствии с готовностью брать ее на себя за происходящее на всех уровнях социальной дистанции (рис. 1). Ответу «чувствую ответственность в значительной мере» присваивается 1 балл, в «незначительной мере» – 0,5 балла, «не чувствую» или «затрудняюсь оценить» – 0 баллов (включение затруднившихся ответить в эту категорию обосновывается неосознанностью гражданской позиции этих респондентов, а также близостью ответов на другие вопросы с теми, кто не чувствует ответственности). Сумма, набранная каждым респондентом, нормируется делением на 5 и умножением на 100, и значение индекса гражданской ответственности может изменяться от 0 до 100 баллов.

Какие факторы связаны с уровнем гражданской ответственности современной молодежи? Согласно проведенному корреляционному анализу (достоверные взаимосвязи между характеристиками описывались коэффициентом линейной корреляции Пирсона r при уровне значимости $p < 0,01$), к значимым факторам можно отнести пол, возраст, тип населенного пункта, тип учебного учреждения (для учащейся молодежи) и уровень образования (для работающей молодежи). Участники исследования мужского пола демонстрируют более высокую ответственность, чем девушки (63 и 58 баллов соответственно). У самых молодых (14–17-летних) участников наиболее высокий балл чувства ответственности (64), который снижается в возрастной группе 18–22 лет (57) и вновь увеличивается в 23–25 лет (62). Жители малых городов – самые ответственные (69 баллов), а мегаполисы – с наименьшим баллом (56). Среди учащейся молодежи наименьшие показатели по индексу гражданской ответственности имеют школьники (54 балла, при этом учащиеся образовательных школ с более низким значением – 48, а гимназий и лицеев с более высоким – 58), такой же уровень выявлен у студентов высших учебных заведений (54). Учащиеся СПО демонстрируют более высокий уровень (68 баллов), а НПО – наивысший (74). Работающие участники опроса с высшим образованием также ощущают ответственность в меньшей степени (58 баллов), чем респонденты со средним специальным (67) или начальным профессиональным (74) образованием.

В исследованиях гражданской ответственности российскими исследователями фиксировался более низкий ее уровень у молодежи в сравнении с другими возрастными категориями, а также был определен ряд факторов, оказывающих влияние на ее проявление. Так, ответственных граждан можно было чаще встретить среди тех, кто доверяет друг другу, располагает ресурсами (имеет высшее образование, более высокий уровень дохода, занимает руководящие должности), проживает в городах-миллионниках [Ответственность, взаимопомощь, 2012]. Следовательно, ряд тенденций, характеризующих уровень гражданской ответственности десятилетием ранее, не проявляется у современной городской молодежи: жители мегаполиса менее ответственны, высокое образование или должность

не обеспечивают более высокую вовлеченность в практики гражданской активности, в основе которых чувство ответственности.

В нашем исследовании мы выделили следующие уровни гражданской ответственности молодежи. Отметим, что в целом среднее значение этого индекса для городской молодежи Свердловской области составляет 60 баллов (зона границы среднего и выше среднего уровней).

1. Высокий (80–100 баллов). 30 % молодежи обладают высоким чувством ответственности, из них 11 % ощущают максимальную ответственность на всех уровнях социальной дистанции. Эта категория чаще встречается среди мужчин, 14–17-летних учащихся НПО, работающих с начальным и средним профессиональным образованием, проживающих в малых городах. Безусловно, среди других социально-демографических групп также есть представители данного типа, но в менее представленном количестве.

2. Выше среднего (60–79 баллов). Еще 30 % молодежи тяготеют к высокому уровню, но проявляют чуть меньшую ответственность. Здесь активнее представлены учащиеся лицеев, СПО и вузов, работающая молодежь с высшим образованием в возрасте 23–25 лет, жители средних городов и мегаполисов.

3. Средний (40–59 баллов). 23 % опрошенных демонстрируют две модели ответственности: первая – высокую степень заинтересованности респонденты проявляют к тому, что происходит на контактно-групповом и локально-территориальном уровнях в сочетании с практически отсутствием интереса к событиям в стране (18 %); вторая – равная представленность самооценки чувства гражданской ответственности на всех уровнях социальной дистанции (5 %).

4. Ниже среднего (20–39 баллов) – 15 % и низкий (менее 20 баллов) – 2 %. Ядро составляют жители мегаполиса (Екатеринбурга) в возрасте 18–22 лет в основном учащиеся образовательных школ и вузов.

Мотивация участия в гражданских инициативах расценивается нами как свободное решение жителя взять на себя больше ответственности за решение социально значимых проблем на уровне местного сообщества, города или даже страны. С одной стороны, это максимально индивидуализированное желание, это решение является самостоятельным и может быть в любой момент изменено без социальных санкций. С другой стороны, нормативная модель ответственного гражданства, предлагаемая обществом прежде всего молодому поколению, предполагает наличие ряда личностных качеств, ожидаемых от активного и ответственного гражданина, таких как проявление заботы о других, готовность участвовать в дискуссиях и практиках гражданского общества, солидаризм и др.

Лидирующие позиции в системе мотивации участия в гражданских инициативах молодежи занимают мотивы индивидуализированной группы (табл. 1): более половины респондентов указали на значимость для них общения с интересными людьми, получения новых знаний и опыта, а также продвижения собственных идей. Большинство мотивов ответственного гражданства являются среднезначимыми – их выбирают 25–47 % опрошенной молодежи. Ведущим гражданско-ответственным мотивом выступает желание изменить ситуацию в своем городе и стране, оказать помощь другим людям, защитить свои права и получить опыт общественно-политической деятельности. Полученные данные согласуются с нашим исследованием мотивации неполитической активности молодежи города Екатеринбурга ($n = 800$), проведенном в 2020 г., согласно которому 47 % респондентов выразили желание помочь людям и 16 % – изменить мир к лучшему (Антонова, 2022: 251).

Особый интерес представляет позиция молодежи следовать в практиках гражданского активизма исполнению гражданского и нравственного долга. Социальная ответственность в этом смысле есть готовность субъекта регулировать свою деятельность в соответствии с долгом (Байлук, 2016). Выбор гражданского долга чаще делают жители мегаполиса и больших городов, женщины, люди в возрасте 23–25 лет, а также студенты высших учебных заведений.

В целом 80 % опрошенных демонстрируют ориентацию на ответственное гражданство. Отсутствие в структуре мотивации гражданско-ответственных мотивов более характерно для жителей малых городов, мужчин, подростков 14–17 лет, которые учатся в школах, а также учащихся НПО и СПО. Можно предположить, что в условиях, характеризующихся ограниченностью социальных ресурсов – в малых городах, «неэлитной» образовательной среде, усиливается значимость гражданского активизма как ресурса самореализации и индивидуальной мобильности.

Структура мотивов участия в гражданских инициативах, в %

№ п/п	Мотивы	%
	ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫЕ	307,6
1	Общение с интересными людьми	61,0
2	Получение новых знаний, квалификации, опыта работы	52,8
3	Продвижение своих идей, самореализация	50,3
4	Полезные знакомства, связи с влиятельными людьми	47,2
5	Любимое дело, хобби	33,0
6	Уважение окружающих	27,3
7	Опыт лидерства	25,7
8	Возможность быть известным и узнаваемым	10,3
	ГРАЖДАНСКО-ОТВЕТСТВЕННЫЕ	209,6
9	Улучшение жизни в своем городе, стране, сделать мир лучше	47,3
10	Удовлетворение от возможности помогать людям	40,0
11	Защита своих прав	33,0
12	Опыт общественно-политической деятельности	31,7
13	Причастность к общему делу	24,9
14	Исполнение гражданского и нравственного долга	19,4
15	Оказание давления на власть	13,3

Мера рефлексии молодежью востребованности качеств гражданско-ответственной направленности была проанализирована в заявках волонтеров на участие в арт-кластере «Таврида». Раздел «О себе» предполагал свободное изложение любой информации о личностных качествах. В ходе содержательного анализа текстов самопрезентации были выделены ключевые слова, указывающие на мотивы и личностные характеристики, связанные с ответственным гражданским активизмом.

Прямое упоминание ответственности как свойства личности присутствует в 216 анкетах из 1129 (19 %), в 33 самоописаниях она занимает безусловное лидерство. В подавляющем большинстве случаев ответственность – это личное качество, которое приписывается самому себе и не содержит указания на обстоятельства, условия и т.д. В 192 случаях ответственность перечисляется наряду с другими свойствами личности: «активная, ответственная, целеустремленная, стрессоустойчивая и спокойно разрешаю конфликты», «активность, задор, неутомляемость», «дружелюбна, ответственна, пунктуальна» (рис. 2).

развития («помогаю раскрыться людям творчески»), на помощь как социальную ценность («считаю важным развитие взаимопомощи»).

Близким контекстом обладает понятие отзывчивости (18 случаев упоминания) – оно более личностное, описывается через внутреннюю готовность помогать («если кому-то нужна помощь – я тут как тут»), проявление внимания и интереса («ведь мне небезразличны судьбы людей»), эмоциональную чуткость и позитивную настроенность («умение поднять настроение всем»), инициативность («всегда спешу на помощь, даже если не просят»). Усилителем отзывчивости является неравнодушие (17 упоминаний) – это качество переходит на уровень эмоционального отношения не только к людям, но и к городу, стране: «я равнодушный житель города», «я очень ценю равнодушных людей, умеющих взять ответственность за жизнь в стране на себя», «равнодушна к экологическим проблемам города».

Акцентирование на просоциальную мотивацию выражается в желании приносить пользу (содержится в 34 заявках). Здесь важно выделить несколько аспектов: методы принесения пользы («дарить», «делиться», «приносить», «обмениваться», «видеть позитивное», «быть нужной»), объекты пользы («энергия», «положительные эмоции», «идеи», «полезные навыки», «знания», «невероятные вещи, которые будут приносить пользу»), субъекты пользы («все желающие», «общественные нужды», «нестандартные задачи», «нуждающиеся в помощи», «общество», «настроение мероприятий»), критерии эффективности пользы («продуктивность», «мне важно чувствовать себя полезной», «веду деятельность, приносящую пользу», «работа не за деньги, а за идею», «достижение полезных для общества целей, творческой реализации всех»). Особое значение имеет контекст Родины в риторике самоописания пользы: слово «патриот» применяется крайне редко (четыре раза), молодые активисты предпочитают использовать более эмоциональные и образные утверждения (29 анкет): «человек, всем сердцем желающий способствовать развитию России», «человек, стремящийся внести вклад в устойчивое развитие и процветание Родины», «очень люблю свою страну, я подалась с целью помочь настоящим талантам нашей огромной страны», «думаю о будущем своей Родины», «тружусь на благо своей малой родины»). Тем не менее «связь с эмоциональной сферой и чувством любви к Родине делают патриотизм важным объектом символической политики» (Мартынов, 2020: 116). В целом 435 (39 %) претендентов на участие в арт-кластере описывают себя в категориях «активного» человека. При этом демонстрируют не только намерение «изменить жизнь людей к лучшему», «нести добро людям и делать мир светлее», но и рутинизируют эти процессы в повседневной жизни, то есть «менять все вокруг себя к лучшему» становится образом и стилем жизни современных активистов. Исследовательские материалы продемонстрировали, что в 523 (46 %) анкетах-заявках содержатся мотивы ответственного гражданства.

Насколько участники нашего опроса вовлечены в реальные практики гражданского активизма? Им были предложены списки возможных действий, раскрывающих гражданское участие (табл. 2): онлайн-формы включали перечень из 22 вариантов действий, офлайн – 13. По результатам было выделено четыре степени вовлеченности: высокая – в предложенном списке указано больше половины форм участия, средняя – использовали несколько форм участия, но менее половины списка, низкая – практиковали одну-две формы офлайн- и / или одну-четыре формы онлайн-активизма, и неучастники – ничего не использовали.

Таблица 2

Степень вовлеченности в гражданский активизм в зависимости от формы активизма и индекса гражданской ответственности

Степень вовлеченности	Доля, %		Среднее значение индекса гражданской ответственности, балл (от 0 до 100)	
	Офлайн-активизм	Онлайн-активизм	Офлайн-активизм	Онлайн-активизм
Высокая	5,6	12,4	67	70
Средняя	36,0	37,0	62	60
Низкая	36,9	40,1	58	58
Отсутствует	21,6	10,5	59	58

Интенсивность включения в практики гражданского активизма зависит от чувства ответственности за происходящее: высокововлеченные молодые люди имеют более высокий показатель индекса гражданской ответственности. При этом различие в индексе не является категорично большим: среди неучастников активизма он сохраняет среднее значение. Это означает, что чувство ответственности выступает как значимый, но не определяющий фактор гражданского участия. Как было показано выше, в структуре мотивов преобладает индивидуализированная направленность, исходя из которой даже в подгруппе с низким чувством ответственности 71 % принимали участие в офлайн-, а 82 % – в онлайн-активизме (в подгруппах со средним, выше среднего и высоким индексом гражданской ответственности 80 и 89 % соответственно).

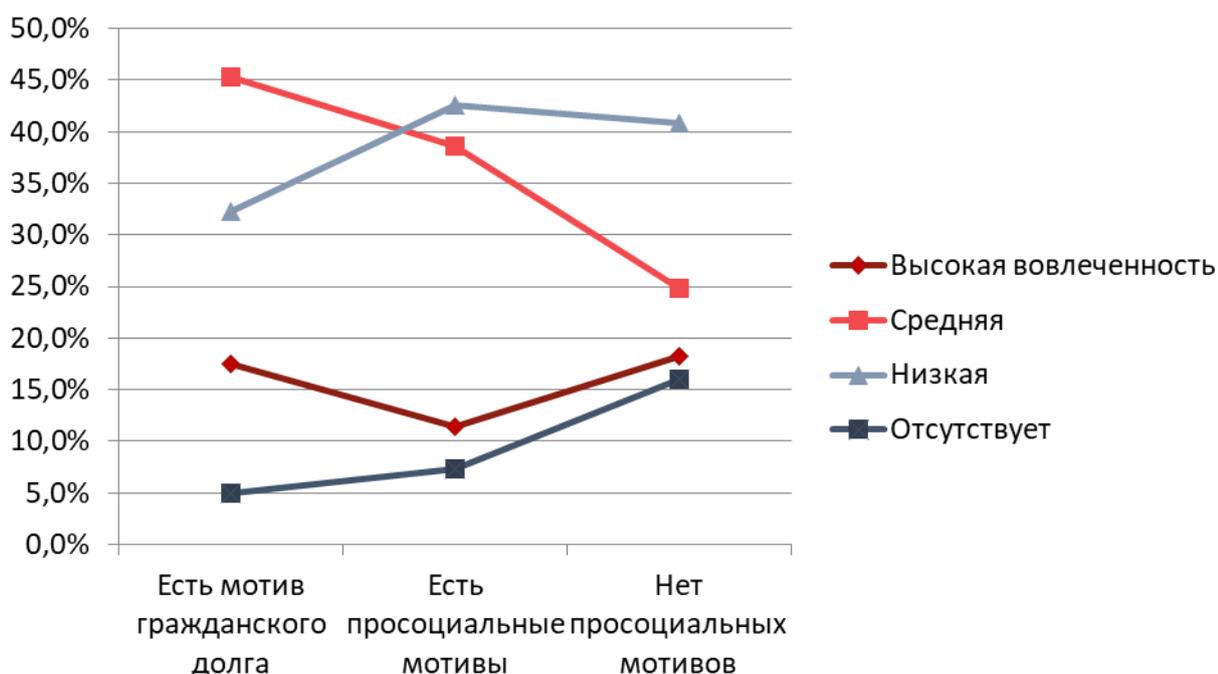

Рис. 3. Уровень вовлеченности в гражданский цифровой активизм в зависимости от наличия мотивов ответственного гражданства

Заключение

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам. Наблюдается тенденция снижения уровня ответственности молодежи за происходящее с увеличением социальной дистанции: это чувство в большей степени проявляется в ближайшем окружении (семья / друзья / работа / учеба), чем по отношению к стране в целом. Гражданская ответственность в различных социально-демографических группах находится на среднем и выше среднего уровнях, попадая в диапазон 54–75 баллов из 100 возможных. Рост доступа к различным капиталам (образовательным, финансовым и иным) и более высокие социальные статусы не обеспечивают соответствующего увеличения чувства гражданской ответственности, однако повышают присутствие просоциальных мотивов в структуре мотивации гражданского активизма. Целевые установки ответственного гражданства активно используются волонтерами при свободном (неподсказанном) описании своих личностных качеств и мотивации гражданского участия. Ответственность в их описаниях получает расширительное значение через контексты дисциплинированности, результативности, старательности и др. Избегая слов с основой «гражданин», волонтеры используют эмоционально и ценностно насыщенные образы процветания Родины и любви к стране. 95 % участников опроса принимают участие в онлайн- и офлайн-формах активизма, при более активном выборе первых. Нами показано, что наличие высокого чувства ответственности и мотивов ответственного гражданства повышает интенсивность вовлечения в реальный активизм, но не приводит к большим разрывам в практиках гражданской активности молодежи с разным уровнем ответственности. Считаем, что важно создавать структуры и механизмы для вовлечения молодых людей в обсуждение и принятие решений на всех уровнях (совещательные форумы, молодежные советы, консультативные мероприятия и др.). Активисты с высоким чувством

гражданской ответственности и сформированными мотивами ответственного участия могут выступать в качестве лидеров и «узлов» коммуникации как между участниками гражданских сообществ, так и между различными субъектами социально-политического процесса. Высокая ответственность, присущая этой категории, станет гарантом доверия и будет обеспечивать социально востребованную направленность развития гражданских инициатив.

Проведенное исследование позволило нам выделить ряд вопросов, имеющих дискуссионный характер, которые могут создать перспективу дальнейшего исследования данной проблематики. Во-первых, гражданский активизм молодежи зачастую расценивается с использованием «исходящих сверху» показателей (Brady, 2020), которые определяются социальными институтами и организациями и т.п. Рассмотрение мотивов участия в гражданских проектах в контексте ответственности самой молодежи позволит, на наш взгляд, посмотреть на активизм с позиции свободного, творческого и новаторского выбора молодежи. Во-вторых, наблюдается противоречие в ответах участников из малых городов: при более высоком уровне чувства гражданской ответственности их структура мотивации имеет более индивидуализированный характер (в сравнении с жителями городов других типов). Мы не встречали исследований, позволяющих понять степень декларативности ответов на данные вопросы, и видим здесь возможность для изучения влияния факторов объективного порядка (материальных, образовательных, трудовых и иных ресурсов, доступных молодым жителям малых городов) и степени нормативного давления образа ответственного и активного гражданина.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и правительства Свердловской области № 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

Список литературы / References

- Антонова, Н. Л., Абрамова, С. Б., Гурарий, А. Д. (2022) 'Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры', *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(1), сс. 243–257. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.13. [Antonova, N. L., Abramova, S. B., Gurarii, A. D. (2022) 'Classification of non-political participation practices of urban youth: Forms, motivation, barriers' [Tipologizatsiya praktik nepoliticheskoy aktivnosti gorodskoj molodezhi: formy, motivatsiya, bar'ery'], *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(1), pp. 243–257. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.13. (In Russ.)].
- Апресян, Р. Г. (1997) *Гражданское общество: участие и ответственность, Неконцептуальный сборник*. Москва: Аслан. [Aprasyan, R. G. (1997) *Civil Society: Participation and Responsibility. Non-conceptual collection* [Grazhdanskoe obshchestvo: uchastie i otvetstvennost'. Nekontseptual'nyi sbornik]. Moscow: Aslan Publ. (In Russ.)].
- Ахременко, А. С., Стукал, Д. К., Петров, А. П. (2020) 'Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных', *Политические исследования*. 2, сс. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06. [Akhremenko, A. S., Stukal, D. K., Petrov, A. P. (2020) 'Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives' [Set' ili tekst? Faktory rasprostraneniya protesta v social'nyh media: teoriya i analiz dannyh], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06. (In Russ.)].
- Байлук, В. В. (2016) 'Свобода, ответственность и социальная ответственность студентов', *Педагогическое образование в России*, 2, сс. 7–23. [Bayluk, V. V. (2016) 'Freedom, responsibility and social responsibility of students' [Svoboda, otvetstvennost' i sotsial'naya otvetstvennost' studentov], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2, pp. 7–23. (In Russ.)].
- Беляева, Л. А. (2018) 'Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 18(1), сс. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72. [Belyaeva, L. A. (2018) 'Social distances as a feature of the contemporary Russian social space' [Sotsial'nye distantsii kak kharakteristika sotsial'nogo prostanstva sovremennoi Rossii], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*, 18(1), pp. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72. [Belyaeva, L. A. (2018) 'Social distances as a feature of the contemporary Russian social space' [Sotsial'nye distantsii kak kharakteristika sotsial'nogo prostanstva sovremennoi Rossii], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya*, 18(1), pp. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72. (In Russ.)].

- iya: Sotsiologiya*, 18(1), pp. 58–72. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72. (In Russ.).
- Бродовская, Е. В., Хуанг, Т. (2019) ‘Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи’, *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5, сс. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01. [Brodovskaya, E. V., Huang, T. (2019) ‘Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth’ [Cifrovoe pokolenie: grazhdanskaya mobilizatsiya i politicheskij protest rossijskoj molodezhi], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 5, pp. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01. (In Russ.).
- Бронников, И. А. (2020) ‘Гражданский активизм в сетевых сообществах’, *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 1, сс. 7–18. [Bronnikov, I. A. (2020) ‘Civic activism in network communities’ [Grazhdanskij aktivizm v setevyh soobshchestvah], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 1, pp. 7–18. (In Russ.).
- Герасимова, Г. И., Швецова, О. В. (2021) ‘Теоретические подходы к исследованию гражданской активности молодежи’, *Теория и практика общественного развития*, 10, сс. 15–18. DOI: 10.24158/tipor.2021.10.1. [Gerashimova, G. I., Shvetsova, O. V. (2021) ‘Theoretical approaches to research on young people’s civic engagement’ [Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu grazhdanskoi aktivnosti molodezhi], *Theory and Practice of Social Development*, 10, pp. 15–18. DOI: 10.24158/tipor.2021.10.1. (In Russ.).
- Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2017) ‘Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы’, *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / отв. ред. М. К. Горшков. Москва: Новый Хронограф*, сс. 12–48. [Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2017) ‘Contemporary Sociology of Youth: Changing reality and new theoretical approaches’ [Sovremennaya sotsiologiya molodezhi: izmenyayushchayasya real'nost' i novye teoreticheskie podkhody]. *Russia in reform: yearbook: issue 15* [Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: vyp.15], ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Novyi Khronograf Publ., pp. 12–48. (In Russ.).
- Мартынов, М. Ю., Фадеева, Л. А., Габеркорн, А. И. (2020) ‘Патриотизм как политический дискурс в современной России’, *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. [Martynov, M. Yu., Fadeeva, L. A., Gaberkorn, A. I. (2020) ‘Patriotism as Political Discourse in Contemporary Russia’ [Patriotizm kak politicheskij diskurs v sovremennoj Rossii], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. (In Russ.).
- Маульшариф, М., Рахимбекова, Б. К., Сейсебаева, Р. Б. (2022) ‘Религиозность и гражданский активизм молодежи в Казахстане: потенциальная связь и возможные противоречия’, *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*, 3(82), сс. 71–82. DOI: 10.26577/JPoS.2022.v82.i3.07. [Maulsharif, M.; Rakhimbekova, B.; Seisebayeva, R. (2022) ‘Religiosity and civic activism of youth in Kazakhstan: potential link and possible contradictions’ [Religioznost' i grazhdanskij aktivizm molodezhi v Kazahstane: potencial'naya svyaz' i vozmozhnye protivorechiya], *Vestnik KazNU. Seriya psihologii i sociologii*, 3(82), pp. 71–82. DOI: 10.26577/jpps.2022.v82.i3.07. (In Russ.).
- Огарева, Е. И., Лик, Н. В., Сероштанов, Д. А. (2021) ‘Трансформация взрослости в эпоху цифровизации’, *Управленческое консультирование*, 12, сс. 138–144. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-12-138-144. [Ogareva, E. I., Lik, N. V., Seroshtanov, D. A. (2021) ‘The Transformation of Adulthood in the Digital Age’ [Transformatsiya vzroslosti v ehpokhu tsifrovizatsii], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 12, pp. 138–144. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-12-138-144. (In Russ.).
- Омельченко, Е. Л. (2010) ‘Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла’, *Журнал исследования социальной политики*, 3(1), сс. 59–86. [Omelchenko, E. L. (2010) ‘Youth Activism in Russia in Context of Global Transformation’ [Molodezhnyj aktivizm v Rossii i global'nye transformacii ego smysla], *Zhurnal issledovaniya social'noj politiki*, 3(1), pp. 59–86. (In Russ.).
- ‘Ответственность, взаимопомощь и доверие в российском обществе’ (2012) ФОМ. 30 авг. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10605>

- (дата обращения: 10.03.2023) ['Responsibility, mutual assistance and trust in Russian society' (2012) [Otvetstvennost', vzaimopomoshch' i doverie v rossiiskom obshchestve]. *FOM*. 30.08. URL: <https://fom.ru/TSennosti/10605> (date of access: 10.03.2023). (In Russ.)].
- Седова, Н. Н. (2014) 'Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база', *Социологический журнал*, 2, сс. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2014.2.495. [Sedova, N. N. (2014) 'Civic activism in modern Russia: forms, factors, and social base' [Grazhdanskii aktivizm v sovremennoi Rossii: formaty, faktory, sotsial'naya baza], *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2, pp. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2014.2.495. (In Russ.)].
- Селезнева, А. В., Скипин, Н. С., Турков, Е. А. (2023) 'Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ', *Вестник Пермского государственного университета*, 17(2), сс. 61–71. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-61-71. [Selezneva, A. V., Skipin, N. S., Turkov, E. A. 'Values and semantic dominants of political morality of russian youth: a political and a psychological analysis' [Cennostno-smyslovye dominanty politicheskoi morali rossijskoj molodezhi: politiko-psihologicheskii analiz], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 17(2), pp. 61–71. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-61-71. (In Russ.)].
- Трофимова, И. Н. (2015) 'Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации', *Социологические исследования*, 4, сс. 72–77. [Trofimova, I. N. (2015) 'Civic activism in modern Russian society: features of localization' [Grazhdanskij aktivizm v sovremennom rossijskom obshchestve: osobennosti lokalizacii], *Sociologicheskie issledovaniya*, 4, pp. 72–77. (In Russ.)].
- Adler, R. P., Goggin, J. (2005) 'What do we mean by «civic engagement»?', *Journal of transformative education*, 3(4), pp. 236–253. DOI: 10.1177/1541344605276792.
- Barrett, M., Pachi, D. (2019) 'Social and demographic factors linked to youth civic and political engagement', *Youth Civic and Political Engagement*. London and New York: Taylor and Francis. DOI: 10.4324/9780429025570.
- Bird, W. A., Bowling, A. M., Ball, A. L. (2020) 'Civic Engagement, Autonomy, and Reflection: Factors Influencing Youth's Self-Perceived Civic Responsibility', *Journal of Agricultural Education*, 61(1), pp. 203–220. DOI: 10.5032/jae.2020.01203.
- Brady, B., Chaskin, R. J., McGregor, C. (2020) 'Promoting civic and political engagement among marginalized urban youth in three cities: Strategies and challenges', *Children and Youth Services Review*, 116, pp. 105–184. DOI: 10.1016/j.childyouth.2020.105184.
- Christensen, H. S. (2011) 'Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means?', *First Monday*, 16(2). DOI: 10.5210/fm.v16i2.3336.
- Inglehart, R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/9781108613880.
- Kymlicka, W. (2012) 'Responsible Citizenship', *Trudeau Foundation Papers*, 4(2), pp. 56–87. Available at: https://www.academia.edu/4486454/Responsible_Citizenship_2012_ (date of access: 11.03.2023).
- Milosevic-Dordevic, J. S., Zezelj, I. L. (2017) 'Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life?', *Computers in Human Behavior*, 70, pp. 113–118. DOI: 10.1016/j.chb.2016.12.070.
- Teocharis, Y. (2015) 'The Conceptualization of Digitally Networked Participation', *Social Media Society*, 2(1), Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/056305115610140> (date of access: 05.10.2023).

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

RESPONSIBILITY AS A FACTOR OF YOUTH CIVIC ACTIVISM

S. B. Abramova, N. L. Antonova

S. B. Abramova, Candidate of Sociological Sciences, ORCID, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Institute for the Humanities.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

E-mail: s.b.abramova@urfu.ru (ORCID: 0000-0003-4010-8406).

N. L. Antonova, Doctor of Sociology, Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration. School of Public Administration and Entrepreneurship.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

E-mail: n.l.antonova@urfu.ru (ORCID: 0000-0002-2063-4970).

Abstract

The purpose of the study is to analyze responsibility as a factor of civic activism. The authors conducted two studies: an online survey of young residents of the Sverdlovsk region aged 14-25 (1150 respondents); content and discourse analysis of volunteer applications for participation in the Tavrida Art Cluster (1129 applications). It is shown that young people's sense of responsibility for events is average and decreases as the social distance of events increases: young people express this feeling primarily in relation to their closest circle of contacts rather than to the country as a whole. Prosocial motives are less pronounced than selfish ones, but they are typical for 80% of young people. 46% of volunteers position themselves as responsible citizens in the context of discipline, efficiency, diligence, etc. and use emotional and value images of the prosperity of the motherland and love for the country when describing the motivation for involvement in civic activism. 95% of respondents take part in both online and offline activism practices, with a greater choice of the former. The research material shows that today's young generation is civically aware, responsible and strives to change the world around them. The study concludes with key findings and questions for future research.

Keywords: responsibility; civic activism; youth; motives; generation Z.

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265, <https://rscf.ru/project/22-28-20265/>.

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-102-114

ПРОФИЛИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ УЧАСТИЯ, ВОВЛЕЧЕННОСТЬ, ЦЕННОСТИ

В. В. Маленков

Маленков Вячеслав Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет.
E-mail: vvmalenkov@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2710-8022).

Аннотация

В первой части статьи рассматриваются теоретические аспекты гражданской активности. Автор анализирует связь данного концепта с другими понятиями, фиксирующими специфику современной ситуации в области воспроизводства активного гражданства. Характеризуя структуру феномена, автор выделяет три аспекта: гражданское участие (деятельностный аспект), гражданская вовлеченность (когнитивно-коммуникативный аспект), ориентация на активное гражданство (ценностная составляющая). В практической части описывается практика и режимы гражданской активности среди молодежи крупного российского города. Эмпирические данные получены в ходе двух анкетных опросов молодежи Тюмени в возрасте от 18 до 24 лет, реализованных в 2021 и 2023 гг. При анализе данных автор опирается на многомерный личностно-ориентированный подход, позволивший выделить однородные группы респондентов и описать их профили. Первичным критерием для группировки является опыт гражданского участия. Акцент сделан на форматах участия, развитие которых приходится на цифровую эру, более гибких по сравнению с традиционными, институциональными формами. Выделенные на основе гражданского опыта группы отличаются также по степени вовлеченности в гражданско-политическую жизнь общества и ценностным ориентациям. В первом исследовании выявлено пять кластеров: «пассивные», «электоральный резерв», «офлайн-резерв», «онлайн-резерв», «активные». По результатам второго замера зафиксировано увеличение гражданской активности, которое, как полагает автор, явилось следствием эффекта социальной мобилизации. При этом произошло некоторое изменение структуры кластеров, изменилась их доля. Кроме того, к ранее выделенным пяти добавились еще два: «цифровой актив» и «участники».

Ключевые слова: гражданская активность; активное гражданство; гражданское участие; гражданская вовлеченность; гражданские ценности; молодежь.

Характер и интенсивность воспроизводства «активного гражданства», как на уровне поддержки ключевых ценностей, так и на уровне практик, определяет качество политической системы, общественной жизни в целом, позволяет поддерживать гражданское здоровье нации. Рассмотрение проблематики воспроизводства активного гражданства в России особенно актуально на фоне прогрессирующей в последнее время политической демобилизации (Соколов, Палагичева, 2021).

В одной из самых цитируемых статей, посвященных этой проблеме, авторы констатируют, что даже в самых богатых и политически стабильных регионах мира демократия находится в плачевном состоянии (Foa, Mounk, 2016: 6), практически во всех устоявшихся демократиях имеет место давно зафиксированный отказ от формального демократического участия: падение явки избирателей и резкое сокращение членства в политических партиях (Foa, Mounk, 2016: 10).

При этом весьма распространено мнение о поколенческой обусловленности данного процесса, соответственно, основной вектор этой «негативной» тенденции задает именно молодое поколение, маркируемое как аполитичное, апатичное, безразличное. Причем не только в странах с недемократическими режимами, но и в горизонтальных политических системах прослеживается отрицательная динамика в отношении традиционных форм участия молодежи в общественной и политической жизни, девальвация ценностей представительной демократии.

Одновременно с этим последние полтора десятилетия наблюдается рост неформального гражданского участия, когда политизация и стихийная мобилизация ведут к возникновению краткосрочных коалиций, значительную роль в которых играет молодежь (Петухов, 2020). Фактически при наблюдаемом уменьшении гражданского участия, характерного для различных модификаций представительной демократии, может одновременно фиксироваться рост латентных форм участия, а также его потенциала, связанного с повышением значимости политики, интереса и вовлеченности в социально-политическую повестку.

Целью данной статьи является описание параметров гражданской активности молодежи крупного российского города, выделение групп, различающихся по опыту гражданского участия, степени гражданской вовлеченности и ориентациям на ценности активного гражданства.

Концептуальная рамка исследования

В целом данное понятие довольно объемно, границы его означаемого определить довольно сложно. В первую очередь следует зафиксировать его тесную связь с гражданством, когда апелляция к активности дифференцирует последнее в качестве формально-правового статуса от деятельностной составляющей, основанной на общих ценностях и моделях поведения (Pukett et al., 2010: 525).

Вместе с тем рассмотрение гражданства в такой перспективе предполагает широкий диапазон его максимизации – от гарантированного норматива гражданина-потребителя социальных благ, обеспечиваемых государством, к политическому гражданству как ответственному участию в управлении общественными делами. С одной стороны, неолиберальный стандарт гражданского минимума, где модель рационального экономического человека доминирует, сводя на нет его политическую агентность. С другой – программы в духе гражданского республиканизма, акцентированные на политической субъектности как предпосылке достижения идеала гражданственности, в котором сливаются воедино автономия личности, ответственность и соучастие.

Значимым ракурсом анализа деятельностного аспекта феномена является отделение действительной активности от имитационных практик. Ключевые разработки в этом направлении принадлежат классикам. Так, Ш. Арнштейн выделила восемь ступеней (фактически режимов) участия в зависимости от влияния участников на принятие решений (Arnstein, 1969: 217), варьирующихся от сугубо ритуальных, пассивных до реально влияющих, активных. К последним, по ее мнению, можно отнести только три: партнерство, делегирование власти и гражданский контроль. Предложенная концептуальная схема созвучна пониманию Г. Алмондом и С. Вербой различий участия в политическом процессе «на входе» (как поток требований) и «на выходе» (реализация властных стратегий в качестве исполнителя в административном процессе) (Алмонд, Верба, 2014: 31).

Кроме того, сами «нормативы» активности могут существенно отличаться в разных странах, а порой и внутри одной страны, региона. Например, в вертикальных политических системах распространено «управляемое участие», когда повестка, форматы, действующие лица и фактически результаты задаются административной логикой. В этом контексте актуализируется критическое гражданство и демократия участия (Lawy, Biesta, 2006; Taylor et al., 2010) как проявление горизонтальной логики формирования и реализации гражданских интенций, противопоставляемые традиционалистским политическим отношениям, ограниченности электоральной, плебисцитарной демократии (Юдин, 2021).

Еще одной значимой перспективой в анализе гражданской активности является трансформация ее форм – от традиционных к нетрадиционным, формальных к неформальным, институциональных к внеинституциональным и др. Й. Экман и Э. Амно выделили в этой связи явные и скрытые формы участия, отнеся к последним фактически все, что не является политическим участием, связанным с формальными процедурами и институтами представительной демократии, но так или иначе может влиять на них в настоящем либо в будущем (Ekman, Amnå, 2012: 288).

Важными особенностями латентных форм являются: а) отсутствие непосредственного контакта с другими субъектами гражданской сферы, возможность в некоторых случаях сохранять анонимность, б) преимущественно индивидуальный характер действия (внеколлективный, квазиколлективный), в) опосредованный (непрямой) характер, отсутствие возможности получения моментального результата, эффекта. К такой активности часто относят политически мотивированное потребительское поведение, различные действия в цифровом пространстве.

В начале третьего тысячелетия появилось достаточно кейсов, демонстрирующих эффективность бойкотов, онлайн-коммуникаций, в том числе переросших в реальные политические действия.

В то же время велика роль контекста. Например, социально и политически мотивированные бойкоты (отказ от чего-то, в том числе от покупки) и байкоты (поддержка чего-то посредством покупки), ставшие популярными в разных уголках мира формами нетрадиционного гражданского участия, вряд ли могут быть широко востребованными в системах с высоким уровнем монополизации, при высокой зависимости экономики от административного ресурса.

Некоторое время назад «цифровое участие» рассматривалось в качестве перспективы. Многие исследователи поспешили опровергнуть тезис об упадке гражданской активности, констатируя последствия расширения репертуара участия, изменения его форм, позитивно проявившиеся в характере и качестве влияния граждан на власть (Dalton, 2008: 91). В первую очередь это связано с развитием цифровых площадок, появлением независимых проектов, способных оказывать влияние на принятие решений в обход традиционных механизмов и структур (политических партий, профсоюзов и т.д.).

С одной стороны, исследования его адептов свидетельствуют о положительных эффектах для развития политического участия (Boulianne, 2015; Frick, 2016; Nelson et al., 2017; Suwana, 2020), интерактивности, равноправия (Kahn et al., 2016: 3). П. Дальгрэн, описывая трансформацию публичного поля политики, отмечает положительный эффект цифровых коопераций, порождающих новые гражданские практики (Dahlgren, 2014). Часть инструментов цифрового участия относят к активным формам. Например, комментирование контента требует хотя бы минимальной вдумчивости, а написание постов является фактически одним из форматов гражданской журналистики.

С другой стороны, критический взгляд на онлайн-участие также весьма распространен. Например, отмечается его краткосрочность, узкая направленность, опора на слабые социальные связи, в то время как традиционное участие предполагает долгосрочные обязательства перед организациями-посредниками, связывающими людей с обществом (Ohme, 2019: 1904). Негативные коннотации связаны с понятиями «диванный активизм», или «слактивизм» (slacktivism), «кликтивизм» (clicktivism) (Morozov, 2009; Leyva, 2016), пополнившими социально-политический словарь.

Представляется, что данные формы можно отнести к промежуточной ступени между участием и когнитивно-коммуникативным гражданством (гражданской вовлеченностью), поскольку данные практики приватны по ощущениям и публичны по своим последствиям.

Можно констатировать, что участие является наиболее очевидным, внешним проявлением гражданской активности. Вместе с тем ряд авторов трактуют ее более широко, включая элементы другого порядка: помимо действий, поведения, практик еще и феномены личностного свойства (установки, ориентации, мнение). Ввиду этого важным дискурсивным аспектом является соотношение понятий «гражданская активность», «гражданское участие» и «гражданская вовлеченность», которые часто используются как синонимы.

Авторы, предпочитающие разделять эти понятия, закрепляют за участием конкретные действия в публичном поле, а вовлеченность трактуя как включенность в него. Одновременно с этим сложилось широкое и узкое понимание гражданской вовлеченности. В первом случае она трактуется как многомерное явление, представляющее совокупность различных форм поведения и социокогнитивных компонентов: ценности социальной ответственности, неформальная помощь, политические убеждения, гражданские навыки, экологическое поведение, волонтерство, намерения при голосовании и потребление новостей (Wray-Lake et al., 2017: 267).

В узком смысле вовлеченность включает только социокогнитивные элементы, определяемые преимущественно психологическими терминами, такими как заинтересованность, внимание, наличие знаний, убеждения, взгляды, чувства относительно политических или гражданских вопросов, тогда как участие трактуется как совместное политическое и гражданское действие (Barrett et al., 2014: 6). Согласно этой логике, не все участвующие вовлечены и не все вовлеченные участвуют.

Помимо структурно-процессуальной составляющей различные авторы пытались определить данный аспект через типологию граждан. Так, Л. У. Милбрэт выделял тип активного гражданина как «коммуникатора» (Milbrath, 1981: 201), который в силу разных причин не участвует непосредственно в политике, но при этом информирован и заинтересован, обладает высоким уровнем гражданской компетентности. Коммуникаторы склонны критично относиться к действиям власти и транслировать свое мнение среди людей, составляющих их повседневное окружение.

Наиболее известной, описывающей коммуникативно-вовлеченный режим активного гражданства, является концепция наблюдающего (мониторингового) гражданства (Shudson, 1998). М. Шадсон предложил модель «гражданина-наблюдателя», «гражданина-контролера», который не столько следит специально за общественной и политической повесткой, сколько считывает ее, сканирует, активизируется при наличии определенных отклонений.

Необходимо отметить, что с момента актуализации гражданской тематики в конце XX в. в основном велась концептуальная проработка проблематики активности граждан, а предлагаемые типологии носили в основном описательно-гипотетический характер. Появление эмпирических типологий приходится на первое десятилетие нового века (Hooghe, Dejaeghere, 2007; Hoskins, Mascherini, 2009).

Из более современных работ, описывающих типы гражданской активности с позиций многомерного анализа, следует отметить концепцию Э. Амно и Й. Экман, предложивших термин «резервные граждане» – «граждане в режиме ожидания» – те, кто сохраняет бдительность, в курсе политических событий, готов и может участвовать, если это необходимо. Такие потенциальные граждане, по мнению исследователей, отличаются от пассивных, которые ничего не делают и вообще избегают политики (Amnå, Ekman, 2014: 271).

Таким образом, в дальнейшем изложении будем, во-первых, учитывать, помимо явных, латентные формы гражданского участия; во-вторых, рассматривать когнитивные элементы (вовлеченность и ценностные ориентации) как часть гражданской активности.

Результаты исследования

Эмпирическую основу статьи составили данные двух анкетных опросов молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, проживающих в Тюмени. Сбор данных первого замера ($n = 1068$) осуществлялся в декабре 2021 – январе 2022 г., второй замер ($n = 1025$) реализован в феврале–марте 2023 г. Структура выборки в обоих исследованиях аналогична – разница по половозрастным параметрам и занятости в пределах двух процентов, что отвечает высокой степени сравнимости данных.

Для определения структуры опыта гражданского участия респондентам было предложено 14 вариантов действий, из которых нужно было выбрать те, что производились ими хотя бы один раз за последние два года. Участники опросов могли выбрать любое количество из предложенных практик, а для случая отсутствия релевантного варианта также был предусмотрен ответ «ничего не делали». Большинство пунктов (11) полностью повторялось в обоих исследованиях, их можно разделить на пять категорий: участие в выборах (один пункт), участие в публичных мероприятиях (два пункта), социальное участие (два пункта), цифровое участие (четыре пункта), воздействие на мнение, социальные представления (два пункта). В первом замере также использовалось три пункта для описания социально и политически мотивированного потребительского поведения. Во втором замере было решено ограничиться одним вариантом ответа, поскольку эти три пункта значительно коррелировали между собой, а их разделение не давало никакой значимой для описания профилей информации. Вместе с тем в анкету было добавлено два пункта, фиксирующих опыт взаимодействия респондентов с политиками и представителями власти, а также финансирования социально значимых и политических проектов, организаций.

Гражданская вовлеченность измерялась тремя индикаторами, для описания ориентаций на ценности активного гражданства использовалось пять пунктов (в первом замере использовалась четырехбалльная шкала, во втором – пятибалльная), составляющих шкалу гражданских ценностей.

Репрезентация активного гражданства среди молодежи

Элементы активного гражданства выстраиваются подобно пирамиде. Наиболее актуализированы среди молодежи общегражданские ценности и базовые параметры «я – гражданин концепции». Достаточно высоко оценивают молодые люди возможность свободно выразить мнение по политическим вопросам ($80 \% \pm 2$) и возможность контролировать, влиять на власть ($60 \% \pm 4$). Весьма важен социальный аспект активного гражданства – участие в общественной жизни ($70 \% \pm 2$). Эти показатели остаются примерно на одном уровне во всех замерах.

Субъективная значимость политических действий, таких как участие в выборах и политике, несколько повысилась. Важность участия в выборах отметили 68 % (достаточно значимо – 27 %, очень значимо – 41 %), тогда как в предыдущем исследовании она составила 51 % (достаточно значимо – 31 %, очень значимо – 20 %), а в исследовании 2015 г. – 54 %. Наименее разделяемая гражданская ценность «участие в политике» по результатам последнего замера оказалась значимой для 48 % опрошенных (достаточно значимо – 26 %, очень значимо – 22 %), тогда как в исследовании 2021 г. для 40 % (достаточно значимо – 29 %, очень значимо – 11 %), а 2015 г. для 35 %.

Некоторые параметры вовлеченности снижаются. Так, в опросе 2023 г. всего 60 % отметили, что стремятся своими действиями вносить личный вклад в благополучие страны, в 2021 г. – 70 %, в 2019 г. – 72 %. Регулярно следят за политическими событиями 54 % опрошенных, в 2021 г. – 61 %, в 2019 г. – 64 %. В то же время доля тех, кто отметил, что часто обсуждают политические, социально-экономические и иные общественные проблемы с родственниками, друзьями, знакомыми, остается стабильной во всех замерах – 36 % в 2023 г. (достаточно часто – 25 %, очень часто – 11 %), 38 % в 2021 г. (достаточно часто – 27 %, очень часто – 11 %), 37 % в 2019 г. (достаточно часто – 27 %, очень часто – 10 %).

Рассмотрим масштабы и структуру опыта гражданского участия в динамике. В целом доля тех, кто делал хотя бы что-то из предложенного списка, сократилась с 91 до 83 % (в 2021 и 2023 гг. соответственно). Вместе с тем наиболее «востребованные» формы практиковало не более 48 % респондентов (табл. 1). Руководствуясь количественным подходом, можно выделить ядро и периферию гражданского опыта.

Таблица 1

Опыт гражданского участия (в %)

Вариант ответа	Опрос 2021 г.		Опрос 2023 г.	
	%	Ранг	%	Ранг
Группы в социальных сетях	31	6	48	1
Лайки, перепосты и т.д.	43	2	47	2
Соц. проекты, волонтерство	35	3	40	3
Выборы	46	1	35	4
Влияние на мнение	34	5	34	5
Петиции, обращения	34	4	33	6
Социально ответственный бойкот и покупка ¹	(20)	(7)	27	7
Социальный бойкот	20	7	–	–
Социальный бойкот (покупка)	11	11	–	–
Политический бойкот	9	13	–	–
Социальные инициативы	17	9	22	8
Публичное мнение в Сети	17	10	22	9
Провластные мероприятия	9	14	20	10
Добровольные мероприятия	11	12	19	11
Политическая агитация	20	8	19	12
Финансирование	–	–	18	13
Ничего не делали	9	15	17	14
Контакт с политиком, представителем власти	–	–	13	15

К первому условно отнесем формы действия, которые в обоих исследованиях практиковал не менее чем каждый третий респондент. Они занимают первое–шестое места в ранговой таблице и, несмотря на изменение позиции некоторых из них, сохранились в этом континууме. В обоих опросах около трети опрошенных отметили, что пытались повлиять на формирование или изменение мнения других людей по какому-либо общественно значимому вопросу, а также подписывали петицию, коллективное обращение. Две формы участия остались на втором и третьем местах в ранговой таблице,

¹ Данные по опросу 2021 г. (обозначены в скобках) сгенерированы из трех переменных «социальный бойкот», «социальный бойкот (покупка)», «политический бойкот».

но при этом незначительно выросла их доля: на 4 % больше (с 43 до 47 %) стало тех, кто ставил лайк, делал перепост, рассылал, рекомендовал кому-либо видео, публикацию, затрагивающую общественно значимые проблемы; на 5 % больше (с 35 до 40 %) участвовавших в социальном проекте, выступавших в роли волонтеров. Довольно заметно (с 31 до 48 %) увеличился процент вступавших в группу, подписывавшихся на канал, блог, где обсуждаются общественно значимые и политические вопросы, – данная форма участия переместилась с шестого места на первое в ранговой таблице, обогнав все другие.

Лишь участие в выборах сократилось почти на 10 % (с первого места на шестое в таблице рангов), что частично можно объяснить эффектом сочетания возрастной структуры выборки с электоральными циклами: в исследовании 2021 г. значительная доля молодых респондентов участвовала в общенациональных и региональных выборах, тогда как респонденты младшего возраста в 2023 г. просто не могли этого сделать в силу возраста.

Позиции, условно отнесенные к периферии, почти все в последнем замере составляют долю, близкую к 20 %, но ранговые позиции практически всех пунктов изменились. Доля пытавшихся убедить других людей поддержать политическую программу, конкретного политика, партию осталась практически прежней (уменьшилась с 20 до 19 %). На 5 % (с 17 до 22 %) увеличилось количество тех, кто публично выразил свое мнение по общественно значимому вопросу в сети Интернет (публиковал пост, размещал комментарий, изображение), а также пытался мобилизовать других людей на какое-то действие, мероприятие, направленное на исправление или улучшение ситуации в обществе, территории проживания.

Вместе с тем доля участвовавших в публичных мероприятиях выросла практически в два раза: каждый пятый отметил свое участие в них, тогда как ранее примерно каждый десятый. Было выделено два типа такого участия: добровольные мероприятия («добровольно участвовали в публичном мероприятии, акции, кампании, чтобы выразить свою гражданскую позицию, в том числе в онлайн-формате») и провластные мероприятия («принимали участие в общественно значимой кампании и (или) мероприятии (митинг, парад, фестиваль, слёт и т.д.), организованном органами власти либо по их инициативе»).

Интересно отметить, что по большинству аналогичных (полностью сопоставимых) пунктов результаты исследования 2023 г. практически не отличаются (в диапазоне до 2 %) от результатов исследования 2019 г. (Маленков, 2021). Исключением является значительное увеличение с 21 до 40 % доли участвовавших в социальном проекте, имеющих опыт волонтерской работы.

Распределение признаков активного гражданства в выборке неравномерно. Исходя из этого, на втором этапе применялся личностно-ориентированный подход, который предполагает разделение респондентов на однородные группы. С помощью анализа латентных классов (Magidson, Vermunt, 2004) выделено шесть кластеров по результатам опроса 2021 г. и семь кластеров по результатам опроса 2023 г., отличающихся между собой по параметрам воспроизводства активного гражданства. Первичным показателем для группировки выступил опыт гражданского участия (рис. 1, 2). Для определения оптимального количества кластеров использовался количественный подход с опорой на информационные критерии и статистики соответствия¹, а также контроль показателей вероятности отнесения наблюдения к конкретному из них. Параллельно проводился их качественный анализ, содержательная интерпретация.

¹ Рассчитаны в статистическом пакете Latent Gold 6.0.

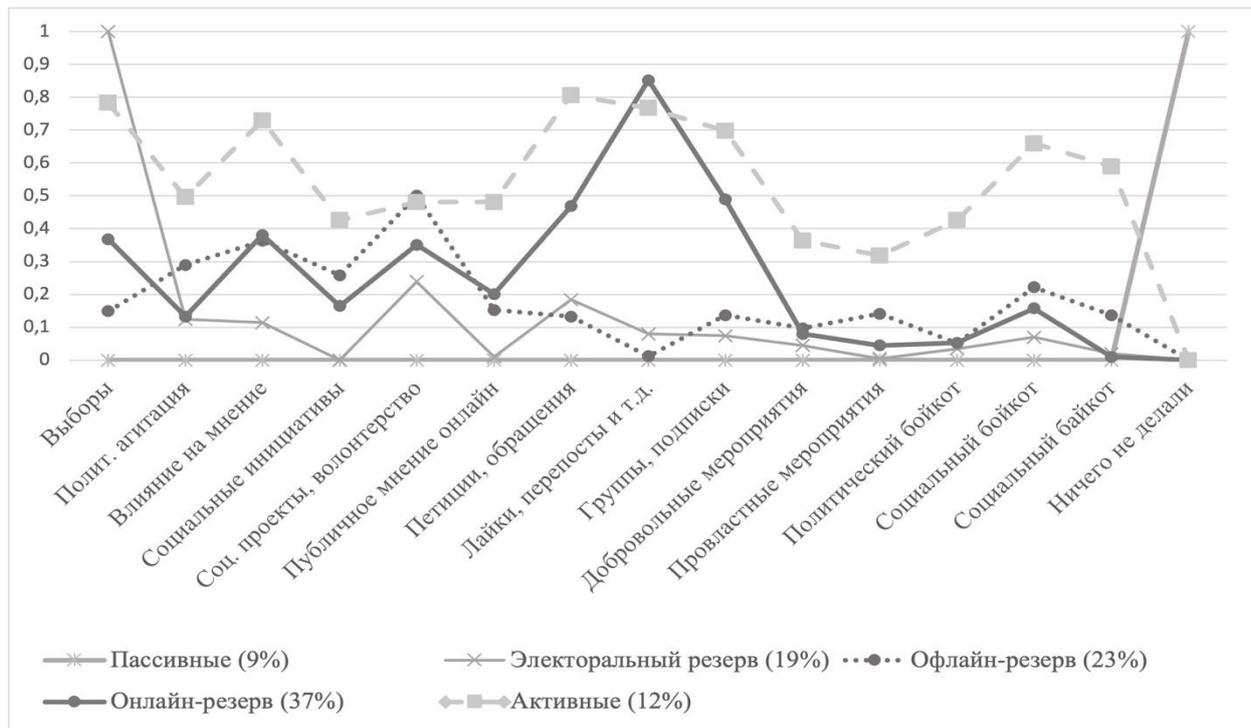

Рис. 1. Структура опыта участия в отдельных кластерах (2021 г.)

Помимо этого, для каждого из выделенных кластеров визуализированы профиль вовлеченности (рис. 3, 4) и ценностный профиль (рис. 5, 6). Составляющие их пункты использовались в качестве неактивных ковариат в процедуре моделирования латентных классов, что позволило получить предварительную оценку их представленности в отдельных группах. На втором этапе производился однофакторный дисперсионный анализ (непараметрический).

В кластер, условно обозначенный как *пассивные*, вошли не участвовавшие ни в одной из перечисленных практик (вариант ответа «ничего не делали») – 9% в 2021 г. и 17% в 2023 г. Степень их вовлеченности, равно как и важность самого участия, минимальны по сравнению с другими группами.

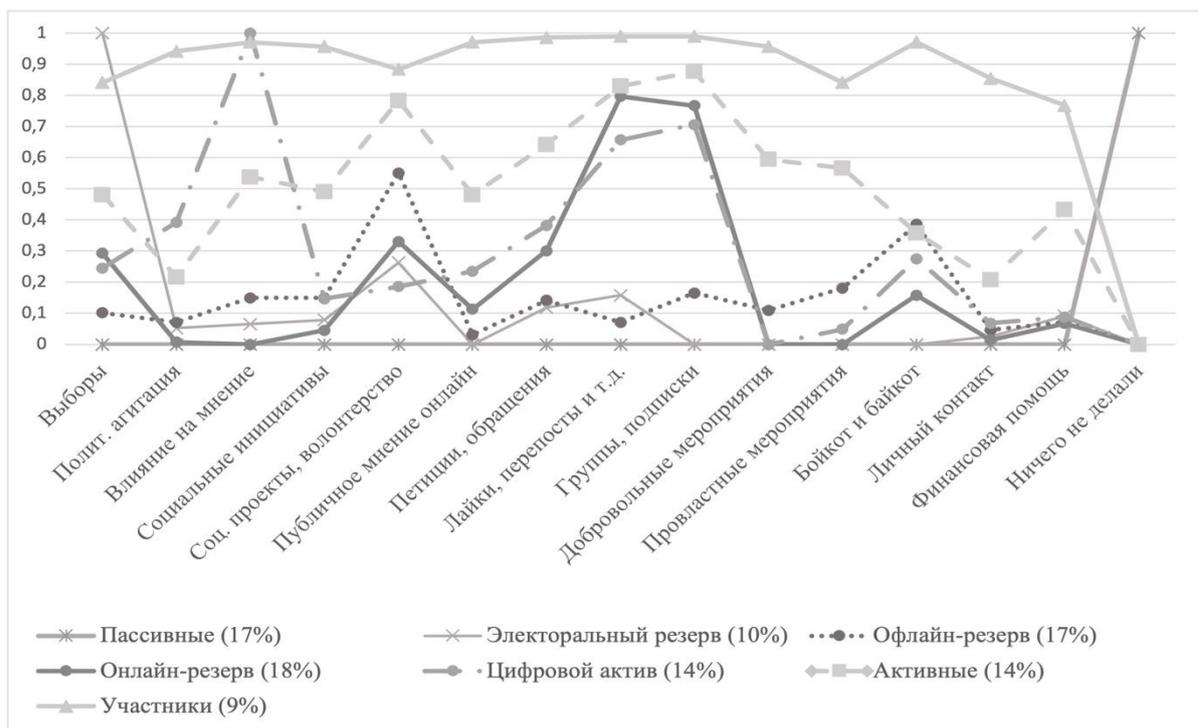

Рис. 2. Структура опыта участия в отдельных кластерах (2023 г.)

Следующие три группы обозначены как *резерв*, что созвучно термину «резервные граждане» (Amnå, Ekman, 2014). Они доминируют в первом замере, составляя в совокупности 79 % от числа опрошенных, но их доля заметно сокращается до 45 % в 2023 г. Количественно опыт участия в этих группах варьируется в среднем от 1,8 до 4,8, принципиально отличается структура.

Электоральный резерв характеризуется абсолютным преобладанием опыта участия в выборах (указали все входящие в данный кластер) над иными формами участия. По совокупности признаков похоже, что значительная часть отнесенных к данной группе респондентов вне электорального цикла, который является для них мобилизующим фактором, переходят в категорию пассивных. Отчасти этим можно объяснить уменьшение кластера с 19 до 10 % и одновременно увеличение на 8 % доли пассивных.

Офлайн-резерв (уменьшение кластера с 23 до 17 % и одновременно повышение среднего количества практик с 2,6 до 3,2) включает респондентов, опыт которых не акцентирован, размыт. В то же время в обоих замерах более заметное место занимает общественное участие. В частности, вошедшие в данный кластер были задействованы в реализации социальных проектов, выступали в роли волонтеров, инициаторов локальных изменений в разных сферах жизнедеятельности общества. В целом структура кластера сохранилась, но в исследовании 2021 г. чуть более выраженным было продвижение своего мнения по социальным и политическим вопросам, тогда как в 2023 г. более акцентирована позиция социально-ответственного потребления.

Онлайн-резерв (значительное уменьшение кластера с 37 до 18 %, при этом заметное повышение среднего количества практик с 3,8 до 4,9) характеризуется более насыщенным опытом гражданского участия при одновременно значительной концентрации его на онлайн-формах, причем преимущественно на пассивных. Наиболее репрезентативными виртуальными практиками являются лайки, перепосты, ссылки и рекомендации социально-политического и иного общественно значимого контента. Менее представлены, но все же значимы, такие формы участия, как коллективные обращения (петиции), а также оформление подписок на группы, каналы, блоги социально-политической тематики.

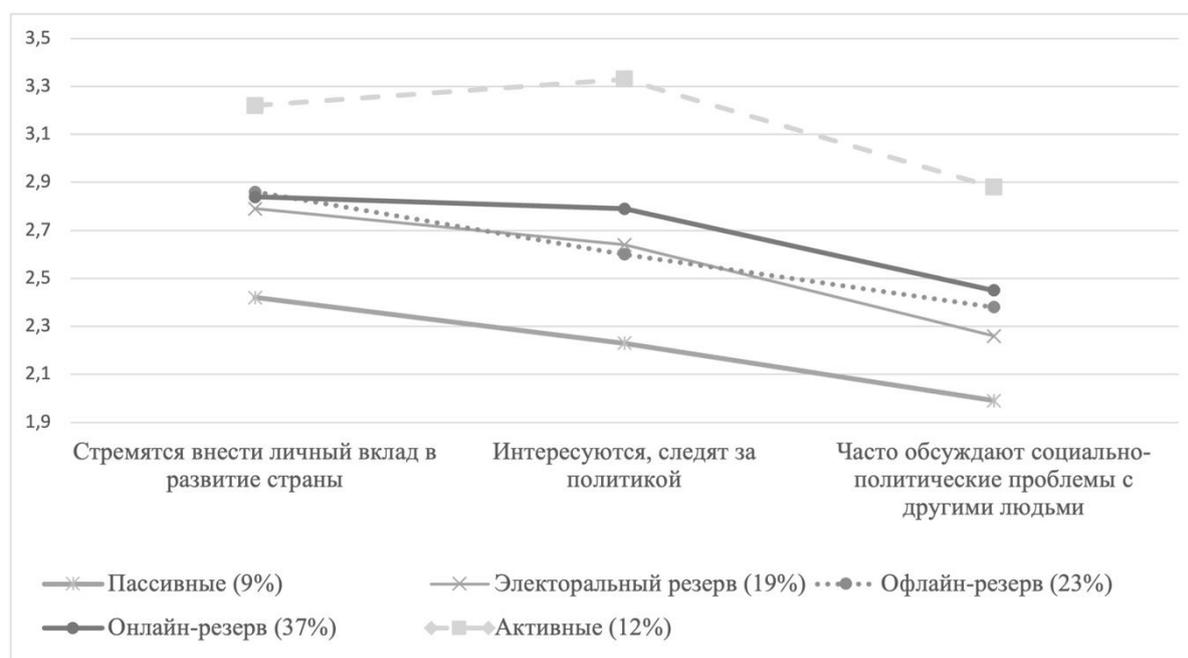

Рис. 3. Профили гражданской вовлеченности (средние по кластерам, 2021 г.)

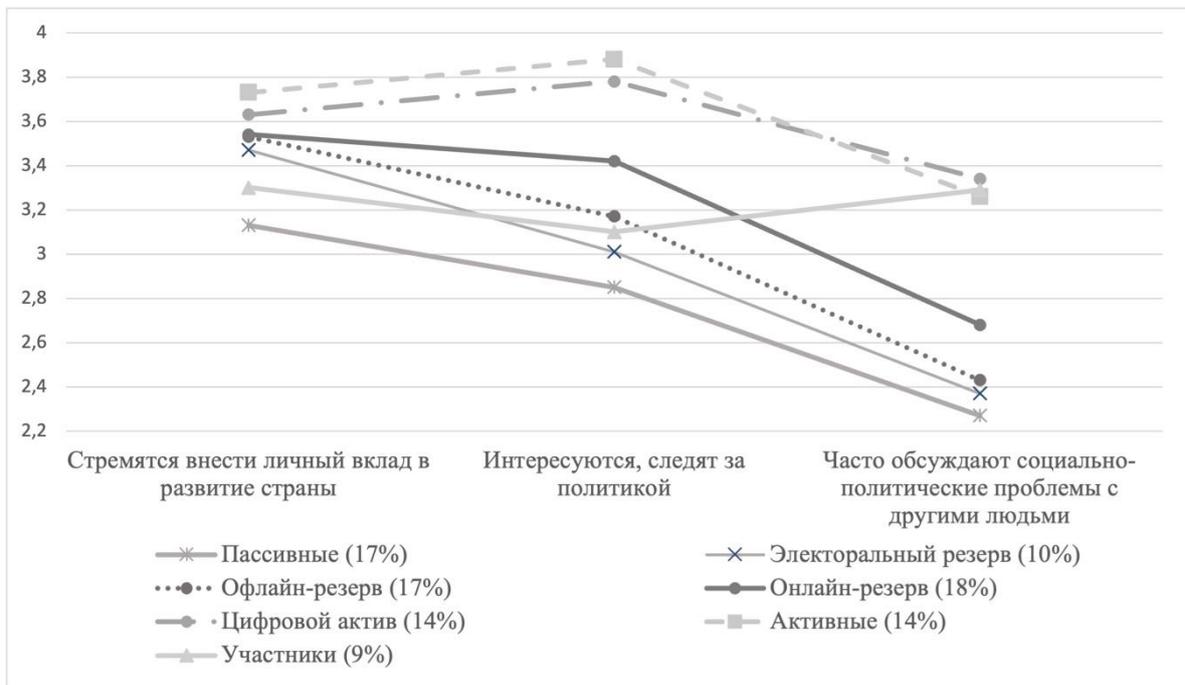

Рис. 4. Профили гражданской вовлеченности (средние по кластерам, 2023 г.)

Характерно, что эти три кластера (три типа резерва) имеют похожие параметры вовлеченности, расположены в среднем диапазоне между пассивным и активными кластерами (см. рис. 3, 4). В то же время ценностный профиль электорального и социального резервов в нескольких точках ближе к пассивному, чем к цифровому резерву, тогда как последний тяготеет, особенно во втором замере, к активным группам (см. рис. 5, 6). Особенностью резервных групп является способность их в какой-то момент реализовать себя в качестве активных в той или иной степени участников. Особенно это проявляется, когда резко меняется ситуация в обществе или оно переходит в состояние мобилизации (электоральной, социальной, политической и др.).

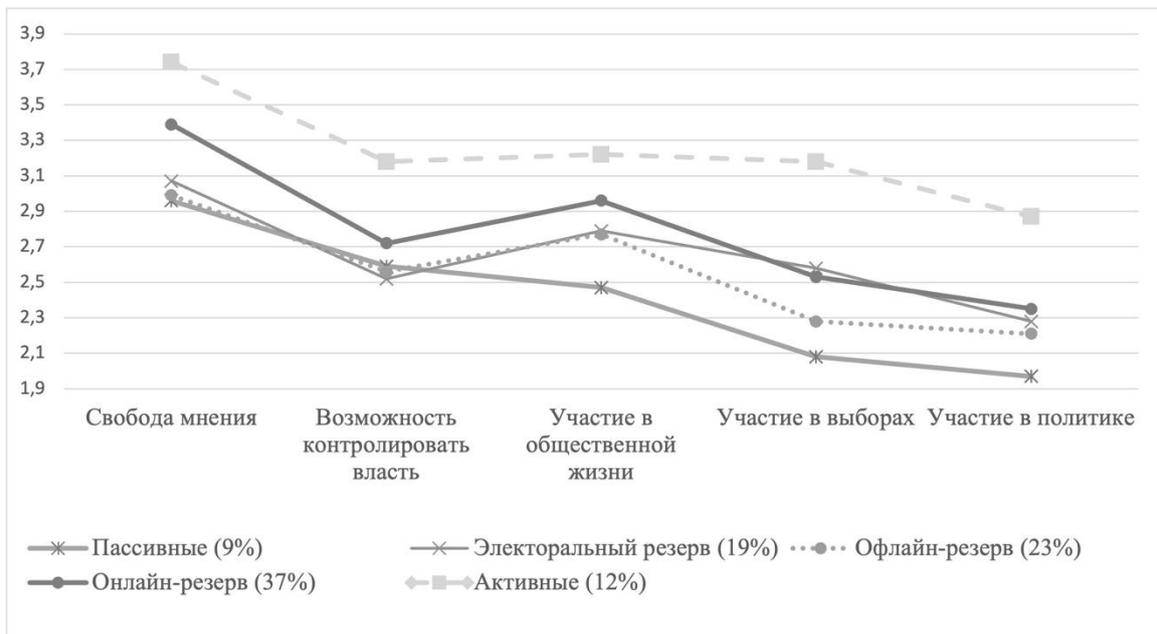

Рис. 5. Профили ценностей активного гражданства (средние по кластерам, 2021 г.)

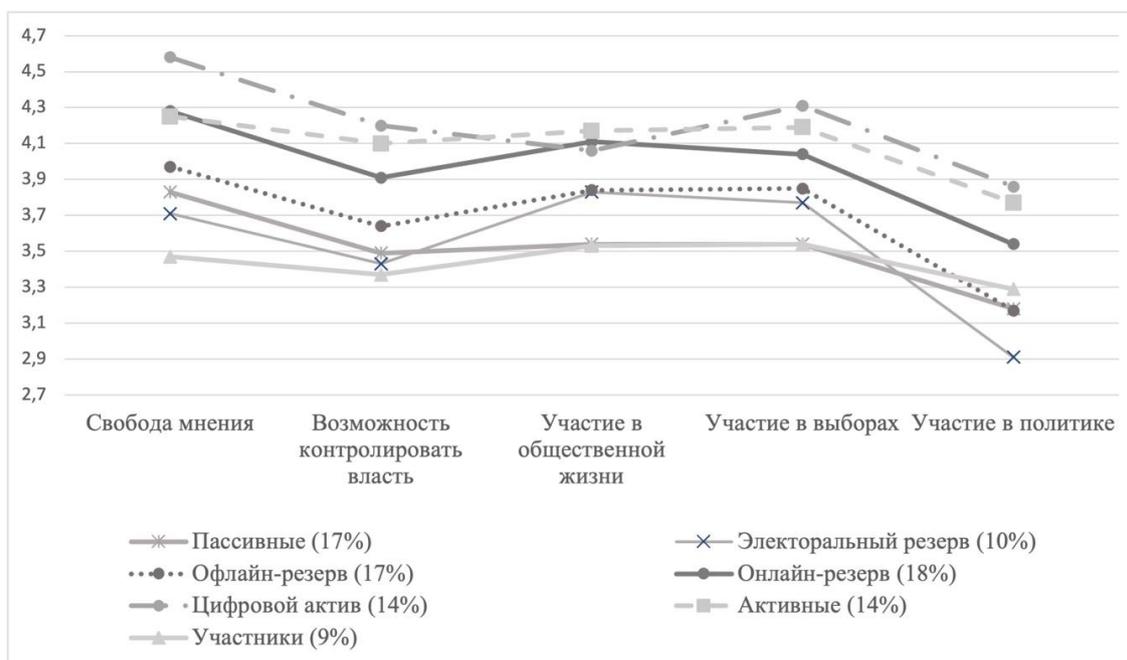

Рис. 6. Профили ценностей активного гражданства (средние по кластерам, 2023 г.)

Именно данным эффектом объясняется, полагаем, появление во втором замере кластера, которого не было в первом и никогда ранее он не был обнаружен в таком масштабе (обычно не более 2 %) в других проведенных нами исследованиях. Условно его назвали «участники» (9 %): входящие в него респонденты продемонстрировали феноменально обширный опыт участия и высокую частоту обсуждения социально-политических проблем с другими людьми (такая же, как в активных группах), но при этом относительно низкие показатели субъективной важности гражданского участия и интереса к политике.

Представляется, что тот же мобилизационный фактор повлиял на уменьшение во втором замере кластера онлайн-резерва (более чем в два раза) и появление *цифрового актива* (14 %). Второй отличается от первого более широким спектром опыта участия: кроме онлайн-форм, в данной группе актуализировалась потребность влияния на формирование или изменение мнения других людей по какому-либо общественно значимому вопросу – попытки повлиять делали все входящие в данный кластер. Для цифрового актива также характерна высокая вовлеченность в политику и субъективная важность политического участия – эти параметры находятся на одном уровне с кластером «активных».

Активные – единственный тип активного гражданства, который «обнаружился» в обоих исследованиях, его доля выросла с 12 % в 2021 г. до 14 % в 2023 г. Для данного кластера характерен достаточно разноплановый репертуар гражданского участия. При этом плотность опыта участия довольно заметно повысилась (среднее количество практик – 8 в 2021 г. и 11,5 в 2023 г.).

Заключение

Понимание латентной природы значительной части гражданской активности в современных политических системах и наличие потенциальных, слабо актуализированных элементов дает определенные преимущества в оценке масштабов и структуры данного феномена по сравнению с традиционным подходом, ориентированным на фиксацию только институционализированных форм участия, невключение когнитивно-коммуникативных и ценностных аспектов. Проведенный анализ аналогичных исследований показал сопоставимость результатов, в частности измеряемых параметров (аналогичных переменных), а также воспроизводимость доминирующих типов потенциальной гражданской активности: «резервного», «мониторингового», «коммуникативного» и других подобных.

Анализ результатов в динамике подтвердил наличие эффекта активизации деятельных компонентов гражданства среди молодежи в результате изменения социально-политической ситуации при относительной стабильности когнитивно-коммуникативных и ценностных составляющих. Интересно, что в аналогичном исследовании автора, проведенном в 2019 г. (Маленков, 2021), по большинству

пунктов также получены близкие к исследованию 2023 г. цифры. Применение многомерного подхода, в силу открывающейся возможности видеть структуру измеряемых показателей отдельных групп, позволило более четко выделить различия гражданской активности молодежи Тюмени во времени.

По результатам анализа латентных классов идентифицированы и описаны однородные группы. Они все различаются по характеру и плотности опыта гражданского участия. В то же время по степени вовлеченности и ориентациям на ценности активного гражданства можно выделить активные группы, группы резерва, за исключением электорального резерва, который в значительной степени близок к пассивным.

Пять кластеров присутствуют в обоих замерах, в то же время их доля меняется. Включающий наиболее пассивных респондентов увеличился с 9 до 17 %. Полагаю, что на фоне общей активизации увеличение «ничего не делавших» произошло в большей степени из-за уменьшения участвовавших в выборах в целом (ранее указывали на чисто формальную обусловленность этого возрастным составом респондентов). Примерно на столько же (с 19 до 10 %) уменьшается электоральный резерв. В более ранних исследованиях была замечена данная тенденция: в период, близкий к выборам, кластер пассивных уменьшается, а электоральный актив растет примерно на сопоставимую величину, при сохранении близости данных кластеров по степени гражданской вовлеченности и соответствующим ценностным ориентациям. Представляется, что этот эффект может быть связан с характером электорального механизма, плебисцитарной его природой.

Наиболее активный во всех аспектах кластер вырос незначительно – с 12 до 14 %. Чуть более заметно уменьшился «офлайн-резерв» (с 23 до 17 %) и более чем в два раза «онлайн-резерв» (с 37 до 18 %). Одновременно с этим во втором замере появляется два новых кластера: «цифровой актив» (14 %) и «участники» (9 %). Второй особый в силу того, что по ряду параметров вовлеченности и ценностям он близок к пассивному кластеру, в то время как опыт участия весьма значителен. Все это, как представляется, можно объяснить уже другим фактором активизации, возникшим в начале 2022 г.

Предложенные выше гипотезы требуют дополнительной проверки в ходе дальнейших исследований, при этом некоторое расширение сравнительной перспективы, введение возможно большего количества переменных способно значительно углубить понимание природы, различий выделенных групп.

Список литературы / References

- Алмонд, Г., Верба, С. (2014) *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. Москва: Мысль. [Almond, G. S., Verba, S. (2014) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations* [Grazhdanskaya kul'tura: politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh]. Moscow: Misl. (In Russ.)].
- Маленков, В. В. (2021) 'Активное гражданство: эмпирические проекции концепта (по результатам исследования тюменской молодежи)', *Социологические исследования*, 3, сс. 131–136. [Malenkov, V. V. (2021) 'Active Citizenship: Concept and its empirical Projections (Based on the Results of Tyumen Youth Survey)' [Aktivnoye grazhdanstvo: empiricheskiye proyeksii kontsepta (po rezultatam issledovaniya tyumenskoj molodezhi)], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 3, pp. 131–136. (In Russ.)].
- Петухов, В. В. (2020) 'Российская молодежь и ее роль в трансформации общества', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3, сс. 119–138. [Petukhov, V. V. (2020) 'Russian Youth and Its Role in Society Transformation' [Rossiyskaya molodezh' i yeye rol' v transformatsii obshchestva], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, pp. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621 (In Russ.)].
- Соколов, А. В., Палагичева, А. В. (2021) 'Особенности политической демобилизации граждан в современной России', *Вестник Пермского университета. Политология*, 15(2), сс. 82–95. [Sokolov, A. V., Palagicheva, A. V. (2021) 'Features of political mobilization of citizens in protest in modern Russia' [Osobennosti politicheskoy demobilizatsii grazhdan v sovremennoy Rossii], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 15(2), pp. 82–95. (In Russ.)].
- Юдин, Г. (2021) 'Россия как плебисцитарная демократия', *Социологическое обозрение*, 20(2), сс. 9–47. [Yudin, G. (2021) 'Russia as a Plebiscitary Democracy'

- [Rossiya kak plebistsitarnaya demokratiya], *The Russian Sociological Review*, 20(2), pp. 9–47 (In Russ.).
- Amná, E., Ekman, J. (2014) ‘Standby citizens: diverse faces of political passivity’, *European Political Science Review*, (6), pp. 261–281, DOI:10.1017/S175577391300009X.
- Arnstein, S. R. (1969) ‘A Ladder of Citizen Participation’, *Journal of the American Institute of Planners*, 35(4), pp. 216–224.
- Barrett, M., & Brunton-Smith, I. (2014) ‘Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective’, *Journal of Civil Society*, 10(1), pp. 5–28.
- Boulianne, S. (2015) ‘Social media use and participation: a meta-analysis of current research’, *Information, Communication & Society*, 18(5), pp. 524–538.
- Dahlgren, P. (2014) ‘Political participation via the web: Structural and subjective contingencies’, *Interactions: Studies in Communication & Culture*, 5(3), pp. 255–269.
- Dalton, R. J. (2008) ‘Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation’, *Political Studies*, 56(1), pp. 76–98.
- Ekman, J., Amná, E. (2012) ‘Political participation and civic engagement: Towards a new typology’, *Human Affairs*, 22(3), pp. 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1.
- Frick, K. T. (2016) ‘Citizen activism, conservative views and mega planning in a digital era’, *Planning Theory & Practice*, 17(1), pp. 93–118.
- Foa, R., and Mounk, Y. (2016) ‘The Democratic Disconnect’, *Journal of Democracy*, 27(3), pp. 5–17.
- Hooghe, M. and Dejaeghere, Y. (2007) ‘Does the ‘monitorial citizen’ exist? An empirical investigation into the occurrence of post-modern forms of citizenship in the Nordic countries’, *Scandinavian Political Studies*, 30(2), pp. 249–271.
- Hoskins, B. L. and Mascherini, M. (2009) ‘Measuring Active Citizenship through the Development of a Composite Indicator’, *Social Indicators Research*, 90(3), pp. 459–488.
- Kahne, J., Hodgin, E. and Eidman-Aadahl, E. (2016) ‘Redesigning Civic Education for the Digital Age: Participatory Politics and the Pursuit of Democratic Engagement’, *Theory & Research in Social Education*, 44(1), pp. 1–35.
- Lawy, R. and Biesta, G. (2006) ‘Citizenship-As-Practice: The educational implications of an inclusive and relational understanding of citizenship’, *British Journal of Educational Studies*, 54(1), pp. 34–50.
- Leyva, R. (2016) ‘Exploring UK Millennials’ Social Media Consumption Patterns and Participation in Elections, Activism, and “Slacktivism”, *Social Science Computer Review*, 35(4), pp. 462–479.
- Magidson, J. and Vermunt, J. K. (2004) ‘Latent class models’. In D. Kaplan (Ed.), *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences* (pp. 175–198). Sage.
- Milbrath, L. W. (1981) ‘Political Participation’. In: S. L. Long (ed.) *The Handbook of Political Behavior*. New York: Plenum Press.
- Morozov, E. (2009) ‘From slacktivism to activism’, *Foreign Policy*. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/09/05/from-slacktivism-to-activism> (accessed 12.08.20).
- Nelson, J., Lewis, D., Lei, R. (2017) ‘Digital Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age’, *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 94(1), pp. 318–334.
- Ohme, J. (2019) ‘Updating citizenship? The effects of digital media use on citizenship understanding and political participation’, *Information, Communication and Society*, 22(13), pp. 1903–1928.
- Pykett, J., Saward M., Schaefer A. (2010) ‘Framing the Good Citizen’, *The British Journal of Politics and International Relations*, 12(4), pp. 523–538.
- Schudson, M. (1998) *The Good Citizen: A History of American Public Life*. New York: The Free Press.
- Suwana, F. (2020) ‘What motivates digital activism? The case of the Save KPK movement in Indonesia’, *Information, Communication and Society*, 23(9), pp. 1295–1310.
- Taylor, M., Howard, J., Lever, J. (2010) ‘Citizen Participation and Civic Activism in Comparative Perspective’, *Journal of Civil Society*, 6(2), pp. 145–164.
- Wray-Lake, L., Metzger, A., Syvertsen, A. K. (2017) ‘Testing multidimensional models of youth civic engagement: Model comparisons, measurement invariance, and age differences’, *Applied Developmental Science*, 21(4), pp. 266–284.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

YOUTH CIVIC ACTIVITY PROFILES: PRACTICES, ENGAGEMENT MODES, VALUES

V. V. Malenkov

V. V. Malenkov, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor,
Tyumen State University.

E-mail: vvmalenkov@gmail.com (ORCID: 0000-0003-2710-8022).

Abstract

The author analyzes the relationship between civic engagement and other concepts that describe the specifics of the current situation in the field of reproduction of active citizenship. Three components of civic engagement are distinguished: civic participation (activity aspect), civic engagement (cognitive and communicative aspect) and active citizenship orientation (value component). The article then describes the practice and forms of civic activity of young people in a large Russian city. Empirical data is collected through two questionnaire surveys of Tyumen youth aged 18-24, conducted in 2021 and 2023. When analyzing data, the author relies on a multidimensional personality-oriented approach, which makes it possible to identify homogeneous groups of respondents and describe their profiles. The primary criterion for grouping is the experience of civic participation. The emphasis is on participation formats that are developing in the digital era and are more flexible than traditional, institutional forms. The first study identifies five clusters: "passive", "electoral reserve", "offline reserve", "online reserve", "active". There is an increase in civic activity according to the results of the second measurement. At the same time, there is a change in the structure of the clusters, a change in their proportions. Furthermore, two new clusters are added: "digital asset" and "participants".

Keywords: civic activity; active citizenship; civic participation; civic engagement; civic values; youth.

Международные отношения

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-115-127

ГОРОДУ (РИМУ) И МИРУ: К ВОПРОСУ О РОЛИ *URBI ET ORBI* В ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАТОЛИЦИЗМА

В. Д. Дмитриева

Дмитриева Валерия Денисовна, младший научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: ms.valeria.spb@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7058-787X).

Аннотация

Представлен анализ конфессионального варианта глобализации религии. Теоретической основой исследования выбрана концепция Х. Казановы, усматривавшего истоки глобального католицизма в практике провозглашения *Urbi et Orbi*. Цель состояла в выявлении специфики посланий «к городу и миру» как средства поддержания глобального статуса церкви. В рамках исследования были использованы материалы, размещенные на сайте Святого престола. Выборку составили 92 документа, охватывающие период 1978–2022 гг. Вручную было проведено два варианта контент-анализа *Urbi et Orbi* Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска. Это позволило выделить тематики и упоминания регионов мира. Полученные данные были представлены в виде диаграмм и графиков, а их интерпретация потребовала учета происходивших в конкретное время событий. Сопоставление результатов контент-анализа свидетельствует об адаптивности *Urbi et Orbi*, проблемно-ориентированном подходе и повышенном внимании к теме вооруженных конфликтов. Упоминание в посланиях регионов мира связано с интенсивностью проявления на локальном уровне глобальных проблем. Итогом стало подтверждение исследовательской гипотезы о том, что тематическое содержание и географический охват позволяют маркировать *Urbi et Orbi* в качестве самостоятельного инструмента католической глобализации.

Ключевые слова: глобализация религии; глобальный католицизм; Святой престол; папские послания; *Urbi et Orbi*; контент-анализ; тематики; регионы мира; глобальные проблемы.

На протяжении всей истории религия остается глобальной. Она сохраняет «проницаемые границы», позволяющие верующим взаимодействовать друг с другом, в том числе посредством обмена идеями. Согласно подходу социолога М. Юргенсмейера, глобализация религиозной сферы реализуется в диаспорах, транснациональных религиях и религиях глобальных сообществ, возникающих в мультикультурной среде (Juergensmeyer, 2006: 4–8).

К транснациональным религиям относится католицизм, который апеллирует к универсализму своего учения и по сей день не отказывается от претензий на обладание истиной о политическом благе (Кондратенко, 2014: 268–272). Однако понимание «вселенского» статуса церкви трансформируется в условиях глобализации.

Детально глобализация католицизма была проанализирована Х. Казановой. Социолог религии отмечает, что транснациональный характер католической церкви видоизменялся в ходе истории. Папство, игравшее роль центрального политического института западноевропейского Средневековья, оказалось маргинализировано в контексте становления системы национальных государств. Рисорджименто и ликвидация Папской области лишили понтификов светской власти, и вплоть до подписания Латеранских соглашений наместники Святого престола считали себя «пленниками» Апостольского дворца. В противовес ограничениям, которые данное обстоятельство накладывало на мобильность и, следовательно, возможность личного присутствия, преемники папы Пия IX возобновили традицию обращения «к городу и миру».

Практика провозглашения *Urbi et Orbi* заложила основу глобализации католицизма. Как подчеркивает Х. Казанова, важную роль сыграло также признание церковью принципа религиозной свободы. С 1960-х гг. понтифики взяли на себя функцию представителей интересов всего человечества (*defensor hominis*), а не только верующих, публично призывая к защите универсальных прав личности (Casanova, 1997: 121–130). В связи с вышесказанным возникает вопрос о том, насколько актуальным является использование посланий «к городу и миру» в качестве инструмента католической глобализации?

Теоретическая рамка исследования

Концепция глобального католицизма Х. Казановы позволяет выявить ключевые особенности конфессионального варианта глобализации. Согласно авторскому подходу, Святой престол ориентирован на поддержание глобального статуса католической церкви, что предполагает активизацию деятельности по трем направлениям: 1) публикация энциклик, содержание которых выходит за рамки исключительно религиозной тематики; 2) занятие позиции по вопросам мировой политики, включая участие в разрешении международных конфликтов; 3) публичность понтифика (Casanova, 1997: 125).

Последний пункт трактуется Х. Казановой достаточно широко (Casanova, 1997: 131–134), что предоставляет возможность для анализа различных способов позиционирования папы как члена глобального гражданского общества. В данном контексте существуют исследования по использованию Святым престолом медиа (Vitullo & Fabrizio, 2023); организации таких масштабных мероприятий, как Всемирный день молодежи (Mercier, 2022); зарубежным поездкам понтификов (Barbato, 2020).

Отдельный пласт литературы посвящен изучению речей и документов главы церкви. Условно работы в данной области можно разбить на две группы. В исследованиях первого типа прослеживается эволюция тематик в посланиях за один или несколько понтификатов (Himes, 2014; Knezović et al., 2020). Как правило, объектом анализа выступают послания, приуроченные к Всемирным дням мира, коммуникаций и др. В исследованиях второго типа с применением программного обеспечения проводится контент-анализ (Barbato, 2021) и / или дискурс-анализ (Троу, 2019) документов Святого престола. Здесь появляется возможность для расширения выборки, в том числе через включение всех папских текстов за выбранный временной период (Ziegler, 2020).

Специального внимания заслуживают *Urbi et Orbi*, которые произносятся дважды в год (на Пасху и Рождество), а также по особым случаям. Эти послания носят глобальный характер, поскольку обращены «к городу и миру», переводятся на десятки языков и транслируются через медиа. Изучению *Urbi et Orbi* посвящена публикация чешских исследователей, проведших сравнительный анализ посланий Бенедикта XVI и Франциска. Авторы концентрируются на особенностях политического дискурса и ментальных картах понтификов. Учитывается количество упоминаний географических территорий, но динамика их появления не рассматривается. Тематический репертуар *Urbi et Orbi* также остается за рамками исследования (Kratochvíl & Novorková, 2017). Данная статья призвана заполнить этот пробел.

Метод и эмпирические данные

Эмпирической базой исследования послужили *Urbi et Orbi*, размещенные на англоязычной версии сайта Святого престола¹. Отличительными чертами посланий «к городу и миру» являются поднятие широкого круга вопросов и регулярность обнародования. В выборку вошли 92 документа за 1978–2022 гг.: на понтификат Иоанна Павла II пришлось 55 текстов, Бенедикта XVI – 16, Франциска – 21. Нынешний год исключен из выборки в силу отсутствия на момент анализа Рождественского послания.

¹ John Paul II. *Messages Urbi et Orbi*. URL: <https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/messages/urbi.index.html> (accessed: 12 April 2023); Benedict XVI. *Messages Urbi et Orbi*. URL: <https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/messages/urbi.index.html> (accessed: 12 April 2023); Francis. *Messages Urbi et Orbi*. URL: <https://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/urbi.index.html> (accessed: 12 April 2023).

Проверке подлежала следующая гипотеза: тематическое содержание и географический охват позволяют маркировать *Urbi et Orbi* в качестве самостоятельного инструмента католической глобализации.

Вручную было проведено два варианта контент-анализа папских посланий: интерпретативный и базовый (Drisko & Maschi, 2016: 21–80). Единицами счета выступили тематическая и терминологическая частоты соответственно. Подсчет производился в основной части посланий. Не подлежали анализу библейские сюжеты и специальные приветствия понтификов.

В первом случае смысловые единицы представлены темами, закодированными с применением дедуктивно-индуктивного подхода. Предварительно темы были определены с опорой на иные документы Святого престола, главными из которых являются энциклики. Затем тематики были индуктивно подкреплены и выделены повторно, на основании интерпретации латентного содержания *Urbi et Orbi*. Значимую роль при кодировке играла контекстуализация документов. Это увеличило воздействие субъективного фактора, но одновременно позволило дешифровать аллегорический язык папских посланий.

В результате было выделено 8 тем и 13 подтем с общим количеством в 1254 индикатора. В текстах К. Войтылы встречается 384, Й. Ратцингера – 208, Х. Бергольо – 662 индикатора. В числе категорий следующие:

1. «Война и мир», куда входят «Вооруженные конфликты» (примеры: «братоубийственные войны», «всплески напряженности» и другие индикаторы), «Мирное урегулирование» (примеры: «построение мира», «честные переговоры» и др.) и «Гуманитарная помощь» (примеры: «гуманитарные кризисы», «доступ к гуманитарной помощи» и др.).

2. «Социально-экономические проблемы», куда входят «Социальное неравенство» (примеры: «мир, в котором существует большое неравенство» и др.), «Голод» (примеры: «угроза голода», «умирать от голода» и др.), «Экономический кризис и безработица» (примеры: «мужчины и женщины без работы», «финансовые потрясения» и др.) и «Болезни и эпидемии» (примеры: «смертельные эпидемии», «неизлечимые болезни» и др.).

3. «Мигранты и беженцы» (примеры: «тысячи беженцев брошены и отвержены», «люди вынуждены бежать» и др.).

4. «Религиозная, расовая и этническая дискриминация» (примеры: «наши братья и сестры по вере, которые являются жертвами ограничений или преследований» и др.).

5. «Терроризм» (примеры: «трагическая реальность терроризма», «бесчеловечный и возрастающий феномен терроризма» и др.).

6. «Политические трансформации», куда входят «Демократизация» (примеры: «пробуждение многих демократий», «демократические институты» и др.) и «Политический кризис» (примеры: «паралич политических институтов», «опасения за будущее демократического процесса» и др.).

7. «Организованная преступность», куда входят «Эксплуатация человека» (примеры: «похищения людей», «торговля людьми» и др.) и «Торговля оружием и наркотиками» (примеры: «незаконный оборот наркотиков», «торговцы оружием» и др.).

8. «Экология», куда входят «Природные катастрофы» (примеры: «стихийные бедствия», «природные катаклизмы» и др.) и «Охрана окружающей среды» (примеры: «уделять экологическим проблемам необходимое внимание» и др.).

Во втором случае проводился базовый контент-анализ. Смысловые единицы были представлены упоминаниями территорий и народов. В общей сложности в *Urbi et Orbi* было обнаружено 789 индикаторов, из которых 246 приходится на тексты Иоанна Павла II, 188 – Бенедикта XVI, 355 – Франциска. Обнаруженные индикаторы были сгруппированы по девяти регионам мира, в числе которых Италия, Европа, Северная Америка, Африка, Ближний Восток, Южная Америка, Азия, Центральная Азия и Закавказье, Австралия и Океания.

Выделение Италии в качестве региона обусловлено тем, что католицизм исторически и символически связан с этим государством. Папа римский является примасом Италии, в связи с чем итальянские события маркируются церковью как «внутренние». Предполагается, что в посланиях понтифика Италия соотносится с локальным, а не глобальным уровнем. При классификации иных регионов применялся комплексный подход, учитывающий географические и политические характеристики.

Тематики посланий «к городу и миру»

По результатам контент-анализа *Urbi et Orbi* были составлены диаграммы процентного распределения тематик в посланиях Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска (рис. 1). Сравнение диаграмм позволяет установить наличие иерархии поднимаемых понтификами вопросов.

Лидирующие позиции при распределении тем стабильно занимают «Война и мир» (первое место) и «Социально-экономические проблемы» (второе место). Постоянство демонстрируют также категория «Политические трансформации», располагающаяся на третьей-четвертой позициях, и «Терроризм» (шестое место).

В целом послания Иоанна Павла II и Бенедикта XVI обладают идентичным ранжированием тем. Специфика *Urbi et Orbi* Й. Ратцингера заключается в том, что «Война и мир» занимает менее половины (43,3 %), а «Социально-экономические проблемы» – лишь 13,9 % всех тематик. Предположительно, это связано с наличием энциклики *Caritas in veritate*, в которой Бенедиктом XVI была разработана концепция всемирной власти как единственной гарантии прекращения войн и представлен анализ социальных последствий глобального кризиса 2008–2009 гг. (Бенедикт XVI, 2009).

Рис. 1. Диаграммы процентного распределения тематик в *Urbi et Orbi* трех понтификов (источник: составлено автором)

Послания Франциска отличает рост значимости категорий «Мигранты и беженцы» и «Организованная преступность». В его *Urbi et Orbi* встречается положительная оценка усилий по преодолению миграционного кризиса и более детальное, чем у предшественников, рассмотрение мировой криминогенной обстановки. Если при упоминании «Организованной преступности» Иоанн Павел II и Бенедикт XVI делали акцент на подтеме «Эксплуатация человека» (5/6 и 5/7 случаев соответственно), то нынешний наместник Святого престола уделяет внимание также «Торговле оружием и наркотиками».

Напротив, при Франциске снизилась приоритетность таких категорий, как «Религиозная, расовая и этническая дискриминация» и «Экология». Последний аспект особенно значим, поскольку со второй половины XX в. экологическая проблематика инкорпорирована в католическое социальное учение. Защита окружающей среды стала одной из ключевых тем для Бенедикта XVI, в *Urbi et Orbi* которого «Экология» набрала рекордные 6,7 % от общего числа категорий. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что природоохранная деятельность остается важным для католицизма вопросом:

1. Франциском была обнародована энциклика *Laudato si'*. В документе сформулировано понятие «интегральная экология», которое указывает на взаимозависимость между природной и социальной системами и необходимость преодоления единого многоаспектного кризиса (Франциск, 2015: 106–107).

2. В посланиях Иоанна Павла II и Бенедикта XVI чаще упоминается подтема «Природные катастрофы», а Франциск сравнительно большее внимание уделяет «Охране окружающей среды». Это свидетельствует об учете влияния антропогенного фактора на экологическую проблематику.

Обобщая вышесказанное, можно зафиксировать особенности процентного распределения тематик *Urbi et Orbi*. Во-первых, в посланиях присутствует относительно устойчивый набор приоритетных тем. Во-вторых, их содержание видоизменяется в зависимости от взглядов главы церкви и при наличии энциклик по соответствующим вопросам.

Значимым показателем служит также число категорий *Urbi et Orbi*, которое для Иоанна Павла II сильно варьируется, составляя около четырех в год. Минимум, равный единице, зафиксирован в первый год понтификата и в 1987 г., когда была опубликована энциклика *Sollicitudo rei socialis*. В этом документе папа подверг критике разделение мира по линиям «Запад – Восток» и «Север – Юг» (Иоанн Павел II, 1992: 88–101). Максимальное число в восемь тем было достигнуто в 1984 г. Указанный год ознаменовался окончанием затяжного конфликта между Аргентиной и Чили, медиатором при разрешении которого выступал Святой престол (Шебалина, 2019: 66–67). В посланиях за 1984 г. впервые упоминается феномен терроризма.

В свою очередь, *Urbi et Orbi* Бенедикта XVI и Франциска содержат в среднем по шесть и семь категорий в год соответственно. Флуктуаций практически не наблюдается. Это свидетельствует о стабилизации содержания посланий. Если для Иоанна Павла II характерно изменение количественных показателей – включение или исключение категорий в конкретном историческом контексте, то последними двумя понтификами используется регулирование приоритетности категорий внутри устойчивого тематического репертуара.

В более детализированном виде специфика папских посланий отражена на графиках появления тематик (рис. 2). В рамках понтификата Иоанна Павла II отчетливо выделяется два временных отрезка:

- 1978–1986 гг., за исключением 1984 г., характеризуются меньшим динамизмом освещения тематик. Однако в данный период были достигнуты максимальные значения для категории «Социально-экономическое неравенство» (9 упоминаний). Пиками для подтемы «Голод» стали 1983 и 1985 гг., что обусловлено массовым голодом в Эфиопии. В 1984 г. фиксируются наибольшие показатели для подкатегории «Социальное неравенство».

- 1987–2005 гг. ознаменовались сильным скачком приоритетности темы «Война и мир». Пиковым стал 1992 г. – 17 упоминаний. Это связано с обострением напряженности на Балканах (югославские войны) и Кавказе (карабахский конфликт).

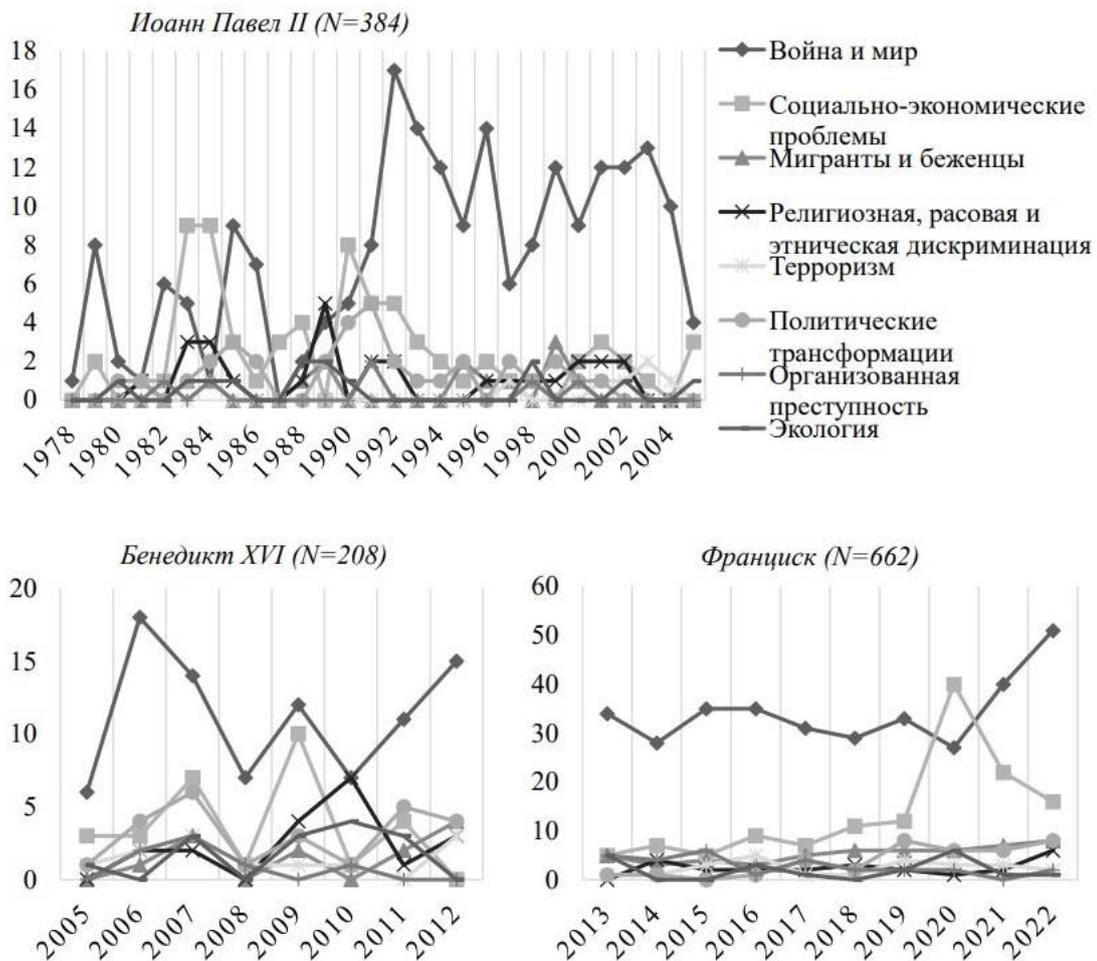

Рис. 2. Графики появления тематик в *Urbi et Orbi* трех понтификов
(источник: составлено автором)

Тема «Война и мир» занимает лидирующую позицию почти все годы понтификата К. Войтылы. Подкатегория «Вооруженные конфликты» (109 упоминаний) получает чуть больше внимания, чем «Мирное урегулирование» (101 упоминание). Подтема «Гуманитарная помощь» появляется единожды в 1999 г. в контексте обращения к властям Югославии с просьбой об открытии гуманитарного коридора в Косово.

В 1989 г. первой по значимости стала тема «Религиозная, расовая и этническая дискриминация» (поднимается пять раз). На ранжирование категорий оказала влияние ситуация в двух регионах. На Ближнем Востоке в это время шло урегулирование ливанского конфликта. В ряде государств Центральной и Восточной Европы в 1989 г. произошло падение коммунистических режимов, которое воспринималось Святым престолом в качестве возможности для будущего «возрождения» христианства.

На 1991 г. пришелся пик категории «Политические трансформации» – 5 упоминаний. Это обусловлено распадом СССР и образованием независимых государств. В рамках указанной темы Иоанном Павлом II был сделан акцент на подкатегорию «Демократизация». Она 33 раза появляется в *Urbi et Orbi*, в то время как подтема «Политический кризис» – единожды, при освещении событий Румынской революции 1989 г.

За исключением 1998 г., категория «Мигранты и беженцы» регулярно поднимается в посланиях за 1995–2000 гг. Это связано с событиями югославских войн – эскалацией ситуации в Боснии и Герцеговине и Косово. Тема «Терроризм» присутствует в документах за весь период 2001–2004 гг., что отсылает к развернувшейся после 11 сентября 2001 г. «войне против терроризма» и вторжению в Ирак в 2003 г. Здесь важно подчеркнуть, что в *Urbi et Orbi* понтифики анализируют глобальные проблемы, но не обозначают актора (или акторов) мировой политики в качестве их источника.

В *Urbi et Orbi* Бенедикта XVI «Война и мир» стабильно занимает первое по значимости место. Пиком для данной категории стал 2006 г. (18 упоминаний), что объясняется обострением ситуации в ближневосточном регионе. В 2006 г. на парламентских выборах в Палестине одержало победу антисионистское движение «ХАМАС». С этого момента в посланиях ежегодно встречается запрос на разрешение палестино-израильского конфликта.

При освещении темы «Война и мир» Й. Ратцингер склонен делать больший акцент на призыве к миру (53 упоминания соответствующей подтемы), чем на освещении вооруженных конфликтов (32) или гуманитарной помощи (5). Для подкатегории «Мирное урегулирование» пиковое значение в 12 упоминаний было достигнуто в 2012 г., в конце понтификата Бенедикта XVI.

Папой также регулярно рассматриваются «Политические трансформации». Наибольшее значение данной темы, равное шести, пришлось на 2007 г. В этот год зафиксирован максимальный показатель для подкатегории «Политический кризис», которая была отнесена к событиям в конкретных странах (в частности, в Афганистане и Демократической Республике Конго). В целом во время папства Й. Ратцингера подтемы «Демократизация» и «Политический кризис» получили равнозначный статус – 14 и 11 упоминаний соответственно.

Во всех посланиях Бенедикта XVI, кроме послания 2011 г., содержится проблематика терроризма. Максимум для этой категории (3 упоминания), а также для темы «Мигранты и беженцы» (4 упоминания) был достигнут в 2012 г., что обусловлено эскалацией ситуации в Сирии и ряде африканских государств.

Следует выделить тот факт, что пиком освещения темы «Социально-экономические проблемы» стал 2009 г. (значение равно десяти). На этот год пришлось наибольшие показатели сразу трех подкатегорий: «Социальное неравенство», «Голод» и «Экономический кризис и безработица». Однако мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. как таковой упоминается в текстах *Urbi et Orbi* лишь дважды, поскольку в 2009 г. была опубликована энциклика *Caritas in veritate*, в которой глава церкви предоставил подробный анализ сложившейся ситуации (Бенедикт XVI, 2009).

В посланиях Франциска за семь из десяти лет понтификата второй по приоритетности становится категория «Социально-экономические проблемы», а в половине случаев третье место занимает тема «Мигранты и беженцы». Необходимо отметить, что проблема миграции была актуализирована Пием XII после Второй мировой войны. С тех пор данный феномен подвергся теологическому переосмыслению и централизации в рамках церковных институций. Современный католицизм воспринимает глобальную миграцию в качестве ресурса социального влияния и противодействия секуляризации (Turina, 2015).

Наиболее приоритетной тематикой для посланий Франциска является «Война и мир». Пик данной категории пришелся на 2022 г. и составил рекордное для всех трех анализируемых понтификатов 51 упоминание. Примечательно, что в рождественском *Urbi et Orbi* за этот год сложившаяся на глобальном уровне ситуация обозначается в качестве «Третьей мировой войны». Предыдущий максимум рассматриваемой категории (40 упоминаний «Войны и мира») был достигнут в 2021 г. и соотносится с обострением конфликтов в ряде территорий, включая Нагорный Карабах.

Как и для Бенедикта XVI, для нынешнего наместника Святого престола характерно скорее освещение вопросов подкатегории «Мирное урегулирование» (появляется в посланиях 183 раза), чем подкатегории «Вооруженные конфликты» (136). Обе подтемы достигли пиковых значений во время эскалации международной напряженности в 2022 г. Больше внимание, в сравнении с предшественниками, Х. Бергольо уделяет подкатегории «Гуманитарная помощь» (24 упоминания).

Единственный раз, когда «Война и мир» теряла лидирующую позицию в посланиях Франциска, стал 2020 г. – начало пандемии COVID-19. На этот год пришелся исторический пик категории «Социально-экономические проблемы», равный 40. В 2020 г. рекордное значение (23 упоминания) получила подтема «Болезни и эпидемии», максимума достигли «Экономический кризис и безработица» и «Социальное неравенство». В посланиях за этот год была также актуализирована экологическая проблематика.

Следует отдельно указать, что нынешним главой церкви «Политические трансформации» воспринимаются сквозь призму подкатегории «Политический кризис» (27/37 случаев). Пиком данной подтемы в 7 упоминаний стали 2019 и 2022 гг. Это свидетельствует о постепенной трансформации в восприятии папами политической действительности: от продвижения демократической повестки Иоанном Павлом II к критическим оценкам Франциска.

Таким образом, анализ тематического содержания *Urbi et Orbi* выявил восприимчивость посланий к происходящим в различных частях мира событиям. Настройка конфигурации проблематики зависит также от степени их разработанности в иных документах: освещение темы в энциклопедиях позволяет уделять ей меньшее внимание в посланиях.

Регионы мира в *Urbi et Orbi*

Следующим шагом в проверке исследовательской гипотезы стал анализ упоминания территорий и народов в *Urbi et Orbi* Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска, на основании которого были составлены диаграммы распределения регионов (рис. 3). Сопоставление полученных результатов свидетельствует о постоянстве при ранжировании нескольких регионов мира: Ближний Восток стабильно занимает лидирующую позицию, далее следуют Африка (второе место) и Южная Америка (четвертое место). Северная Америка регулярно оказывается внизу иерархии освещаемых регионов – на шестой или седьмой позиции.

Важно отметить, что в процентном соотношении значимость Ближнего Востока возрастает: от 27,2 % в посланиях Иоанна Павла II к 45,9 % у Франциска. Рассмотрение ситуации в регионе сосредоточено на нескольких аспектах: 1) палестино-израильские отношения; 2) «исход» христиан; 3) проблема мигрантов и беженцев. Святой престол делает акцент не на критической оценке текущих событий, а на их деполитизации и перемещении в плоскость экуменического сотрудничества (Kratochvíl, 2022: 936–938). Межрелигиозный диалог обретает значимость также в контексте борьбы с терроризмом.

Ранжирование оставшихся регионов изменчиво. Азия, находящаяся на третьей позиции в посланиях Й. Ранцингера, спускается на пятое место у Х. Бергольо. Центральная Азия и Закавказье, Австралия и Океания упоминаются не всеми понтификами. Примечателен случай Европы, которая у Иоанна Павла II и Франциска получила третье, а у Бенедикта XVI – лишь пятое по приоритетности место. Для документов К. Войтылы процент упоминаний Европы (21,2 %), Африки (26 %) и Ближнего Востока (27,2 %) отличается несущественно, тогда как в посланиях его преемников европейскому континенту уделяется значительно меньше внимания. Европа составляет 2,7 % от общего числа регионов мира у Бенедикта XVI и 8,6 % у Франциска.

Италия не рассматривается Й. Ранцингером. В посланиях К. Войтылы освещаются молитвы о мире, проходящие в Ассизи, а не Италия как таковая. Х. Бергольо обращается к ситуации в итальянском государстве единожды. В *Urbi et Orbi* 2013 г. упоминается остров Лампедуза. Это первое место, в котором Франциск побывал в статусе папы с целью привлечения внимания к миграционному кризису. В своей проповеди наместник Святого престола сделал акцент на гуманитарных проблемах, с которыми сталкиваются мигранты и беженцы (Carr-Lemke & Glatzer, 2018: 270–272).

Таким образом, анализ процентного распределения упоминаний регионов в *Urbi et Orbi* трех понтификов продемонстрировал приоритетность Ближнего Востока и Африки как территорий, подверженных сильному воздействию глобальных проблем. Этот вывод соотносится с результатами исследования, установившего отсутствие связи между численностью католического населения и частотой упоминаний территорий в папских посланиях (Kratochvíl & Novorková, 2017). Напротив, предположение о восприятии итальянского контекста в качестве «внутренней» повестки церкви не нашло подтверждения.

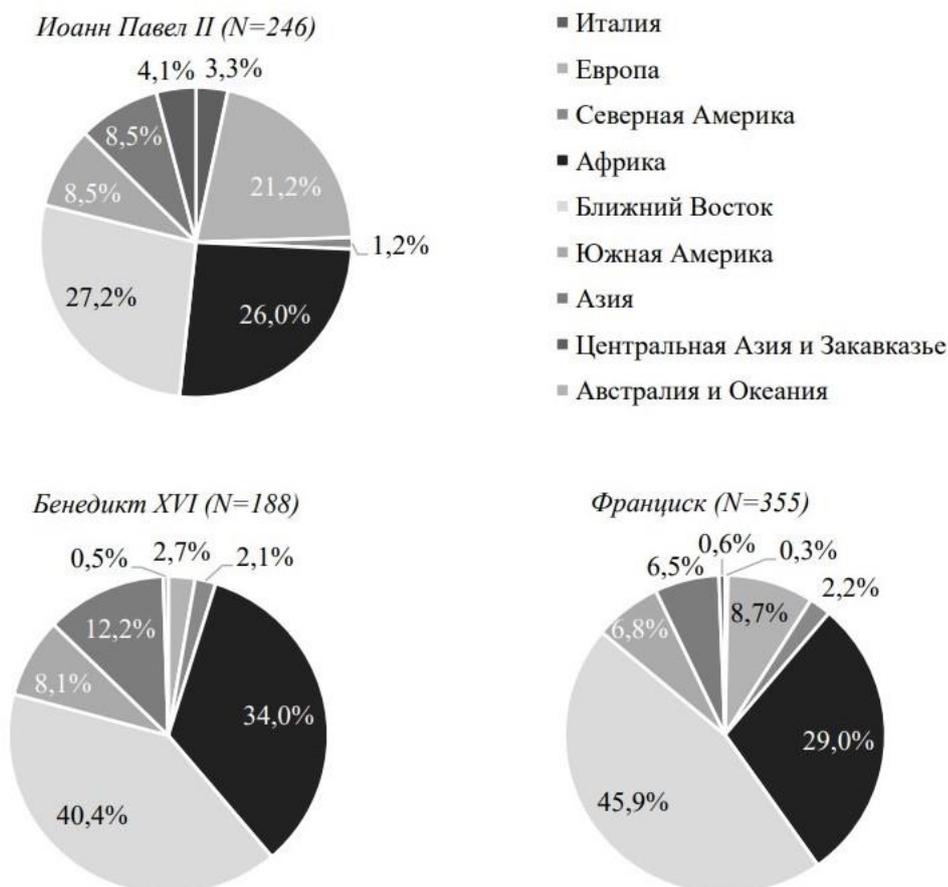

Рис. 3. Диаграммы распределения упоминаний регионов в *Urbi et Orbi* трех понтификов
(источник: составлено автором)

Появление регионов в посланиях Иоанна Павла II характеризуется значительными флуктуациями. Значение, равное нулю, зафиксировано пять раз. Максимум упоминаний (семь регионов) достигнут в 1992 г. В *Urbi et Orbi* за этот год папа впервые рассматривает Китай, где был достигнут консенсус с Тайванем относительно единства государства. В целом послания первых лет понтификата К. Войтылы отличает слабое освещение событий, разворачивающихся в различных частях света.

Ежегодно в *Urbi et Orbi* Бенедикта XVI и Франциска упоминается около пяти регионов мира. Максимальное отклонение от среднего показателя равно двум. В посланиях за 2008 и 2011 гг. рассматривались только Ближний Восток, Африка и Азия, которые при Й. Ратцингере выступали наиболее приоритетными регионами. В *Urbi et Orbi* 2021 г. Х. Берголье расширил охват до семи регионов, что связано с чрезвычайными ситуациями, в числе которых землетрясение на Гаити и обострение конфликта в Нагорном Карабахе.

Приведенная специфика посланий «к городу и миру» позволяет прийти к выводу о том, что изначально они не воспринимались в качестве эффективного средства трансляции взглядов Святого престола на локальное преломление глобальных проблем. Однако на рубеже XX–XXI вв. были осуществлены институционализация *Urbi et Orbi* и закрепление за ними статуса адаптивного инструмента католической глобализации.

Динамика появления регионов в посланиях Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и Франциска отражена на соответствующих графиках (рис. 4). В рамках понтификата К. Войтылы выделяется несколько периодов, за которые менялась интенсивность упоминаний регионов мира:

- 1979–1986 гг. отмечены крайне низкой заинтересованностью папы в освещении локальных событий. Этот временной отрезок совпадает с периодом наименьшего динамизма появления тематик;

- 1987–1999 гг. характеризуются резким скачком внимания ко всем рассматриваемым папой регионам. Происходит интенсификация использования посланий для продвижения официальной позиции церкви по вопросам мировой политики;
- 2000–2005 гг. отличает поддержание устойчивого интереса к Ближнему Востоку и Африке, впоследствии ставшее общим трендом для трех понтификов.

В *Urbi et Orbi* Иоанна Павла II Северная Америка фигурирует только три раза. Максимальное количество упоминаний Европы (десять раз) приходится на 1991 г., когда был достигнут пик категории «Политические трансформации». В этом году, после распада Советского Союза, папа созвал синод европейских епископов. Главной задачей стало обсуждение новой евангелизации Европы, включая восточную часть континента (Сорра, 2014: 207–210).

Наиболее часто (по десять раз) Африка появляется в посланиях К. Войтылы за тот же 1991 г. и за 1993 г., Ближний Восток, набрав 8 упоминаний, оказывается в фокусе внимания в 1996 г. Обе временные точки (1993 и 1996 гг.) совпадают с пиками темы «Война и мир». Наивысший показатель для данной категории был достигнут в 1992 г., когда освещалось миростроительство в Азии и Южной Америке. Более того, в *Urbi et Orbi* с 1992 по 1994 г. регулярно рассматривались события в Центральной Азии и Закавказье.

В посланиях «к городу и миру» Бенедикта XVI Северная Америка также упоминается лишь три раза. Наибольшее количество раз, дважды, европейский континент появляется в 2005 г., что связано с проведением XX Всемирного дня молодежи в Кельне. На 2010 г. выпал наивысший показатель для упоминаний Южной Америки (восемь раз), достигнутый преимущественно в контексте подтемы «Природные катастрофы».

На 2007 и 2011 гг. приходятся максимальные показатели для Африки и Ближнего Востока, а именно на 2011 г. – для Азии. Оба года отмечены высокими значениями большинства категорий *Urbi et Orbi* и пиками темы «Политические трансформации». В частности, в 2011 г. была провозглашена независимость Южного Судана. В 2011 г. также начался конфликт в Сирии, после чего государство регулярно фигурирует в папских посланиях. Следующий 2012 г. вновь поставил в центр внимания Ближний Восток и ознаменовался пиками категорий «Мигранты и беженцы» и «Терроризм».

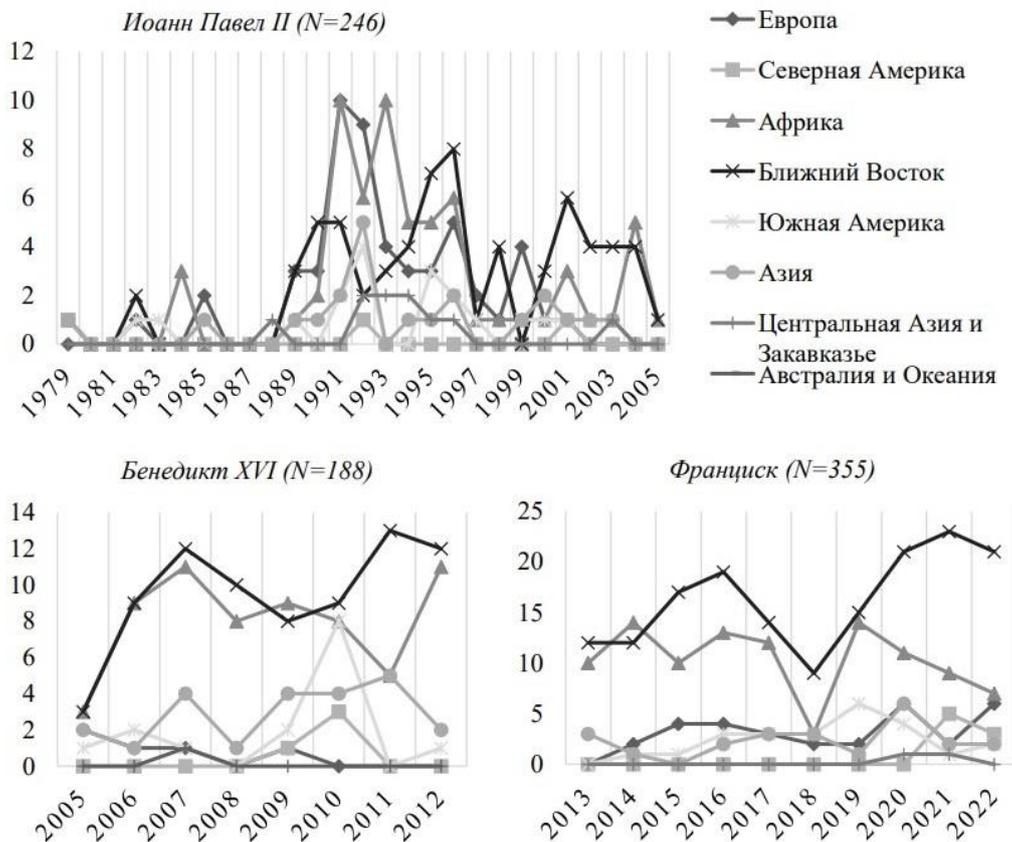

Рис. 4. Графики появления регионов в *Urbi et Orbi* трех понтификов (источник: составлено автором)

В *Urbi et Orbi* Франциска наибольшее количество раз, равное 14, Африка упоминается в 2014 и 2019 гг. Если в первом случае акцент на данном регионе обусловлен эпидемией лихорадки Эбола, то во втором – интенсификацией террористической деятельности. В 2019 г. в рамках категории «Политические трансформации» был набран максимум упоминаний Южной Америки (шесть раз). Ситуация в Северной Америке освещалась в основном в 2021 и 2022 гг. в контексте социально-экономических проблем. При этом необходимо учитывать, что США главой церкви не упоминались.

Наиболее часто Ближний Восток появляется в посланиях за 2020–2022 гг. (от 21 до 23 раз). На этот период приходятся пиковые значения многих тематик, что свидетельствует о комплексном подходе Святого престола к анализу ситуации в регионе. Европа и Азия получают максимальное внимание в 2020 г., в начале пандемии COVID-19 (по 6 упоминаний). Важно отметить, что только в *Urbi et Orbi* за этот год присутствуют рассуждения понтифика о будущем Европейского союза. Еще одним пиком для Европы стал 2022 г., когда произошло обострение украинского конфликта.

Выводы

Проведение двух вариантов контент-анализа позволило установить, что главными особенностями *Urbi et Orbi* выступают адаптивность и проблемно-ориентированный подход. В связи с этим упоминание в посланиях регионов мира зависит не от статистики католического населения, а от интенсивности проявления на локальном уровне глобальных вызовов.

В сравнении с общей тематикой документов Святого престола (Ziegler, 2020: 10), *Urbi et Orbi* отличает больший интерес к проблеме вооруженных конфликтов, чем к политическим вопросам. Несмотря на обнародование ежегодных посланий к Всемирному дню мира, *Urbi et Orbi* воспринимаются католицизмом как более эффективное средство привлечения общественного внимания к теме «Война и мир».

Глава церкви позиционирует себя в качестве актора глобальной политики, важнейшей функцией которого выступает артикуляция общезначимых проблем. *Urbi et Orbi* обращены «ко всем людям доброй воли», однако конкретными адресатами являются:

- политические лидеры – в 12/55 посланий Иоанна Павла II и трети *Urbi et Orbi* Бенедикта XVI и Франциска;
- мировое сообщество – в одном послании Иоанна Павла II и трех Бенедикта XVI, в половине *Urbi et Orbi* Франциска;
- международные организации – в одном послании «к городу и миру» каждого из рассматриваемых понтификов.

Приведенные данные свидетельствуют о возрастании частоты публичных обращений к светским властям. Показательно в этом отношении рождественское *Urbi et Orbi* 2022 г., когда Франциск трижды призвал политических лидеров к участию в преодолении актуальных вызовов. Напротив, международные организации упоминаются лишь в отдельных случаях, включая рассмотрение последствий пандемии COVID-19. Это может быть объяснено тем, что Святой престол обладает статусом постоянного наблюдателя при ООН. Папская дипломатия реализуется в заявлениях и встречах с генеральными секретарями и основывается на признании роли международных институтов как платформ для сотрудничества (Sekerák & Lovaš, 2022: 73).

Значимой для нынешнего понтифика стала апелляция к мировой общественности, что соотносится с продвигаемым Франциском пониманием международной политики как «глобальной политики снизу». Папа представляет католическую церковь в качестве защитника коллективного общего блага (экономических, социальных и культурных прав) и отстаивает политический подход, основанный на вовлечении представителей периферии в общественные дискуссии (Трой, 2021: 562–566).

В *Urbi et Orbi* заместники Святого престола настаивают на необходимости решения глобальных проблем, но не относят себя к актерам, ответственным за предложение и имплементацию конкретных мер. Практический вклад церкви заключается в освещении вызовов, угрожающих человечеству в целом, а не только верующим католикам. Косвенно этот тезис подтверждается снижением при Франциске приоритетности темы «Религиозная, расовая и этническая дискриминация». Как отмечают исследователи, нынешний папа в меньшей степени склонен определять мир через совокупность странств нарушения свободы религии (Kratochvíl & Novorková, 2017: 83–84).

В целом в *Urbi et Orbi* наблюдается тренд на отход от рассмотрения религиозных вопросов к анализу относительно устойчивого перечня глобальных вызовов современности. Иными словами, происходит институционализация посланий «к городу и миру» как транслятора позиции Святого

престола по вопросам глобальной политики. При настройке конфигурации поднимаемых в *Urbi et Orbi* тематик учитывается сразу несколько факторов: 1) текущая мировая и региональная ситуации; 2) личные воззрения главы церкви; 3) степень разработанности проблематики в текстах энциклик.

Итогом проведенного исследования является подтверждение гипотезы о том, что тематическое содержание и географический охват позволяют маркировать Urbi et Orbi в качестве самостоятельного инструмента католической глобализации.

Список литературы / References

- Бенедикт XVI (2009) *Энциклика Caritas in Veritate*. Москва: Издательство Францисканцев, 112 с. [Benedict XVI (2009) *Encyclical Caritas in Veritate* [Entsiklika Caritas in Veritate]. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev, 112 p. (In Russ.)].
- Иоанн Павел II (1992) *Мысли о земном*. Москва: Издательство «Новости», 424 с. [John Paul II (1992) *Thoughts about the earthly* [Mysli o zemnom]. Moscow: Izdatel'stvo «Novosti», 424 p. (In Russ.)].
- Кондратенко, С. Е. (2014) 'Католицизм в условиях глобального кризиса', *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 10(3), сс. 267–277. [Kondratenko, S. E. (2014) 'Catholicism under global crisis conditions' [Katolitsizm v usloviyakh global'nogo krizisa], *Political expertise: POLITEX*, 10(3), pp. 267–277. (In Russ.)].
- Папа Римский Франциск (2015) *Энциклика Laudato si' о заботе об общем доме*. Москва: Издательство Францисканцев, 192 с. [Pope Francis (2015) *Encyclical Laudato si' on care for our common home* [Entsiklika Laudato si' o zabote ob obshchem dome]. Moscow: Izdatel'stvo Frantsiskantsev, 192 p. (In Russ.)].
- Шебалина, Е. О. (2019) *Приоритеты внешней политики Святого Престола в период понтификата папы Франциска (2013–2018 гг.)*. Дисс. канд. ист. наук. Москва, 178 с. [Shebalina, E. O. (2019) 'Foreign policy priorities of the Holy See during the pontificate of Pope Francis (2013–2018)' [Prioritety vneshnei politiki Svyatogo Prestola v period pontifikata papu Frantsiska (2013–2018 gg.)]. Cand. Diss. (Hist.). Moscow, 178 p. (In Russ.)].
- Barbato, M. P. (2020) 'Geopolitics of Papal Traveling: (Re)Constructing a Catholic Landscape in Europe', *Religions*, 11(10), 525. DOI: 10.3390/rel11100525.
- Barbato, M. P. (2021) 'Tamed Mobilization. Marian Messages, Pilgrim Masses and Papal Moderateness in Fatima since Paul VI', *Religions*, 12(9), 671. DOI: 10.3390/rel12090671.
- Carr-Lemke, T. and Glatzer, M. (2018) 'You Are Instead a Gift': Pope Francis's Response to Global Migration and the Refugee Crisis' in Lyon, A. J., Gustafson, C. A. and Manuel, P. C. (eds.) *Pope Francis as a Global Actor: Where Politics and Theology Meet*. London: Palgrave Macmillan, pp. 267–284. DOI: 10.1007/978-3-319-71377-9_13.
- Casanova, J. (1997) 'Globalizing Catholicism and the Return to a "Universal" Church' in Rudolph, S. H. and Piscatori, J. (eds.) *Transnational Religion and Fading States*. New York, London: Routledge, pp. 121–143. DOI: 10.4324/9780429503467-6.
- Coppa, F. J. (2014) *The Papacy in the Modern World: A Political History*. London: Reaktion Books, 304 p.
- Drisko, J. W. and Maschi, T. (2016) *Content Analysis: Pocket Guides to Social Work Research Methods*. Oxford: Oxford University Press, 191 p.
- Himes, K. (2014) 'Papal Thinking about Peace Since Pacem in Terris: The World Day of Peace Messages, 1967–2013', *Journal of Catholic Social Thought*, 11(1), pp. 9–32. DOI: 10.5840/JCATHSOC201411113.
- Juergensmeyer, M. (2006) 'Thinking Globally About Religion' in Juergensmeyer, M. (ed.) *The Oxford Handbook of Global Religions*. Oxford: Oxford University Press, pp. 3–12. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195137989.003.0001.
- Knezović, M., Skoko, I. and Topić Stipić, D. (2020) 'Pope Francis' Messages for World Communication Day', *South Eastern European Journal of Communication*, 2(2), pp. 47–56. DOI: 10.47960/2712-0457.2020.2.2.47.
- Kratochvíl, P. and Hovorková, J. (2017) 'Papal Geopolitics: The World According to Urbi et Orbi', *The Review of Faith & Inter-*

- national Affairs*, 15(4), pp. 79–92. DOI: 10.1080/15570274.2017.1392167.
- Kratochvíl, P. (2022) 'Temporality and Geopolitics: The Case of Global Catholicism', *Geopolitics*, 27(3), pp. 921–947. DOI: 10.1080/14650045.2020.1842363.
- Mercier, Ch. (2022) 'Religion and the Contemporary Phase of Globalization: Insights from a Study of John Paul II's World Youth Days', *Journal of World History*, 33(2), pp. 321–351. DOI: 10.1353/jwh.2022.0015.
- Sekerák, M. and Lovaš, K. (2022) 'The Diplomacy of the Holy See and its Transformation in the Context of Relations with the United Nations', *Review of Faith & International Affairs*, 20(1), pp. 69–81. DOI: 10.1080/15570274.2022.2031071.
- Troy, J. (2021) 'International politics as global politics from below: Pope Francis on global politics', *Journal of International Relations and Development*, 24, pp. 555–573. DOI: 10.1057/s41268-020-00202-y.
- Troy, J. (2019) 'The Papal Human Rights Discourse: The Difference Pope Francis Makes', *Human Rights Quarterly*, 41(1), pp. 66–90. DOI:10.1353/HRQ.2019.0003.
- Turina, I. (2015) 'Centralized globalization: The Holy See and human mobility since World War II', *Critical Research on Religion*, 3(2), pp. 189–205. DOI: 10.1177/2050303214552573.
- Vitullo, A. and Fabrizio, M. (2023) 'Catholic Church's Communication in the Era of Bergoglio: Balancing Tradition and a New Leadership', *Religions*, 14(2), 194. DOI: 10.3390/rel14020194.
- Ziegler, J. (2020) *Responsiveness and Unelected Leaders: Lessons from the Catholic Church*. OSF Preprints, pp. 1–A32. DOI: 10.31219/osf.io/kvz48.

Статья поступила в редакцию: 25.07.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

TO THE CITY (OF ROME) AND TO THE WORLD: ON THE ROLE OF *URBI ET ORBI* IN THE GLOBALIZATION OF CATHOLICISM

V. D. Dmitrieva

V. D. Dmitrieva, Junior Research Fellow,

The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: ms.valeria.spb@mail.ru (ORCID: 0000-0001-7058-787X).

Abstract

The article provides an analysis of the confessional aspect of religion's globalization. The theoretical approach underlying the study is the concept of J. Casanova, tracing the origins of global Catholicism in the practice of proclaiming *Urbi et Orbi*. The aim of the article is to identify the specifics of the messages "to the city and to the world" as a means of maintaining the global status of the Church. The study is conducted in the form of two variants of content analysis, with data being gathered from the website of the Holy See. Within the framework of the content analysis, issues and mentions of world regions are highlighted. A comparison of the findings of content analysis indicates the adaptability of *Urbi et Orbi*, its problem-oriented approach and increased attention to the issue of armed conflicts. The mention of the world regions in the papal messages is associated with the intensity of the manifestation of global problems at the local level. The result of the study is the confirmation of the hypothesis that the thematic content and geographical coverage make it possible to label *Urbi et Orbi* as an independent tool of Catholic globalization.

Keywords: globalization of religion; global Catholicism; Holy See; papal messages; *Urbi et Orbi*; content analysis; issues; world regions; global problems.

УДК: 327:328.18(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-128-136

АРКТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: НАБЛЮДЕНИЯ ИЗ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА

Ф. Е. Золотарев

Золотарев Федор Евгеньевич, аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8789-0856. ResearcherID: ABL-5541-2022).

Аннотация

Работа направлена на изучение арктического направления международной деятельности Санкт-Петербурга в период с 2019 по 2022 г. Теоретической основой исследования стала теория парадипломатии, которая представляет собой частный случай теорий неолиберальной парадигмы международных отношений. Цель исследования – изучить результаты международной деятельности субъекта Федерации и проанализировать, какое место занимают отношения с арктическими акторами. Для достижения указанной цели используется метод сетевого анализа, инструментарий которого задействован в изучении связей Санкт-Петербурга и его профильных ведомств во взаимодействии с иностранными и международными контрагентами. Обращение к методу сетевого анализа объясняется необходимостью в комплексном подходе при анализе фактов сотрудничества, динамичном рассмотрении трансформаций за определенный промежуток времени. В качестве источниковой базы были использованы официальные отчеты о ходе реализации соглашений об осуществлении международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, которые были деконструированы и закодированы для проведения сетевого анализа и построения сетевых моделей. В результате было показано, что помимо общих преобразований сети и изменения ее параметров внутри нее определяются эпизоды сотрудничества Санкт-Петербурга с арктическими акторами через преимущественное сотрудничество с Финляндией. Вместе с этим делается вывод о триангуляции данных, что возможно достичь через обращение к другим источникам информации и включение их в исследование.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; город; регион; субнациональный актор; сетевой анализ; парадипломатия; международная деятельность.

Введение

Арктика как формирующийся регион находится в поле интересов и взаимодействия не только суверенных государств. Наряду с ними в практиках и конструировании участвуют различные неклассические акторы: неправительственные организации, малые народы и этносы, международные институты и субнациональные акторы в лице субъектов государства и городов.

При этом фактор географической близости не всегда играет определяющую роль для актора. В частности, Санкт-Петербург, который географически не входит в арктическую зону, напрямую и опосредованно участвует в международном сотрудничестве с другими арктическими акторами. В связи с этим представляется оправданным исследовать, каким образом происходит подобная деятельность.

Цель данной статьи – проанализировать результаты международной деятельности Санкт-Петербурга с 2019 по 2022 г. как автономного участника международной политики и определить, какую долю занимает взаимодействие с акторами и агентами, имеющими отношение к Арктике и арктической повестке. Для достижения этой цели автор использует метод сетевого анализа, поскольку познавательные возможности метода позволяют оценить вклад и охарактеризовать заинтересованность самого субнационального актора в арктическом направлении как отдельном векторе деятельности.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первой части дается обзор теоретических подходов к участию различных акторов в рамках арктических исследований. Во второй части показаны эпистемические возможности методологии сетевого анализа применительно к изучению международной активности актора. В третьей части представлен сам сетевой анализ результатов международной деятельности Санкт-Петербурга на основе набора данных, извлеченных из ежегодных отчетов Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга. В заключении объясняются потенциальные направления и рекомендации по дальнейшему изучению вопроса в рамках используемого метода.

Методология и данные

Многообразие акторов – кейс Арктики. Растущий интерес к Арктике со стороны представителей социальных наук в общем и международно-политической науки в частности отражает значимость, которую приобрел регион для исследователей (Песцов, 2021: 15–16; Гутенев & Сергунин, 2022: 156). Комплексность процессов порождает вопросы, формирующиеся на стыке разных дисциплин, отдельное место среди которых получила наука о международных отношениях. Вместе с этим в арктическом пространстве отмечают взаимодействие не только между классическими акторами в лице государств. Кроме них замечены множественные интеракции и активность среди неклассических или негосударственных акторов (Харлампьева & Лагутина, 2011: 66; Гутенев & Сергунин, 2022: 163).

Одними из таких акторов являются региональные и местные власти, которые, находясь на отдельном субнациональном уровне в международно-политической иерархии, могут действовать за пределами своего государства. Зачастую это принимает формат сотрудничества регионов и городов, представители которых реализуют свое международное участие и поддерживают внешние связи. Подобная деятельность в международном академическом сообществе получила наименование «парадипломатия» (Sergunin & Konyshchev, 2019: 85; Joenniemi & Sergunin, 2014; Акимов, 2016), она используется в качестве отдельного теоретического обоснования в рамках политической науки и науки о международных отношениях.

Традиции парадипломатии восходят к неолиберальной парадигме и изучению негосударственных акторов как неклассических участников международных отношений. Усложнение глобальных процессов и вовлечение в международную политику отличных от национальных государств акторов повлияло на попытки объяснить их параллельное участие. Сам термин «негосударственный актор» при этом носил дескриптивный характер и применялся для обозначения различных форм негосударств: межправительственных организаций, транснациональных корпораций, общественных и некоммерческих организаций. Помимо необходимости рассматривать международную политику более сложным пространством в ней выделялась своя «этажность», которая закладывала идею о наличии разноуровневых групп акторов (Rosenau, 1969: 23–27). Так, отдельную группу, или «субгруппу» обозначает Дж. Розенау, которую составляют правительства регионального или местного уровня, а также бюрократические ведомства, в создании которых приняли участие отдельные государственные ведомства, которым они подотчетны (Rosenau, 1990: 132–133). Подобная разновидность акторов в академическом сообществе получила наименование субнациональных акторов, отличительной чертой которых является некоторая пространственная связность и обладание территориальным расположением. Например, городов, регионов, агломераций, оказывающих влияние на глобальные процессы (Савкин, 2009: 176).

Более того, за подобными субнациональными акторами сохраняется определенная автономия, самостоятельность в их международной деятельности. Внутренне оформленные по бюрократической модели управления, они реализуют свои интересы, структурируют, ставят себе цели и задачи по сотрудничеству с контрагентами из зарубежных стран. Впоследствии это находит свое выражение в многообразии форматов взаимодействия: через ведение переговоров и протокольных встреч, заключение соглашений, создание институтов для решения практических вопросов или отдельных программ с инициативами (Tavares, 2016: 30–39; Акимов, 2016: 26–27). Безусловно, данная автономия имеет свои пределы, которые можно разделить на внутренние и внешние.

Внутренние причины, ограничивающие возможности субнационального актора реализовывать свои внешние связи, связаны с его ресурсами. Под ними можно понимать наличие экономических, политических, управленческих возможностей для реализации интересов с внешними игроками и на международном уровне. Здесь не последнюю роль играет само государство, которое создает для региона рамочные условия, влияющие на участие в международных отношениях. Источником подобного ограничения является государственный суверенитет, от которого исходят нормы, правила пове-

дения. Дополнительно создаваемые государством институты, как, например, в случае с Советом глав субъектов РФ при Министерстве иностранных дел России, закрепляют и цементируют подобные ограничения. Их сочетание задает некоторый уникальный стандарт для субнациональных акторов, отличающийся от одного государства к другому.

Среди внешних причин зачастую называют нормы и практики, сложившиеся в международном праве. Здесь можно возразить, что нормы в международном праве являются производными от поведения государств, однако часть из них не всегда находит свое выражение в закрепленных договорами формах. В отношении действий регионов государств или городов упоминают «мягкое право», согласно которому участник международных процессов может обладать собственной агентностью и представлять себя в качестве отдельного актора (Aust, Nijman & Marcenko, 2021: 134). С некоторыми ограничениями также можно называть нормативные документы наднациональных объединений, которые если не обязательно регулируют, то допускают и стимулируют подобную деятельность. Например, Европейская хартия местного самоуправления¹ содержит положения, согласно которым городские власти в общеевропейском пространстве могли ассоциироваться с властями других городов и поселений. Иными словами, субнациональные акторы тоже действуют в рамках некоторых стандартов и вариантов действий, которые принимаются остальными участниками в качестве обычаев.

Подобная способность субнациональных акторов вести международную деятельность и устанавливать отношения с внешними акторами имеет ряд следствий. Первое следствие означает, что у такого типа актора есть возможность не просто разграничивать, но и приоритезировать отдельные направления сотрудничества. Фактически внешние связи региона можно сгруппировать в зависимости от определяемого принципа: географии сотрудничества, частоты контактов, уровня институционализации отношений. В рамках данной работы ограничимся именно географическим маркером, чтобы можно было установить и охарактеризовать арктический вектор в имеющемся многообразии связей у субъекта Федерации. Второе следствие означает, что международная деятельность может быть проанализирована с использованием различных методов общенаучного и специального характера. Каждый из подходов предлагает собственные возможности для познания и ограничения на извлекаемые результаты, из-за чего остановимся на методе сетевого анализа.

Метод сетевого анализа в изучении международной активности субнациональных акторов. Традиция изучения парадипломатии субнациональных акторов представлена результатами преимущественно качественных методов исследования. Фокус на изучение отдельных случаев международной деятельности региона, генерализация опыта и построение на их основе некоторых закономерностей уже зарекомендовали себя в качестве исследовательской стратегии (Kuznetsov, 2015; Tavares, 2016; Sergunin & Konyshchev, 2019; Акимов, 2016; Камынин & Михайленко, 2022). Обращение именно к методу сетевого анализа и импортирование его в исследования по этой тематике позволяет достичь две цели. Во-первых, ввиду самого характера метода, который ориентирован на изучение горизонтального взаимодействия и структурного анализа связей, удается рассмотреть процессы с учетом поликаузального характера и взаимосвязанности элементов. За счет этого метод предоставляет иную исследовательскую оптику для изучения как ранее исследованных вопросов, так и новых, ранее упущенных аспектов социального мира (Belloitti, 2021: 13). Во-вторых, за счет дополнительного инструментария, которым обладает метод, возможно более детализированное и динамическое изучение исследуемого объекта. Опора на эмпирические или статистические данные составляет основу для проведения исследования с задействованием метода сетевого анализа (Hafner-Burton, Kahler & Montgomery 2009; Дегтерев, 2015: 133–134; Саворская, 2011: 275).

Применительно к изучению международной деятельности Санкт-Петербурга метод сетевого анализа предлагает по-иному взглянуть на результаты взаимодействия региона. Они принимают форму пространства интеракций, в котором контакты и связи между государственными и негосударственными акторами отражают комплексность текущих процессов в международной политике (Камынин & Михайленко, 2022: 288–289). Отсюда метод сетевого анализа позволяет решить две основные задачи. Первая задача касается рассмотрения структурных особенностей как самой сети, так и положения отдельных узлов внутри нее. Здесь инструментарий метода, благодаря возможностям теории графов и визуализации отношений, открывает дорогу и для дескриптивного, и для объяснительного исследования арктического вектора во внешних связях Санкт-Петербурга.

¹ Европейская хартия местного самоуправления, *Бюро договоров. Совет Европы*. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a105> (дата обращения: 29.03.2023).

Вторая задача связана с изменением сети, то есть с изучением ее динамического преобразования. Благодаря своей близости к количественным методам исследования сетевой анализ дает возможность сравнить результаты преобразований в рамках лонгитюдного исследования. В отношении международной деятельности Санкт-Петербурга рассмотрение динамики изменения сети полнее раскрывает то, каким образом перестраивалась парадипломатия Санкт-Петербурга в период с 2019 по 2022 г., каким образом сказывались на ней глобальные события и изменения.

В качестве первичных данных, на которые опирался автор в рамках исследования, стала информация из годовых отчетов Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга о ходе реализации соглашений об осуществлении международного сотрудничества, международных и внешнеэкономических связей за 2019, 2020, 2021 и 2022 гг.¹. Собранная в этих отчетах информация отражает наиболее значимые события и результаты международной деятельности с точки зрения самого субъекта Федерации. Для анализа информация из отчетов была деконструирована: в качестве единицы анализа были выбраны факты международного события или встречи между представителями Санкт-Петербурга, с одной стороны, и их контрагентов, с другой стороны. Они определялись в качестве ненаправленной связи в сети между узлами.

Извлеченная информация была закодирована и собрана в отдельный набор данных², который состоит из кодификатора, четырех наборов связей между узлами и четырех списков акторов в сети за анализируемый год. Такая база данных включает в себя 164 строки по связям и 129 строк по акторам за 2019 г., 129 строк по связям и 87 строк по акторам за 2020 г., 110 строк по связям и 77 строк по акторам за 2021 г., 32 строки по связям и 31 строку по акторам за 2022 г. База данных также включает в себя скрипт кода, написанный на языке R в программе RStudio, который и был использован для построения сетевых моделей вместе с просчетом основных параметров.

Безусловно, характер данных и последующее обращение к ним имеет ряд ограничений. Во-первых, подобная информация отражает восприятие именно чиновниками и сотрудниками различных ведомств из Санкт-Петербурга результатов своей деятельности. Это следует учитывать при вынесении итоговых суждений относительно международной активности региона. Во-вторых, информация в отчетах не всегда полностью отражала стороны, между которыми происходило взаимодействие: это касалось и международных контрагентов Санкт-Петербурга, и самого субнационального актора вместе с его ведомствами. Из-за этого часть упоминаний и ссылок на подобную неполную информацию определялась как «шум» и не включалась в набор данных. В-третьих, если удавалось установить одну из сторон, однако было проблематично точно определить другую сторону во взаимодействии, решение принималось в пользу генерализации и отнесения связи сотрудничества к более крупной организации или ведомству.

Результаты

Согласно годовым отчетам Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, международная деятельность этого региона отличается разнообразием контрагентов по разным параметрам: страновой принадлежности, уровню и типу актора, количеству встреч с ним. Это соседствует с тем фактом, что международная деятельность Санкт-Петербурга реализуется посредством нескольких ведомств и агентств, помимо профильного комитета и правительства региона. Метод сетевого анализа позволяет схватить получаемые пространства сетевого взаимодействия, фиксируя в моменте результаты сотрудничества за конкретный временной промежуток. Это также позволяет сравнить между собой периоды, проследить динамику изменения сети и положения некоторых акторов в ней.

Динамика трансформации сети отражает тенденцию к уплотнению, или сжатию, что следует из описательной статистики по сетям за четыре года (таблица). Сокращение количества узлов и связей между ними коррелирует с повышением параметров плотности и центральности при уменьшении диаметра. Внутри сети это выражается в появлении крупных компонентов узлов вокруг двух агентов: правительства и Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга (рис. 2).

Другим важным с точки зрения показателя изменений в сети является параметр изменчивости. Классическое применение этого параметра связано с изучением эго-сетей: сетей персональных отношений и предпочтений у индивидов. Параметр характеризует то, насколько преобразовалась сеть за определенный временной промежуток. В его основе находится отношение между суммой приобре-

¹ Сотрудничество Санкт-Петербурга с зарубежными городами и регионами. URL: <https://kvs.gov.spb.ru/sankt-peterburg-strany-mira/sotrudnichestvo-sankt-peterburga-s-zarubezhnyimi-gorodami-i-regionami/> (дата обращения: 19.03.2023).

² Набор данных доступен на репозитории Harvard Dataverse. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/EJPIQZ>.

тенных и потерянных акторов и суммой общего количества акторов за два периода (Камынин & Михайленко, 2022: 291; Perry, Pescosolido, & Borgatti 2018: 254–255). В рамках изучения сетей субнационального актора и с учетом использования источника информации из отчетов Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга можно с определенной долей уверенности отнести подобную сеть к разновидностям эго-сети, дополнительно оговорив, что роль индивидов играют политико-управленческие структуры субъекта Федерации. Показатель параметра изменчивости отражает высокую динамику преобразований в самой сети. При сравнении периодов между 2019 и 2020, 2020 и 2021, 2021 и 2022 гг. видно значение параметра, близкое к единице (рис. 1), что с точки зрения теории сетей раскрывает связи Санкт-Петербурга как нестабильные, подверженные динамичному изменению и преобразованию.

При этом взаимодействие между акторами носит асимметричный характер, а отношения в двустороннем формате сосуществуют с многосторонним вариантом дипломатии, в рамках которого в связь вступают разные по уровню и классу акторы. Это видно в связях с иностранными контрагентами, принадлежащих не только к политико-административной сфере, но также и к сфере искусства, образования, науки, здравоохранения. Нередко присутствует формат взаимодействия государственных органов с представителями общественности в лице некоммерческих организаций, институтов образования и культуры. Также для сети характерны случаи взаимодействия представителей коммерческого и политико-управленческого секторов, через которые акторы из разных стран не только проводят ознакомительные встречи, но также фиксируют в форме договоров и контрактов результаты для последующей реализации проектов.

Причины подобной динамики, которая сказывается на характере сети, можно разделить на две группы. Во-первых, это унификация и приведение к одному стилю публикации информации в отчетах. Здесь раскрывается субъективный характер источника данных, который формируется представителями Комитета по внешним связям, из-за чего возможно искажение информации и неполнота их передачи. В отличие от отчетов 2019, 2020, 2021 гг., информация в которых наполнена фактами встреч и событий с подробным их описанием, отчет 2022 г. характеризуется большей сдержанностью. Это сказывается на не всегда достаточной для отображения информации для деконструирования и последующего кодирования. Вследствие чего моделируемая сеть также переносит недостатки и редуцируемые данные. Во-вторых, общемировые и глобальные тенденции, которые сказались и на национальном, и на региональном уровне: введение антиковидных мер, которые повлекли за собой ограничения на пересечение границ и качественно повлияли на международное сотрудничество; начало специальной военной операции на Украине и последующая переориентация логистических, транспортных маршрутов между странами Европы и Азии. Все эти факторы имеют политическое измерение, опосредованно влияющее на международную активность и географию контактов Санкт-Петербурга.

**Сводная статистика по сетям международной деятельности за 2019–2022 гг.
на основе годовых отчетов Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга**

Годы	2019	2020	2021	2022
Количество узлов	129	87	77	31
Количество связей	151	120	102	29
Плотность	0,018 289 73	0,032 076 98	0,034 859 88	0,062 365 59
Диаметр	4	7	6	2
Количество компонентов (самый большой)	22 (72)	6 (72)	5 (68)	5 (23)
Центральность	0,297 26 48	0,492 492	0,516 576 6	0,524 137 9

Примечание. Таблица составлена автором на основании набора данных и выполненного в RStudio дескриптивного анализа.

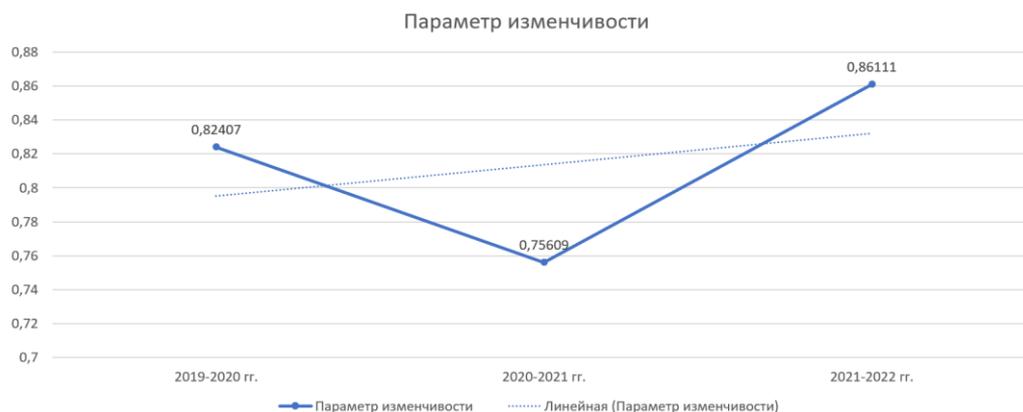

Рис. 1. График динамики параметра изменчивости сети за 2019–2022 гг.
(составлен автором на основании расчетов по информации из набора данных)

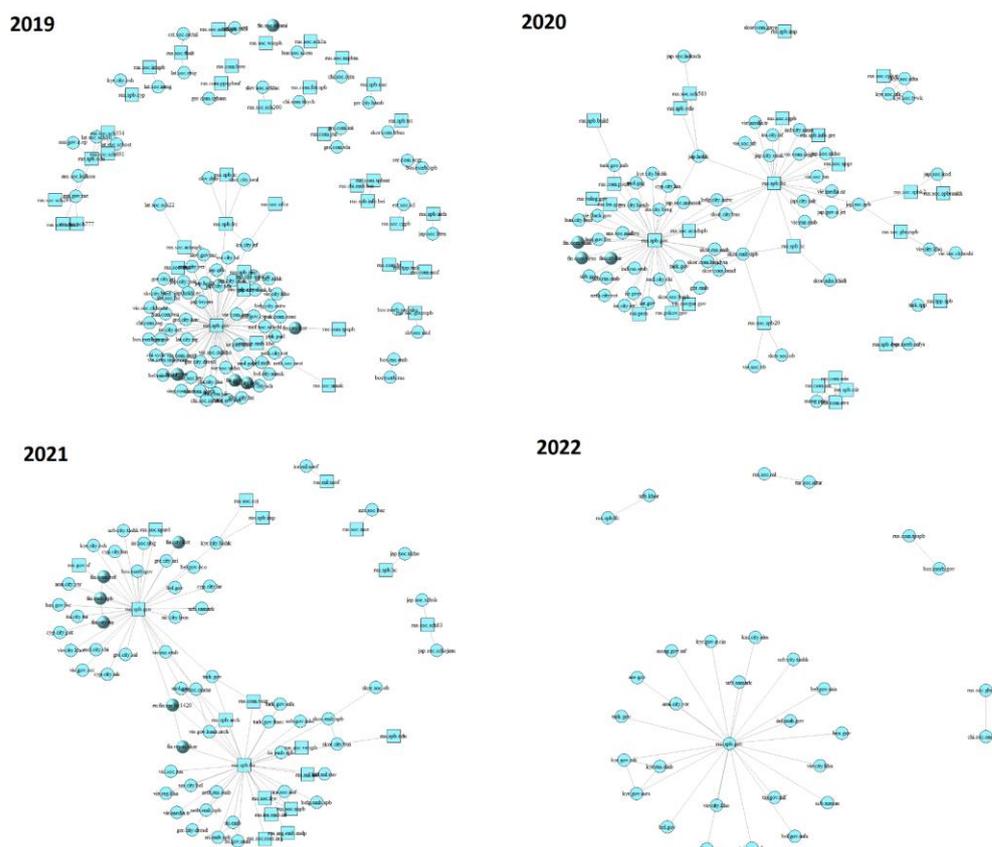

Рис. 2. Графы сетей международной активности Санкт-Петербурга за 2019–2022 гг.
(составлено автором на основании набора данных. Разными формами узлов в сети отражена их принадлежность к России: квадратная форма – актер связан с Россией; круглая и сферическая формы – актер не связан с Россией. Сферической формой также обозначены акторы, которых можно отнести к числу контрагентов в арктическом направлении международной деятельности Санкт-Петербурга)

Визуализация сети дает возможность проанализировать связи внутри нее между отдельными акторами, что по-своему характеризует международную деятельность Санкт-Петербурга в общем и арктический вектор в частности. Как было сказано ранее, в силу своей специфики Санкт-Петербург взаимодействует с разными категориями акторов и агентов, которые помимо своего «уровня обитания» могут быть причислены к той или иной специфичной области парадипломатии: экономической, церемониальной, политической, культурной, гуманитарной (Tavares 2016: 30–31).

Применительно к международной деятельности региона в арктическом направлении следует отметить несколько особенностей. Во-первых, подобные связи и контакты по линии Арктики проводились преимущественно с Финляндией, ее государственными и региональными ведомствами, представителями коммерческого и общественного секторов, а также с городами и их ассоциациями. Здесь Санкт-Петербург в лице своих профильных и непрофильных комитетов проводил мероприятия и встречи двустороннего и многостороннего характера.

Во-вторых, отдельного упоминания заслуживает взаимодействие с официальными представителями Программы приграничного сотрудничества «Россия – Юго-Восточная Финляндия 2014–2020 годов». Здесь факт международной деятельности Санкт-Петербурга также можно отнести к арктическому направлению за счет аналогичного сотрудничества с финскими акторами. Однако качественным отличием будет сама сущность узла, за которым стоит программа приграничного сотрудничества: в отличие от других примеров именно этот негосударственный актор является производным от трехстороннего сотрудничества России, Финляндии и Европейского союза, которое приняло институционализированную форму. Это может говорить о комплексности акторов, с которыми происходило взаимодействие Санкт-Петербурга.

В-третьих, сеть 2022 г. практически не содержит арктических контрагентов, что также заметно на самом графе (см. часть «2022» на рис. 2). Это может говорить об отсутствии арктического направления как такового за указанный период. Дополнительно это соотносится с тенденцией на уплотнение сети, что реализуется через сокращение числа акторов и связей между ними при растущем значении параметров плотности и центральности. Объяснение этого также можно найти в серии региональных и глобальных событий: пандемии вместе с ограничительными мерами государств и новой фазы российско-украинского кризиса. Фактически арктическое направление из-за завязанности на контактах и сотрудничестве с Финляндией на нескольких уровнях деприоритизируется и не фиксируется в качестве результатов международной деятельности органом региональной власти.

Обсуждение и выводы

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать несколько выводов относительно международной деятельности Санкт-Петербурга. Прежде всего отметим, что изучение парадипломатии субнациональных акторов в лице регионов и городов возможно с использованием метода сетевого анализа. Его применение объясняется как внутренними методологическими ресурсами, так и целями исследования, которые сфокусированы на рассмотрении связей между изучаемыми акторами или объектами. Метод сетевого анализа, в присущей ему социологической трактовке, предлагает инструментарий и для дескриптивного, и для объяснительного изучения социетальных феноменов. Что также отразилось и на попытке лонгитюдного рассмотрения динамики изменения самой сети.

Рассмотрение частного случая парадипломатии, а именно результатов международной деятельности Санкт-Петербурга на основе официальных отчетов Комитета по внешним связям, позволило сфокусироваться и вычленивать факты сотрудничества с арктическими акторами. Основу этой группы составили связи и контакты с представителями Финляндии и трехсторонней межгосударственной программой приграничного сотрудничества, которые и стали результатами деятельности субъекта Федерации в арктическом направлении в период 2019–2022 гг. Санкт-Петербург в силу своего географического положения и внутренних ресурсов вовлечен в арктическое пространство посредством своей международной активности.

Вместе с этим предложенная исследовательская модель помимо эпистемических возможностей содержит и ряд существенных ограничений концептуального и методологического характера. Так, она значительным образом редуцирует многообразие вариантов взаимодействия Санкт-Петербурга и его профильных ведомств с другими акторами и агентами, поскольку опосредованно выражает арктическое сотрудничество в качестве дополнительного измерения сотрудничества с Финляндией. Также сами данные, на основе которых были построены модели сетей и проведены рас-

четы, репрезентирует только один тип источника. Отсюда можно критически отнестись к валидности полученных результатов, которые требуют перепроверки на другом типе или источнике данных.

Суммируя все вышесказанное, необходимо отметить наличие еще не до конца использованного потенциала метода сетевого анализа в изучении парадипломатии и международной деятельности субнациональных акторов. В частности, качественный характер текущей работы может быть дополнен возможностями количественных инструментов анализа в рамках метода: например, с помощью построения частных регрессионных моделей, которой может быть экспоненциальная модель случайного графа.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-28-20276 и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соответствии с соглашением от 14.04.2022 г. № 38/2022 на тему «Роль Санкт-Петербурга в развитии арктической научной дипломатии Российской Федерации».

Список литературы / References

- Акимов, Ю. Г. (2016) 'Парадипломатия как средство выражения региональной идентичности субъектов федераций', *Управленческое консультирование*, 2, сс. 25–33. [Akimov, Yu. G. (2016) 'Paradiplomacy as a Way of Promotion of Regional Identity of the Subjects of Federations' [Paradiplomatia kak sredstvo vyrazhenia regionalnoi identichnosti subjectov federatsiy], *Administrative Consulting*, 2, pp. 25–33. (In Russ.)].
- Гутенев, М. Ю., Сергунин, А. А. (2022) 'Арктическая научная дипломатия России: теория и практика', *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 17(3), сс. 155–174. [Gutenev, M. Yu., Sergunin, A. A. (2022) 'Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice' [Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika], *International Organisations Research Journal*, 17(3), pp. 155–174 (in Russ.)].
- Дегтерев, Д. А. (2015) 'Сетевой анализ международных отношений', *Вестник СПбГУ*, 6, сс. 119–138. [Degterev, D. A. (2015) 'Network Analysis of International Relations' [Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnoshenij], *Vestnik SPbGU*, 6, pp. 119–138 (In Russ.)].
- Камынин, В. Д., Михайленко, Е. Б. (eds.) (2022) *Свердловская область: эволюция международных связей (1991–2022)* URL: <http://hdl.handle.net/10995/120151> (дата обращения: 18.03.2023). [Kamynin, V. D., Mikhaylenko E. B. (eds.) (2022) *Sverdlovsk oblast: evolution of international relations (1991–2022)* [Sverdlovsk oblast: edolutsiya mezhdunarodnykh svyaziej (1991–2022)]. Available at: <http://hdl.handle.net/10995/120151> (accessed: 18th March 2023)].
- Савкин, Д. А. (2009) 'К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике', *Вестник СПбГУ*, 6(4), сс. 176–184. [Savkin, D. A. (2009) 'On the issue of the "actorness" of global cities in world politics' [K voprosu ob aktornosti globalnykh gorodov v mirovoj politike], *Vestnik SPbGU*, 6(4), pp. 176–184. (In Russ.)].
- Саворская, Е. В. (2011) 'Проблемы и перспективы применения сетевого подхода к исследованиям мировой политики', *Вестник МГИМО-Университета*, 3(18), сс. 275–279. [Savorskaya, E. V. (2011) 'Perspectives and Pitfalls of Network Approach to the International Relations Studies' [Problemy i perspektivy primeneniya setevogo podhoda k issledovaniyam mirovoj politiki], *MGIMO Review of International Relations*, 3(18), pp. 275–279 (In Russ.)].
- Печерица, В. Ф. (eds.) (2021) *Открывающаяся Арктика в мировой политике и международных отношениях*. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. [Petcheritsa, V. F. (eds.) (2021) *Opening Arctic in World Politics and International Relations* [Otkryvayushchaysa Arktika v mirovoy politike i mezhdunarodnykh otnosheniach]. Vladivostok: Far East Federal University Press (In Russ.)].
- Харлампыева, Н. К., Лагутина, М. Л. (2011) 'Транснациональная модель арктического управления в XXI веке', *Арктика и Север*, 3, сс. 64–83. [Kharlampyeva, N. K., Lagutina, M. L. (2011) 'Transnational model of the Arctic governance in XXI'

- [Transnatsionalnaya model arkticheskogo upravleniya v XXI veke], *Arctica i Sever*, 3, pp. 64–83 (In Russ.).
- Aust, H. P., Nijman, J. E., Marcenko, M. (2021) *Research Handbook on International Law and Cities*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.
- Belloitti, E. (2021) 'Mixed Methods in Egonet Analysis', *Networks in the Global World V: Proceedings of NetGloW 2020*, 5, pp. 15–33.
- Hafner-Burton, E., Kahler, M., Montgomery, A. (2009) 'Network Analysis for International Relations', *International Organization*, 63(3), pp. 559–592.
- Joenniemi, P., Sergunin A. (2014) 'Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy', *Problems of Post-Communism*, 61(6), pp. 18–33.
- Kuznetsov, A. S. (2015) *Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international affairs*. New York: Routledge.
- Perry, B., Pescosolido, B., & Borgatti, S. (2018) *Egocentric Network Analysis: Foundations, Methods, and Models*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rosenau, J. N. (eds.) (1969) *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and Systems*. New York: Free Press.
- Rosenau, J. N. (eds.) (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.
- Sergunin, A., Konyshev, V. (2019) 'Forging Russia's Arctic strategy: actors and decision-making', *The Polar Journal*, 9(1), pp. 75–93.
- Tavares, R. (eds.) (2016) *Paradiplomacy. Cities and States as Global Players*. Oxford: University Press.

Статья поступила в редакцию: 06.07.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 16.10.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

ARCTIC DIRECTION IN ST. PETERSBURG'S INTERNATIONAL ACTIVITY: OBSERVATIONS FROM SOCIAL NETWORK ANALYSIS

F. E. Zolotarev

F. E. Zolotarev, Postgraduate Student,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: fedor.zolotarev.ekb@gmail.com (ORCID: 0000-0002-8789-0856. ResearcherID: ABL-5541-2022).

Abstract

The paper focuses on the international activities of St Petersburg in the Arctic region in 2019-2022. The research is based on paradiplomacy theory, which is a particular case within the neoliberal international relations paradigm framework. The aim is to analyze St. Petersburg's international activities and its position in relation to Arctic actors. To achieve this, the Social Network Analysis (SNA) method is utilized to investigate the relationships between St. Petersburg, including its branches, foreign and international counterparts. SNA is applied to provide a comprehensive approach when examining the facts of cooperation and for dynamic consideration of transformations over time. The research sources comprise formal records of the execution of international collaboration treaties, as well as the external economic relationships of the St. Petersburg Committee on External Relations. These reports were deconstructed, and data were encoded for subsequent network analysis and modeling. The findings reveal that in addition to general transformations of the networks, which were also tracked by changes in statistical parameters, instances of cooperation between St. Petersburg and Arctic actors are represented by preferential cooperation with Finland. This leads to the conclusion that triangulation of data can be accomplished by referencing supplementary data sources and including them in the research.

Keywords: Saint Petersburg; City; Region; Subnational Unit; Social Network Analysis; Paradiplomacy; International Activity.

Acknowledgements: The research was supported financially by the grant of the Russian Science Foundation (RSF) № 22-28-20276 and the grant of the St. Petersburg Science Foundation under agreement № 38/2022 from 14.04.2022 on "The role of St. Petersburg in the development of Arctic science diplomacy of the Russian Federation".

УДК: 327.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-4-137-147

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И БРЕКЗИТ: НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «ВОЗВРАТА КОНТРОЛЯ»

Д. В. Галушко

Галушко Дмитрий Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

E-mail: galushkodv@gmail.com (ORCID: 0000-0002-9301-9565. ResearcherID: GLT-7304-2022).

Аннотация

Исследуется роль вопросов суверенитета в процессе Брекзита и его последствия. Автор отмечает эмоциональный отклик и привлекательность лозунга «Вернуть контроль» для приверженцев выхода Великобритании из Европейского союза, но указывает на сложность его реализации. Анализируется понятие суверенитета и его связь с членством в ЕС, так как сторонники выхода из ЕС высказывали опасения относительно ограничения суверенных полномочий Великобритании. Однако автор отмечает, что риторика о «возврате контроля» не учитывает современную взаимозависимость между странами и условия интеграции. Исследование показывает, что британское правительство выбрало абсолютистскую форму суверенитета, но в результате утратило эффективный контроль во многих сферах, особенно в экономической, воздвигнув барьеры со своими соседями – членами ЕС, тем самым изначальных целей Брекзита не достигнув. Это наглядно продемонстрировала сфера малого и среднего предпринимательства, которая на себе ощутила негативные последствия решения о прекращении членства в интеграционном объединении.

Ключевые слова: Великобритания; Европейский союз; Брекзит; суверенитет; контроль; малое и среднее предпринимательство.

Введение

Вопросы суверенитета играли ключевую роль в Брекзите. Лозунг «Вернуть контроль», используемый приверженцами выхода Великобритании из ЕС, вызвал эмоциональный отклик у многих, став призывом к восстановлению утраченного. Однако возврат контроля столкнулся с реальностью жизни Великобритании после членства в интеграционном объединении соседних европейских стран. Брекзит представлялся возможностью выйти из-под власти правил и механизмов Европейского союза. Премьер-министр Борис Джонсон заявлял, что в результате выхода из ЕС решится давний вопрос суверенной власти, предоставив Великобритании больший вес в мире. Он подчеркивал, что британский народ знает, куда он направляется и готов этого достичь¹.

Однако, как отмечается исследователями, термин «вернуть контроль» не имеет четкого определения, будучи связанным с понятием «суверенитет»². Вступление в ЕС рассматривается как объединение суверенитетов с сохранением контроля не только над внутренними, но и над международными рынками, на которых действуют суверенные государства³. Дебаты вокруг Брекзита выявили различные взгляды на суверенитет. Сторонники выхода высказывали мнение о защите интересов страны, ставя его превыше всех других соображений. Утверждалось, что членство в ЕС ограничивает суверенные полномочия Великобритании и подвергает сомнению ее суверенитет (Brack et al., 2019).

Брекзит инициировал ожесточенную и неразрешимую политическую битву за понимание суверенитета, поскольку возврат контроля столкнулся с имеющимся неравенством власти между Велико-

© Галушко Д. В., 2023

¹ Prime Minister Boris Johnson's speech in Greenwich: 3 February 2020. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-in-greenwich-3-february-2020> (accessed: 01 June 2023).

² Gammage, C. and Syrpis, P. (2020) 'The sovereignty illusion: the freedom to set one's rules has a high price'. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2020/12/23/the-sovereignty-illusion-freedom-to-set-ones-own-rules-has-a-high-price/> (accessed: 01 June 2023).

³ Ibid.

британией и ЕС, с одной стороны, и практикой суверенитета в крайне взаимозависимом мире общих правил, политики и связанных цепочек поставок – с другой. Высокопарная риторика о «возврате контроля» должна была столкнуться с реальностью того, насколько Великобритания была вовлечена в жизнь интеграционного объединения соседних европейских стран, представляя собой яркий пример того, как фундаментальный политический выбор определяется идеей, а не прагматичными материальными интересами для экономики государства, благополучия малого и среднего бизнеса.

Теоретико-методологические основы исследования

На сегодняшний день, несмотря на имеющиеся многочисленные научные труды, касающиеся различных аспектов Брекзита, в науке отсутствует специальное исследование, раскрывающее влияние выхода государства из интеграционного объединения на конкретные сферы общественной жизни, в данном случае на примере важнейшей части экономики – малого и среднего предпринимательства. Так, значительный нарратив исследователей посвятили свои работы влиянию Брекзита на категорию «суверенитет» (см., напр: Murphy, 2021; Weale, 2022; Auer, 2017; Gee, 2016). Большой массив литературы касается причин выхода Великобритании из ЕС и развития Брекзита (см., напр.: Laffan, 2022; Ананьева и Каневский, 2016; Oliver, 2018; Fabbri, 2017). Экономические последствия Брекзита также находятся в фокусе внимания ученых (см., напр.: Gammage & Syrgis, 2022; Eeckhout, 2022; Mathieu, 2020).

В этой связи автор задался целью раскрыть недостижение целей выхода Великобритании из Европейского союза, обусловленного стремлением вернуть делегированные суверенные полномочия вследствие членства в интеграционном объединении, на примере последствий для сферы малого и среднего предпринимательства. С учетом цели были определены следующие задачи: рассмотреть доктринальные подходы к определению понятия «суверенитет»; исследовать трансформации британского суверенитета в контексте членства в ЕС; проиллюстрировать недостижение изначальных целей Брекзита на примере последствий для малого и среднего предпринимательства.

Необходимо заметить, что эмпирическая часть данного исследования была реализована с опорой на методологический принцип сочетания общенаучных и специально-юридических методов изучения, предназначенных для получения объективных и достоверных результатов. Метод концептуального анализа позволил рассмотреть имеющиеся доктринальные подходы к пониманию и раскрытию сущности государственного суверенитета в отечественной и зарубежной доктрине. Диалектический метод стал основой для раскрытия единства и противоречия процесса реализации суверенных полномочий Великобритании, их трансформации в условиях членства в Европейском союзе. Формально-юридический метод был использован, в частности, в ходе исследования соответствующего нормативного материала (международно-правовых документов, конституционно-правовых и других нормативно-правовых актов). С помощью метода системного анализа были определены последствия Брекзита для сферы малого и среднего предпринимательства.

Для достижения цели исследования были проанализированы научные труды как отечественных, так и иностранных специалистов в области политологии, экономики, юридических наук. Эмпирическую базу исследования составили международно-правовые документы, акты Европейского союза, правовые акты Великобритании, международная и национальная судебная практика, статистическая информация, справочная литература, аналитические материалы исследовательских центров и т.д.

Концептуализация суверенитета в научном дискурсе

Суверенитет – многогранная, но спорная категория, которая исторически меняла свое значение. На каждом историческом этапе политические и научные дискуссии о суверенитете были связаны с конкретным историческим контекстом (Bellamy & Castiglione, 1997; Bartelson, 2006). Для Брекзита важна была динамика европейской интеграции и последствия членства в ЕС для суверенитета. При этом место и значение суверенитета, его олицетворение были одними из центральных вопросов политического, юридического и экономического дискурса (Ефремов, 2021). Всем политическим сообществам приходилось решать проблемы, связанные с суверенитетом, поскольку в своей основе они связаны с политическим авторитетом – высшим или окончательным правом на управление. Суверенитет находится в основе государства и является «связующим звеном между правом и политикой»

(Bartelson, 2006: 469). Суверенитет и государственность идут рука об руку с момента установления суверенных основ международно-правовой системы, который целым рядом исследователей датируется Вестфальским договором 1648 г. (Галушко, 2013).

Традиционное определение суверенитета, сформулированное в эпоху раннего модерна как «верховная власть над территорией», не потеряло свое значение в современном мире, несмотря на процессы глобализации и международной интеграции. Некоторые исследователи определяют суверенитет как наличие у государства четырех взаимосвязанных характеристик:

- территориальной определенности государства;
- наличия собственной системы правления;
- высшей власти в лице собственного правителя;
- собственного народа (Bellamy, 2016: 191).

Данные характеристики подразумевают, что суверенитет государства имеет международно-правовой и внутренний аспекты, которые сосуществуют и влияют на практику суверенитета внутри государства и на международной арене (Бирюков, 2013: 137).

Территориальность и границы занимают центральное место в возникновении внутреннего и внешнего измерений суверенитета как основных черт государственности (Laffan et al., 1999: 15). Как утверждается, в современном мире суверенитет прежде всего связан с идеей о том, что государства автономны и независимы друг от друга (Krasner, 2001: 21). Однако международная интеграция и, прежде всего, членство в Европейском союзе выводят государства за рамки классического понимания суверенитета, его свойств и проявлений, так как «ни одно государство в Европе не остается суверенным в том смысле, в котором его понимали дипломаты или правоведы полвека назад» (Wallace, 1999: 503). Вступление в ЕС различным образом трансформирует автономию стран-участниц, изменяя конфигурацию осуществления суверенитета, но не устраняя его. Суверенитет государств не прекращается в рамках Европейского союза, а напротив, проблемы, с ним связанные, находятся в основе дискуссий о компетенции ЕС, его правопорядке, демократической легитимности и прочих вопросов функционирования интеграционного объединения и его взаимодействия с государствами-членами. Как отмечается, государственный суверенитет не «вытеснен, но в значительной степени лишен своей прежней остроты» (Hoffman, 1966). Брекзит продемонстрировал, что проблематика суверенитета очень ярко проявляет себя даже в XXI в.

Существует точка зрения, что суверенитет описывает как правовой, так и политический статус (Brown, 2001: 128). Это относится к способности государства наряду с верховенством над внутренними делами обладать правом управлять своим народом и свободой от вмешательства извне (Wang, 2004: 473). Политическое значение суверенитета заключается в контроле и управлении государственными делами правительством или иным государственным органом (Smith, 2016).

Британский суверенитет в контексте членства в ЕС

В то время, как традиционное понимание суверенитета подразумевало способность государства принимать решения во внутренней политике в пределах своих границ, без вмешательства извне, интеграция сузила границы возможностей правительств контролировать такие решения. Тем не менее, будь то единый рынок ЕС или иные международные соглашения, это не обязательно потеря, а приобретение для суверенного государства, поскольку контроль неизбежно распространяется за пределы границ государства. Государствоцентричный подход утверждает, что европейская интеграция не является проблемой для государственности стран-участниц. Скорее, она сохраняет и даже укрепляет государственный суверенитет. Наднациональные акторы просто помогают государствам-членам прийти к согласию. Как следствие, исследователи задаются вопросом, действительно ли Великобритания уступила суверенитет, присоединившись к ЕС? Британское правительство по-прежнему имело право определять большую часть политики для британского народа в отношении здравоохранения, образования, пенсий, социального обеспечения, денежно-кредитной политики, обороны и безопасности границ. Великобритания контролировала более 98 % своих государственных расходов (Niblett, 2015).

Акт о Европейских сообществах 1972 г.¹ допускал определенную степень защиты суверенитета британского парламента. Парламентский суверенитет, сосуществующий с членством в ЕС, также был

¹ European Communities Act 1972. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1972/68/contents> (accessed: 01 June 2023).

подтвержден статьей 19 Акта о Европейском союзе 2011 г.¹ Таким образом, аргумент о том, что право ЕС превалирует над правом Великобритании, верен только в том случае, если это принимается британским парламентом (Ringeisen-Briardeud, 2017). Кроме того, интеграционное право ЕС, которое применяется в Великобритании, является результатом осуществления парламентского суверенитета и никоим образом не должно рассматриваться как угроза для него. Как отмечается исследователями, аргументы в пользу возвращения суверенного контроля в большей степени смешивали суверенитет, эффективное осуществление власти и способность контролировать силы, которые могут повлиять на безопасность и / или процветание страны (Martin Wolf (2016)². Вследствие попыток сохранить максимальные суверенные полномочия Великобритания в итоге отказалась от формальных структур экономического сотрудничества в период, когда интеграция подчеркнула ограниченные способности суверенных правительств обеспечить процветание своих народов (Niblett, 2015).

Тем не менее цели, которые Великобритания продвигала после Брексита, резко противоречили этому: глобальное торговое государство, великая держава, лидер Содружества, союзник США и т.д. Утверждалось, что эти роли позволят добиться большей международной автономии, «свободной от оков ЕС» (Daddow, 2019). До Б. Джонсона Тереза Мэй также поддерживала концепцию «Глобальной Британии», а правительство подчеркивало свое глобальное влияние, экономическую мощь и мягкую силу.

Манифест «Глобальная Британия» частично можно связать с историческим поиском новой идентичности (Годованюк, 2021). Часть этого подхода связана с продвижением «англосферы» или идеей объединения наций англоязычного мира (Косторниченко, 2019). Она стала популярной в конце XIX в., когда, как и сегодня, Великобритания искала способы усилить свое влияние в мире, в частности путем более тесного сотрудничества с англоязычными торговыми партнерами, например США, но также бывшими доминионами Британской империи: Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. Уинстон Черчилль возродил эту идею в своей четырехтомной публикации «История англоязычных народов» (Churchill, 1956), в которой он восхищается вкладом англоязычных государственных деятелей в строительство правового государства, демократии и свободного предпринимательства. В 1999 г. бывший премьер-министр Маргарет Тэтчер также отметила достижения «англосферы» в ходе выступления перед Англоязычным союзом. Однако, конечно же, самое главное проявление англосферы (или Империи 2.0, как ее называют некоторые критики) в последнее время было в период, предшествующий референдуму о выходе Британии из Европейского союза (Kenny & Pearce, 2018). Дэвид Дэвис, впоследствии министр по вопросам выхода Великобритании из Европейского союза в правительстве Терезы Мэй, заявил перед референдумом в 2016 г.: «Это возможность вновь укрепить наши прочные отношения со странами Содружества и англосферы» (Davis 2016)³. После референдума в своем выступлении во время поездки в Австралию в июле 2017 г. Борис Джонсон восхвалил Черчилля и его способность изображать «особый талант англоязычных народов». Помимо англосферы, идея о том, что Великобритания может получить выгоду от торговли с развивающимися странами, такими как Китай и Индия, также была частью манифеста «Глобальная Британия», хотя риторика англосферы привлекала большее внимание.

Одновременно с этим утверждается, что популистская концепция «вернуть контроль», успешно использованная кампанией «За выход» (теми, кто поддерживал выход Великобритании из ЕС), устарела, потому что она предусматривает, что государство все еще способно принимать все решения в пределах своих границ. Складывается впечатление, что концепция суверенитета для сторонников Брексита являлась риторическим инструментом, обусловленным «имперской ностальгией» и неправильным пониманием того, что фактически представляет собой Европейский союз, как функционирует данное интеграционное объединение. Тот факт, что вопрос «Что такое ЕС?» был вторым по популярности запросом, заданным жителями Великобритании в интернет-поисковиках сразу после референдума, говорит о непонимании сущности ЕС и в конечном итоге его влияния на государственный суверенитет.

¹ European Union Act, 2011. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/12/contents> (accessed: 01 June 2023).

² Wolf, M. (2016) 'Brexit: sovereignty is not the same as power', *Financial Times*, 3 May. URL: <https://www.ft.com/content/fece7238-1071-11e6-91da-096d89bd2173> (accessed: 01 June 2023).

³ Davis, D. (2016) 'Britain would be better off outside the EU – and here's why', *ConservativeHome*. URL: <https://www.conservativehome.com/platform/2016/02/david-davis-britain-would-be-better-off-out-of-the-eu-and-heres-why.html> (accessed: 01 June 2023).

Приверженцы сохранения членства в ЕС (Remainers) рассматривали суверенитет совершенно иначе, считая, что традиционное понимание суверенитета устарело, а членство в ЕС является более соответствующей формой осуществления власти. По их мнению, будучи членом ЕС, Великобритания имела большее влияние в мире, а национальная власть не ограничивалась. В преддверии референдума в 2016 г. на это указывали многие зарубежные деятели. Например, премьер-министр Новой Зеландии заявил, что Великобритания имеет более сильное положение, находясь в единой Европе (Beasley et al., 2021). Немецкий министр финансов Вольфганг Шойбле даже заявил, что выход из ЕС ослабит силу и суверенитет Великобритании в эпоху глобализации¹. Представитель ЕС по вопросам Брекзита также заявил, что «суверенное государство – это иллюзия, которую преследуют британцы» (Barker 2018)².

Как отмечается в доктрине, весь спор о возвращении контроля основан на предположении, что суверенитет может быть «сохранен» или «восстановлен»³. Термин представлен как бинарная концепция: что-то, чем государство либо обладает, либо не обладает, или что-то, что может быть отдано или восстановлено. Признание того, что при заключении юридически обязательных международных соглашений возникают «ограничения» суверенитета, – неверно. Напротив, это способ осуществления суверенитета, при котором юридические ресурсы государства используются в интересах целей, которые воспринимаются в различных контекстах, прежде всего экономическом, как ценные⁴.

Именно различные экономические вопросы занимали центральное место в ходе переговоров по Брекзиту. 24 декабря 2020 г. ЕС и Великобритания согласовали Соглашение о торговле и сотрудничестве (далее – СТС). При подписании СТС премьер-министр Великобритании Борис Джонсон заявлял, что «мы вернем контроль над нашей торговой политикой и покинем Таможенный союз ЕС и единый рынок. Мы вернем себе контроль над нашими водами, и этот договор подтверждает британский суверенитет над нашими огромными морскими богатствами. Мы вернем себе контроль над нашими деньгами, прекратив огромные платежи в ЕС. Мы вернем себе контроль над нашими границами и в начале следующего года введем нашу новую иммиграционную систему, основанную на баллах. Что наиболее важно, соглашение предусматривает, что Великобритания вернет себе контроль над нашими законами, не предоставляя никакой роли законодательству ЕС и не предоставляя юрисдикции Суду ЕС. Единственные законы, которым мы должны будем подчиняться, – это законы, принятые избранным нами парламентом»⁵.

Джонсон и сторонники Брекзита утверждали, что СТС подтверждает суверенитет. Однако Великобритания до сих пор в определенной степени привязана к нормам и принципам ЕС (Галушко, 2022). Более того, она потеряла многие преимущества нахождения в составе Европейского союза (Энтин и Галушко, 2021). Как отмечается, Великобритания стала «принимающей правила», а не их «создающей»⁶. Даже если принять ошибочную идею о том, что Великобритания восстановила суверенную власть, она неизбежно променяла суверенитет на процветание, поскольку новое соглашение, например, не обеспечивает достаточной защиты малым и средним предприятиям (Kaplan, 2018).

Последствия Брекзита для малых и средних предприятий

Значительная часть научного дискурса рассматривает влияние Брекзита либо на британскую экономику в целом, либо на отдельные отрасли хозяйства, либо на крупный бизнес (Bailey & Budd, 2017; Bailey & De Propriis, 2017). При этом внимание практически не уделяется последствиям для малого и среднего бизнеса. Хотя крупные компании в значительной степени влияют на состояние и раз-

¹ Hoffmann, C. and Reiermann, C. (2016) 'Britain Is a Leading Nation. Interview with Wolfgang Schäuble', *Der Spiegel*. URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/spiegel-interview-with-wolfgang-schaeuble-on-brexit-a-1096999.html> (accessed: 01 June 2023).

² Barker, A. (2018) 'Brexiters Fear 'Biggest Loss of Sovereignty' Since 1973', *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/14ab9916-8396-11e8-a29d-73e3d454535d> (accessed: 01 June 2023).

³ Elliott, M. (2020) 'The UK-EU Brexit Agreements and 'sovereignty': Having one's cake and eating it?', *Public Law for Everyone*. URL: <https://publiclawforeveryone.com/2020/12/31/theuk-eu-brexit-agreements-and-sovereignty-having-ones-cake-and-eating-it/> (accessed: 01 June 2023).

⁴ Ibid.

⁵ Johnson, B. (2021) 'PM's speech at the Centre for Policy Studies', *Prime Minister's Office*. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-the-centre-for-policy-studies-22-november-2021> (accessed: 01 June 2023).

⁶ Elliott, M. (2020) 'The UK-EU Brexit Agreements and 'sovereignty': Having one's cake and eating it?' *Public Law for Everyone*. URL: <https://publiclawforeveryone.com/2020/12/31/theuk-eu-brexit-agreements-and-sovereignty-having-ones-cake-and-eating-it/> (accessed: 01 June 2023).

витие экономики Великобритании, именно малый и средний бизнес составляет ее основу, обеспечивая большое количество рабочих мест и внося значительный вклад в рост и инновации в эпоху экономической нестабильности. По состоянию на 2017 г. малые и средние предприятия составляли около 99 % из всех 5,7 млн юридических лиц в Великобритании, обеспечивали более 70 % занятости в частном секторе и 73 % всех созданных рабочих мест: с 2010 по 2017 г. малые и средние предприятия создали около 2 млн рабочих мест¹. Тем самым влияние Брекзита на сферу малого и среднего бизнеса предопределяет состояние экономики Великобритании в настоящий период, при том, что после последствий пандемии экономики большинства стран восстанавливаются и переходят к уверенному росту, экономика же Великобритании отстает².

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) прогнозирует, что британская экономика вырастет на 3,6 % в этом году и покажет нулевой рост в следующем, переместив Великобританию со второй позиции по темпам экономического роста среди стран группы G7 на самую последнюю³. Согласно отчету, посвященному состоянию малого и среднего бизнеса Великобритании⁴, экономика страны по-прежнему входит в десятку самых конкурентоспособных экономик мира (по рейтингу Всемирного экономического форума). Однако такое положение не гарантировано после Брекзита. При этом отмечается, что устойчивость малого и среднего бизнеса имеет решающее значение для экономического будущего Великобритании, особенно в период неопределенности, в том числе вызванной Брекзитом.

Всего год спустя после официального выхода из ЕС и «возврата контроля», по данным Управления национальной статистики, экспорт товаров из Великобритании в ЕС упал на 40,7 %, а импорт – на 28,8 %, составив самое большое падение с начала публикации данных в 1997 г.⁵ Согласно прогнозу Управления бюджетной ответственности (OBR) Великобритании, долгосрочные последствия Брекзита для экономики Великобритании будут хуже, чем от пандемии. Ведомство предупредило, что Брекзит сократит потенциальный ВВП Великобритании на 4 %, а пандемия – еще на 2 %. По оценкам Центра исследований экономической политики, выход из ЕС повысил потребительские цены на 2,9 %, что обходится средней британской семье в 870 фунтов стерлингов в год (Breinlich et al., 2017).

Одновременно с этим в двух из пяти малых и средних предприятий заявили, что после Брекзита их затраты увеличились, особенно на импорт товаров, в то время как 16 % страдают от нехватки квалифицированной рабочей силы и им все труднее нанимать персонал⁶. Как отмечается, иные проблемы для малого и среднего бизнеса, созданные Брекзитом, составляют тарифы на британский экспорт, сбои в цепочках поставок, сокращение числа рабочих из ЕС и падение доверия к британскому рынку. При этом бюрократические и логистические издержки отнимают у малого и среднего бизнеса больший процент ресурсов, чем у более крупного. Многие крупные предприятия перенесли часть своей деятельности в Северную Ирландию, которая по-прежнему остается в Таможенном союзе ЕС, для избежания и нивелирования вынужденных дополнительных расходов. Однако для малого и среднего предпринимательства такой вариант попросту неприемлем, а зачастую и просто невозможен.

В отчете парламентского комитета по государственным расходам за февраль 2022 г. признается «явное увеличение расходов на оформление документов и задержки на границе» для британских предприятий после Брекзита⁷. При этом меры государственной поддержки британского малого и среднего бизнеса недостаточны. Многие малые и средние предприятия оказались не в состоянии по-

¹ Business population estimates for the UK and regions, 2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/663235/bpe_2017_statistical_release.pdf (accessed: 01 June 2023).

² Rishi Sunak hits back at Remainers: You can't 'disentangle' impact of Brexit from Covid. URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/1587898/rishi-sunak-brexit-news-latest-economic-forecast-eu-trade-latest> (accessed: 01 June 2023).

³ UK to see slowest growth of developed countries, says OECD. URL: <https://www.bbc.com/news/business-61729892> (accessed: 01 June 2023).

⁴ UK SMEs: Brexit and Beyond. URL: <https://www.dnb.co.uk/content/dam/english/business-trends/creativeux-997-uk-sme-report-2028-pdf-final.pdf> (accessed: 01 June 2023).

⁵ UK trade: January 2021. URL: <https://www.ons.gov.uk/economy/nationalaccounts/balanceofpayments/bulletins/uktrade/january2021> (accessed: 01 June 2023).

⁶ Willems, M. Brexit has made our life more difficult, say two thirds of all small businesses across Britain. URL: <https://www.cityam.com/brexit-has-made-our-life-more-difficult-say-two-thirds-of-all-small-businesses-across-britain/> (accessed: 01 June 2023).

⁷ EU Exit: UK Border post transition. Public Accounts Committee Report. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm5802/cmselect/cmpublicacc/746/report.html> (accessed: 01 June 2023).

лучить доступ к обещанной государственной помощи. По заявлению руководителя Федерации малого бизнеса, «недостаточное количество нуждающихся предприятий получили доступ к средствам Фонда поддержки малого и среднего бизнеса в условиях Брекзита из-за необоснованных критериев приемлемости и нереальных сроков»¹. Хотя правительство сохраняет свое позитивное отношение к выходу из Европейского союза, Глобальное исследование торговли за 2022 г. показывает, что британские экспортеры по-прежнему крайне обеспокоены его последствиями². Как отмечают эксперты, «Брекзит по-прежнему остается препоной – он стал структурным препятствием для британского экспорта»³. При том, что в 2021 г. объем экспорта Великобритании сократился, в большинстве стран мира наблюдался всплеск внешней торговли.

Исследователи указывают в качестве важнейших факторов, влияющих на малый и средний бизнес вследствие «возврата контроля», неопределенность в отношении будущих изменений в правовом регулировании различных вопросов, связанных с торговлей, а также повышение стоимости импорта и неопределенность в отношении будущего доступа к рынкам ЕС, многочисленные формальности при перемещении товаров через таможенную границу с Союзом⁴. Одновременно с этим около двух третей британских малых и средних предприятий сократили планы будущих капиталовложений еще в период правового оформления прекращения членства Соединенного Королевства в Европейском союзе (Brown et al., 2019). 31 % опрошенных владельцев малого и среднего бизнеса рассматривали возможность поменять принадлежность к государственной юрисдикции для получения лучших мер поддержки и перспектив роста за пределами Великобритании⁵. Если это произойдет, последствия для экономики и сферы занятости Великобритании могут стать самыми серьезными и долгосрочными.

Для сторонников Брекзита изначально одним из основных доводов было то, что Великобритания должна восстановить полностью независимую торговую политику, которая позволила бы стране адаптировать международные торговые соглашения к своим национальным интересам (Годованюк, 2021). Соединенное Королевство, выйдя из Европейского союза, стремится выстроить новую систему правового регулирования торговых связей на глобальном уровне, заключая соглашения о подтверждении существующих торговых соглашений ЕС с третьими странами, а также новые (Галушко, 2023). Одним из таких соглашений стало Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (СРТП)⁶. Как заявила министр международной торговли Лиз Трасс, «из всех возможностей, которые я видела, я думаю, что СРТП является одной из величайших [...] Членство в СРТП откроет для Великобритании быстрорастущий Тихоокеанский регион»⁷. По утверждению министра, для Соединенного Королевства будут исключительно преимущества и никаких обязательств: «Нет ни Суда ЕС, ни необходимости гармонизации внутреннего регулирования, ни захвата нашей суверенной власти»⁸. В конечном итоге британское правительство 31 марта 2023 г. объявило, что оно «по существу завершило переговоры о присоединении страны» к соглашению СРТП⁹.

СРТП подписали 11 стран Тихоокеанского региона после отказа США: Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам. На эту зону

¹ FSB Newsletter (2022). URL: <https://www.fsb.org.uk/resources-page/fsb-newsletter-friday-11-february-2022.html> (accessed: 01 June 2023).

² Allianz Trade Global Survey 2022. URL: https://www.allianz.com/en/economic_research/publications/specials_fmo/2022_4_12_global_trade.html (accessed: 01 June 2023).

³ Ibid.

⁴ Brown, R., and Wilson, J. (2019) 'More than a million UK small businesses see Brexit as major obstacle to success', *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/more-than-a-million-uk-small-businesses-see-brexit-as-major-obstacle-to-success-114518> (accessed 01: June 2023).

⁵ UK SMEs: Brexit and Beyond. URL: <https://www.dnb.co.uk/content/dam/english/business-trends/creativeux-997-uk-sme-report-2028-pdf-final.pdf> (accessed: 01 June 2023).

⁶ Kane, J. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP): Explainer. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainer/comprehensive-and-progressive-agreement-trans-pacific-partnership> (accessed: 01 June 2023).

⁷ Truss, L. (2020) 'Speech: Global Britain and the CPTPP'. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/global-britain-and-the-cptpp> (accessed: 01 June 2023).

⁸ Ibid.

⁹ UK strikes biggest trade deal since Brexit to join major free trade bloc in Indo-Pacific. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-strikes-biggest-trade-deal-since-brexit-to-join-major-free-trade-bloc-in-indo-pacific> (accessed: 01 June 2023).

свободной торговли приходится 13 % мирового ВВП¹. Вступление в СРТПР является частью британской стратегии «Глобальной Британии», принятой вследствие Брексита. Тем не менее некоторые ставят под сомнение преимущества присоединения государства к СРТПР, особенно с учетом того, что производственные цепочки в британской экономике тесно не связаны с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Однако стратегия Департамента торговли, действующая с июня 2002 г., заключается в укреплении присутствия в регионе с помощью пакета мер поддержки малых и средних предприятий, желающих получить доступ к динамичным рынкам азиатских стран. Тем не менее отмечается ограниченность потенциала увеличения объема внешней торговли для малого и среднего бизнеса за счет присоединения к СРТПР, с учетом доли сферы услуг в экономике Великобритании и важности их близости к торговым партнерам: чем дальше страны находятся от Соединенного Королевства, тем больше трудностей в их торговле будет возникать. Подсчитано, что увеличение расстояния между поставщиком и потребителем на 10 % снижает возможности торговли на 6 %².

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что в ходе Брексита британское правительство придерживалось узкого определения суверенитета как неограниченного контроля над внутренним правотворчеством и способностью устанавливать свои собственные правила таким образом, чтобы они соответствовали внутренним обстоятельствам и условиям. Правительство Великобритании выбрало абсолютистскую форму суверенитета, но на практике утратило эффективный контроль в отношениях со своим ближайшим соседом – Европейским союзом, частью которого государство являлось на протяжении многих десятилетий, получая от этого множественную выгоду. На наш взгляд, такой подход не соответствует современным реалиям XXI в., который характеризуется взаимосвязанностью экономик, означающей, что сохранение суверенитета при одновременном содействии свободной торговле и поддержке многонационального предпринимательства практически невозможно.

Соединенное Королевство членству в европейском интеграционном объединении и преимуществам, которые из этого следуют, предпочло выход, в то время как государства – члены Союза продолжают оставаться частью единого целого, участвуют в развитии интеграции, имея возможность влиять на принимаемые в ЕС решения и эффективно взаимодействуя в рамках объединения как с наднациональными институтами и органами, так и с другими государствами-членами. Тем самым Brexit – это эксперимент в суверенной практике конкретного государства, пожелавшего «вернуть контроль» над своими суверенными полномочиями путем выхода из интеграционного объединения.

Рассмотренные последствия Брексита для сферы малого и среднего предпринимательства демонстрируют, что решение покинуть ЕС представляет собой самое важное изменение в экономической политике Великобритании как минимум за последние полвека, вследствие которого долгосрочные последствия Брексита для благосостояния государства будут негативными. Состояние малого и среднего бизнеса уже это подтверждает, а принимаемые британскими властями меры как на внутренней, так и на международной арене, выглядят явно недостаточными и неспособными заменить участие в общем рынке Европейского союза.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

¹ International Agreements Committee of House of Lords. UK accession to the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP): Scrutiny of the Government's Negotiating Objectives: 10th Report of Session 2021–22. URL: <https://committees.parliament.uk/publications/7859/documents/81612/default/> (accessed: 01 June 2023).

² Van der Marel, E. (2021) 'UK joining the CPTPP: In Search of the Economic Benefits in Services', *European Centre for International Political Economy*. URL: <https://ecipe.org/blog/ukjoining-the-cptpp/> (accessed: 01 June 2023).

Список литературы / References

- Ананьева, Е. В., Каневский, П. С. (2016) *Брекзит-1 и Брекзит-2: Британия и США меняют парадигму?* Москва: Инст-т Европы РАН. [Anan'eva, E. V., Kanevskij, P. S. (2016) *Brekzit-1 i Brekzit-2: Britanija i SShA menjajut paradigmu?* [Brexit-1 and Brexit-2: Are Britain and the US changing the paradigm?]. Moskva: Inst-t Evropy RAN (In Russ.)].
- Бирюков, П. Н. (2013) *Международное право*. Москва. [Birjukov, P. N. (2013) *International law* [Mezhdunarodnoe pravo]. Moskva. (In Russ.)].
- Галушко, Д. В. (2013) 'О суверенитете государства в международном праве', *Вестник Воронежского государственного университета, Серия: Право*, 1(14), pp. 366–374. [Galushko, D. V. (2013) 'On State Sovereignty in International Law' [O suverenitete gosudarstva v mezhdunarodnom prave], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija: Pravo*, 1(14), pp. 366–374 (In Russ.)].
- Галушко, Д. В. (2022) 'Проблемы обеспечения юрисдикции Суда Европейского союза в процессе брекзита', *Российский журнал правовых исследований*, 9(1), pp. 15–21. [Galushko, D. V. (2022) 'Problemy obespechenija jurisdikcii Suda Evropejskogo sojuza v processe brekzita' [Problems of Ensuring the Jurisdiction of the Court of Justice of the European Union in the Brexit Process], *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, 9(1), pp. 15–21. (In Russ.)].
- Галушко, Д. В. (2023) *Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита*. Дисс. докт. юр. наук. Москва. [Galushko, D. V. (2023) *Teorija i praktika pravovogo regulirovanija integracionnyh processov v svete vyzovov Brekzita* [Theory and practice of legal regulation of integration processes in the light of Brexit challenges]. Diss. dokt. jur. nauk. Moskva. (In Russ.)].
- Годованюк, К. А. (2020) «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. Москва: Инст-т Европы РАН. [Godovanjuk, K. A. (2021) "Global Britain" on the eve of Brexit [«Global'naja Britanija» v preddverii brekzita]. Moskva: Inst-t Evropy RAN (In Russ.)].
- Годованюк, К. А. (отв. ред.) (2021) *Британия после брекзита*. Москва: Инст-т Европы РАН. [Godovanjuk, K. A. (ed.) (2021) *Britain after Brexit* [Britanija posle brekzita]. Moskva: Inst-t Evropy RAN (In Russ.)]. DOI 10.15211/report82021_386.
- Ефремов, А. А. (2021) *Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации*. Дисс. докт. юр. наук. Москва. [Efremov, A. A. (2021) *Information and legal mechanism for ensuring the state sovereignty of the Russian Federation* [Informacionno-pravovoj mehanizm obespechenija gosudarstvennogo suvereniteta Rossijskoj Federacii]. Dr. Diss. (Law). Moscow. (In Russ.)].
- Косторниченко, В. Н. (2019) 'Концепция англосферы как основа внешнеполитического курса англоязычных стран', *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*, 2(835), сс. 106–117. [Kostornichenko, V. N. (2019) 'The concept of the Anglosphere as the basis of the foreign policy course of the English-speaking countries' [Konceptija anglosfery kak osnova vneshnepoliticheskogo kursa anglojazycznych stran], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki*, 2(835), pp. 106–117. (In Russ.)].
- Энтин, М. Л., Галушко, Д. В. (2021) 'О правовых последствиях брекзита (на примере защиты персональных данных)', *Современная Европа*, 5(105), сс. 45–55. [Entin, M.L., Galushko, D. V. (2021) 'O pravovyh posledstvijah brekzita (na primere zashhity personal'nyh dannyh) [On the legal consequences of Brexit (on the example of personal data protection)]', *Sovremennaja Evropa*, 5(105), pp. 45–55. (In Russ.)].
- Auer, S. (2017) 'Brexit, Sovereignty and the End of an Ever Closer Union'. In W. Outhwaite (Ed.), *Brexit: Sociological Responses*. London: Anthem Press, pp. 41–54.
- Bailey, D. and Budd, L. (2017) *The Political Economy of Brexit*. London: Agenda Publishing.
- Bailey, D. and De Propriis, L. (2017) 'Brexit and the UK Automotive Industry', *National*

- Institute Economic Review*, 242(1), pp. R51–R59.
- Bartelson, J. (2006) 'The Concept of Sovereignty Revisited', *European Journal of International Law*, 17(2), pp. 463–474.
- Beasley, R. K., Kaarbo, J. and Oppermann, K. (2021) 'Role Theory, Foreign Policy, and the Social Construction of Sovereignty: Brexit Stage Right', *Global Studies Quarterly*, 1(1), pp. 1–14. DOI: 10.1093/isagsq/ksab001.
- Bellamy, R. and Castiglione, D. (1997) 'Building the Union: The Nature of Sovereignty in the Political Architecture of Europe', *Law and Philosophy*, 16, pp. 421–445. DOI: 10.1023/A:1005868920402.
- Bellamy, R. (2016) 'A European Republic of Sovereign States: Sovereignty, republicanism and the European Union', *European Journal of Political Theory*, 16(2), pp. 188–209.
- Brack, N., Comon, R. and Crespy, M. (2019) 'Unpacking old and new conflicts of sovereignty in the European polity', *Journal of European Integration*, 41(7), pp. 817–832. DOI: 10.1080/07036337.2019.1665657.
- Breinlich, H., Leromain, E., Novy, D., and Sampson, T. (2017) 'The Brexit Vote, Inflation and UK Living Standards', *CEP Brexit Analysis Papers 11*, Centre for Economic Performance, LSE. URL: <https://personal.lse.ac.uk/sampson/XRatePrices.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).
- Brown, C. (2001) *Understanding International Relations*. New York: Palgrave.
- Brown, R., Liñares-Zegarra, J. and Wilson, J. O. S. (2019) 'The (potential) impact of Brexit on UK SMEs: regional evidence and public policy implications', *Regional Studies*, 53(5), pp. 761–770. DOI: 10.1080/00343404.2019.1597267.
- Churchill, W. S. (1956) *A History of the English-Speaking Peoples. Volume I, The Birth of Britain*. New York: Dodd, Mead and Company.
- Daddow, O. (2019) 'Global Britain™: The Discursive Construction of Britain's Post-Brexit World Role', *Global Affairs*, 5(1), pp. 5–22.
- Eeckhout, P. (2022) 'Brexit Sovereignty and its Dead Ends'. *Global Policy*, 13(2), pp. 98–105. DOI: 10.1111/1758-5899.13077.
- Fabbrini, F. (2017) *The Law and Politics of Brexit*. Oxford: Oxford University Press.
- Gammage, C., and Syrpis, P. (2022) 'Sovereignty Fictions in the United Kingdom's Trade Agenda', *International & Comparative Law Quarterly*, 71(3), pp. 563–588. DOI: 10.1017/S0020589322000173.
- Gee, G. (2016) 'Regaining Sovereignty? Brexit, the UK Parliament and the Common Law', *European Public Law*, 22(1), pp. 131–147. DOI: 10.54648/euro2016008.
- Hoffman, S. (1966) 'Obstinate or Obsolete: The Fate of the Nation State and the Case of Western Europe', *Daedalus*, 95(3), pp. 862–915.
- Kaplan, Y. (2018) '(Re)considering sovereignty in the European integration process', *Asian Journal of German and European Studies*, 3(1). URL: <https://ajges.springeropen.com/articles/10.1186/s40856-017-0023-4#citeas> (дата обращения: 01.06.2023). DOI: 10.1186/s40856-017-0023-4.
- Kenny, M. and Pearce, N. (2018) *Shadows of Empire: The Anglosphere in British Politics*. Cambridge: Polity Press.
- Krasner, S. D. (2001) 'Sovereignty', *Foreign Policy*, 122, pp. 20–29.
- Laffan, B., O'Donnell, R. and Smith, M. (1999) *Europe's Experimental Union: Rethinking Integration*. London: Routledge.
- Laffan, B. (2022) 'Brexit: What Role did Process Play?', *Global Policy*, 13(2), pp. 79–88. DOI: 10.1111/1758-5899.13069.
- Mathieu, C. (2020) 'Brexit: What economic impacts does the literature anticipate?', *Revue de l'OFCE*, 167, pp. 43–81. DOI: 10.3917/reof.167.0043.
- Murphy, M. C. (2021) 'Northern Ireland and Brexit: where sovereignty and stability collide?', *Journal of Contemporary European Studies*, 29(3), pp. 405–418, DOI: 10.1080/14782804.2021.1891027.
- Niblett, R. (2015) *Britain, Europe and the World. Rethinking the UK's Circles of Influence*. London: Chatham House.
- Oliver, T. (2018) *Understanding Brexit: A Concise Introduction*. Bristol, UK: Policy Press.
- Ringeisen-Biardeaud, J. (2017) 'Let's take back control': Brexit and the Debate on Sovereignty', *Revue française de civilisation britannique*, 22(2). URL: <http://journals.openedition.org/rfcb/1319> (дата обращения: 01.06.2023). DOI: 10.4000/rfcb.1240.
- Smith, C. J. (2016) *Property and Sovereignty – Legal and Cultural Perspectives*. Lon-

- don/New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Wallace, W. (1999) 'The Sharing of Sovereignty: the European Paradox', *Political Studies*, 47, pp. 503–521.
- Wang, G. (2004) 'The impact of Globalization on State Sovereignty', *Chinese Journal of International Law*, 3(2), pp. 473–483. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000530.
- Weale, A. (2022) Taking Back Control as Democratic Theory, *Global Policy*, 13(2), pp. 89–97. DOI: 10.1111/1758-5899.13080.
- Wang, G. (2004) 'The impact of Globalization on State Sovereignty', *Chinese Journal of International Law*, 3(2), pp. 473–483. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cjilaw.a000530.

Статья поступила в редакцию: 23.08.2023

Статья принята к печати: 06.11.2023

THE UK AND BREXIT: SOME CONSEQUENCES OF "TAKING BACK CONTROL"

D. V. Galushko

D. V. Galushko, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation.
E-mail: galushkodv@gmail.com (ORCID: 0000-0002-9301-9565. ResearcherID: GLT-7304-2022).

Abstract

The article explores the role of sovereignty issues in the Brexit process and its consequences. The author notes the emotional response and attractiveness of the slogan "take back control" for the supporters of the UK's exit from the European Union, but points out the difficulties of its implementation. The concept of sovereignty and its connection with EU membership are analyzed, as supporters of leaving the EU expressed concerns about limiting the UK's sovereign powers. However, the author notes that the rhetoric about the "return of control" does not take into account the modern interdependence between countries and the conditions for integration. The study shows that the British government opted for an absolutist form of sovereignty, but as a result lost effective control in many areas, especially in the economy, erecting barriers with its EU neighbors, thus not achieving the original goals of Brexit. This was clearly demonstrated by the sphere of small and medium-sized businesses, which felt the negative consequences of the decision to terminate membership in the integration entity.

Keywords: Great Britain; European Union; Brexit; sovereignty; control; small and medium business.

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) 'Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Москва*. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2023. Том 17. № 4

Bulletin of Perm University.
Political Science
2023. Vol. 17. № 4

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 20.12.2023.
Выход в свет 22.12.2023.
Формат 60x84/8. Усл. печ. 17,9.
Тираж 500 экз. Заказ 163.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8(342)239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8(342)239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.

Подписной индекс 41006